

ББК 74.00
Л42

Автор: В. Л. ЛЕВИ — врач, психолог, писатель, его перу принадлежат книги «Охота за мыслью», «Я и мы», «Искусство быть собой», «Искусство быть другим», «Разговор в письмах», «Везет же людям», «Цвет судьбы».

В оформление включены рисунки автора.

Леви В. Л.

Л42 Нестандартный ребенок.— 3-е изд.— М.: Знание, 1989.— 256 с.

90 к.

250 000 экз.

Эта книга объединяет в себе свойства учебника и романа, она о детях и не только о детях.

Ребенок как человек и человек как ребенок: общение старшего с младшим; дети, не похожие на других; интимное воспитание; искусство внушения...

Для семьи, для родителей и учителей, для всех — книга о Человеке. О понимании и любви.

Л $\frac{4303000000-019}{073(02)-89}$ 2—89

ББК 74.00

ISBN 5-07-000055-1

© Издательство «Знание», 1983 г.
© Издательство «Знание», 1988 г.
© Издательство «Знание», 1989 г.

ВЗРОСЛЫМ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Предисловие ко второму изданию

В момент, когда я пишу эти строки, до третьего тысячелетия нашей эры осталось двенадцать лет.

Это всего лишь тот средний срок, за который психика ребенка созревает настолько, чтобы быть готовой начать осознанное самовоспитание.

Хочу сказать спасибо всем, кто помог «Нестандартному ребенку» подрасти и измениться. Соавторов не перечесать, и прежде всех это дети.

Со времени первого издания успело произойти много долгожданного неожиданного. Двигатель будущего набрал обороты. В духовной атмосфере нашей жизни произошло больше перемен, чем за все годы, прожитые автором этих строк.

Но жизнь стала сложнее и будет еще сложнее. Множатся проблемы, которые мы не успеваем осознавать.

Кто реально представляет себе мир, в котором окажутся через двенадцать лет родившиеся сегодня?

Мы уже живем в этом мире. Третье тысячелетие уже растет, развивается, требует забот, плачет, смеется, дерется, болеет...

Самое главное, чтобы оно состоялось.

1 ЗАПИСКИ НА РЕЦЕПТУРНЫХ БЛАНКАХ

Зачем нужно детство

Единственная моя ошибка, что
подозреваю родителей в способ-
ности логично мыслить.

Януш Корчак*

Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич,
моя подруга Галка и я учимся в 7-м классе, си-
дим на одной парте. Я тоже Галка. Учимся не
так уж плохо, но и не так хорошо, как могли бы.

Вчера мы в первый раз в жизни задумались
и спросили друг дружку, почему нам не хочется
учиться. Я сказала: «Я бы, может, и захотела,
если б знала, что дальше будет. Мама все мне
твердит в упрек, что была отличницей и много
читала. (Она и сейчас любит читать, только вре-
мени не хватает.) А работает в какой-то конто-
ре, денег мало, болеет много. Жить ей не нра-
вится, жить не умеет, сама говорит. Зачем было
отлично учиться, а теперь заставлять меня? Не
понимаю».

Галка сказала: «Да взрослые вообще глупые,
ты что, не поняла еще? Хотят, чтобы и мы были
такими же. Мы и будем такими же. Вот уви-
дишь». Я говорю: «А я не хочу. Я не буду». —
«Ха-ха. Заставят». — «Никто меня не заставит». —
«Ха-ха. Ты уже и так дура порядочная». — «А ты?»
— «И я тоже. Только я уже понимаю, что я дура,
а ты еще нет. Скоро и ты поймешь».

* Все эпиграфы к этой книге взяты из произведений Януша
Корчака, великого детского врача, педагога, писателя.

Разругались. А сейчас я думаю, что Галка права. Маленькой я была наивной, но ум свой какой-то у меня был, точно помню. А сейчас поглупела, правда. Это оттого, что всю жизнь старалась быть хорошей, а что такое ум, не поняла. Потому что жить меня заставляют чужим умом, а не своим.

Теперь я знаю, что взрослые не умнее детей, они только взрослее.

Скажите, пожалуйста, можно ли поумнеть?

Здравствуй, Галка, есть от чего в жизни поглупеть, в этом вы с Галкой правы. А можно ли поумнеть (и нужно ли), над этим всю жизнь ломаю голову. И всегда, всегда кажется, что задумался первый раз в жизни.

Хорошо учиться, по-моему, не обязательно, но если не вредит здоровью, то почему бы и нет?.. Что менее глупо — учиться хорошо, учиться плохо, вообще не учиться?.. Приходится выбирать какую-то из глупостей и считать эту глупость своим умом. И вообще, ум кажется мне разнообразием глупостей.

Короче, давай пытаться умнеть дальше вместе, договорились?..

Позвольте представить заново: Кстонов Дмитрий Сергеевич, мой коллега. Занимается индивидуальной и групповой психотерапией, ведет клуб психологической взаимопомощи, который посещаю и я. За время нашего содружества несколько помолодел. Возможно, одна из причин того — омоложение состава пациентов.

Прикинули как-то в цифрах. Получилось, что, когда мы начинали, ребенком оказывался приблизительно каждый пятый из принимаемых. Теперь — примерно каждый второй.

Та же тенденция, замечу от себя, и в читательской корреспонденции. В каждом втором-третьем письме чьи-нибудь мама или папа бьют тревогу: не такое растет дитя, что-нибудь да не так... Дети тоже читают и тоже пишут жалобы на родителей.

У меня дома, за чашкой чая, Д. С. рассказывал:

— Как рождаются дети, я узнал в семь с половиной лет от одного образованного друга. А вот как сам появился на свет — интересно ведь! — мама моя решила мне рассказать, только когда я уже начал

изучать акушерство. Мог и не появиться, чуть было не опоздал... Лежала в отчаянии: давно изошли воды, меня окружавшие, а я все еще решал гамлетовский вопрос и, наверное, не решил бы, не подоспей опытная акушерка. «А ну-ка, милочка, давай рожать будем». — «Живой?» — «Не задавай вопросов, рожай. Тужься... Ну, еще немножко...» Решили секунды. Меня вытащили в состоянии белой асфиксии, то есть при последнем издыхании, схватили за ноги, перевернули вниз головой, немилосердно отшлепали — тогда только раздался крик, нет, жалобное кряхтенье. Потом раскричался...

Человек так мало знает о человеке, что удивительно, как он все-таки умудряется быть человеком.

Всякий ли медик ответит, когда ребенок начинает ходить? Один студент из нашей группы, помнится, сказал на экзамене: «Маленькие дети ползают на четвереньках, их носят на руках и возят в колясках. Потом отдают в детский сад, и там они начинают передвигаться на нижних конечностях». — «А вы сами когда пошли, молодой человек, случайно не помните?» — спросил экзаменатор, седой доцент, инвалид войны, на протезах. «Я сразу поехал. На велосипеде. У меня родители спортсмены». — «Великолепно. А Илья Муромец?» — «Илья Муромец?.. Нам на лекциях не говорили». — «Стыдно, молодой человек, школьные сведения. Илья Муромец пошел в тридцать три года, затяжные последствия полиомиелита. Идите, двойка».

Через год этот студент стал папашей.

Из дневника Д. С.

— Дмитрий Сергееч, ну хоть на минутку. Дарья хочет вас видеть.

— Я не педиатр, Машенька. В сосунках мало что понимаю.

— А ей и не нужно, чтобы вы понимали...

В автобусной толкотне вспомнились два случая, когда после таких же, казалось, бесцельных визитов у молодых мам вновь появлялось исчезнувшее молоко.

— Так-с, понятно... Ярko выраженная представительница...

— А соску давать надо, когда орет?

— Папе обязательно. А малышке... Обман природы? Потом потребуются другие?..

- А зачем ногу в рот тянет?
- Упражнение вроде йоги, самопознание.
- Невозможно представить, что я тоже была такой... Млекопитающей... И вы?

...Этот первый год, эти несколько пеленочных месяцев кажутся вечностью. Так будет всегда: купать, стирать, пеленать, вставать ночью, болезни, диатезы, бутылочки — бесконечно!..

И вдруг — встал и пошел, пошел... «Гу, а-гу» — и заговорил!..

Эти первые пять — семь лет, кажется, никогда не кончатся: маленький, все еще маленький, совсем глупый, забавный, но сколько нервов, сколько терпения... Детский сад, он всегда будет ходить в этот детский сад, дошкольник, он всегда был и будет только дошкольником. И болеет, опять болеет...

Эти школьные годы сначала тоже страшно медлительны: первый, второй, третий, седьмой... Все равно маленький, все равно глупый и неумелый, беспомощный, не соображает...

И вдруг: глядит сверху вниз, разговаривает тоном умственного превосходства.

Отчаянный рывок жизни, непостижимое ускорение.

Врасплох, все врасплох! Успеваем стареть, но не успеваем взрослеть. Кто же внушал нам эту детскую мысль, будто к жизни можно успеть подготовиться?

Из вечности в вечность. Что происходит с нами в полном жизненном цикле, хорошо видится в сопоставлении возрастных разниц. Сравним бегло. За девять утробных месяцев успеваем пробежать путь развития, равноценный миллиарду лет эволюции.

Разница в год между новорожденным и годовалым безмерна, кажется, что это создания по меньшей мере из разных эпох. Двухлетний и годовалый — тоже еще совершенно различные существа, трудно представить, что это практически ровесники. Двух- и трехлетний уже гораздо ближе друг к другу, но все-таки если один еще полуобезьянка, то другой уже приближается к первобытному дикарю. Та же разница делается почти незаметной между четырех- и пятилетним, пяти- и шести-, опять ощущается между шестью и семью или семью и восьмью, опять скоро сглаживается, чтобы снова дать о себе знать у мальчиков с 13 до 17, у девочек — с 11 до 15, и окончательно уравнивается где-то у порога двадцатилетия.

Разница в десять лет. 0 и 10, 1 и 11 — разные вселенные, другого сравнения не подберешь. 10 и 20 — разнопланетные цивилизации. 20 и 30 — разные страны. 30 и 40 — уже соседи, хотя один может полагать, что другой находится за линией горизонта. 40 и 50 — мужчины почти ровесники, между женщинами пролегает климактерический перевал. 50 и 60 — кто кого старше, уже вопрос. Семидесятилетний может оказаться моложе.

Так, стартуя в разное время, мы пораньше или попозже догоняем друг друга.

Перелет из вечности в вечность. На пути этом мы превращаемся в существа, похожие на себя прежних меньше, чем бабочки на гусениц, чем деревья на семена. Перевоплощения, не охватимые памятью, не уместяющиеся в сознании.

Таинственное Что-то, меняющее облики, — душа человеческая — «Я» в полном объеме...

ВЫЖИТЬ — СБЫТЬСЯ — поход в Зачем-то...

Наука доказывает, что мой прадедущка в степени «эн» молился деревьям — могу поверить, ибо и сам в детстве доверял личные тайны знакомым соснам. Наука подозревает, что он к тому же еще и был людоедом, в это верить не хочется. Трудно представить, что прабабушка Игрек жила на деревьях и имела большой волосатый хвост, что прадедущка Икс был морской рыбой и дышал жабрами...

Зачем нужно детство?

Великий поход в Зачем-то — великий Возврат.

Как прибойная волна, жизнь снова и снова откатывается вспять, к изначальности, повторяется, но по-другому... В цветах, почках и семенах прячутся первоисточки: жизнь происходит, жизнь не перестает начинаться. В мире есть детство, потому что Земля обращивается вокруг Солнца, потому что есть времена года, приливы, отливы. Детство повторит все, но по-другому. Каждое семечко, каждая икринка несет в себе книгу Эволюции. И когда в молниеподобном разряде устремляются к встрече две половинки человеческого существа — выжить, сбыться, — повторяется тот самый первый вселенский миг зарождения жизни, повторяется, но по-другому...

О великом Возврате говорят нам и кисть художника, и рифма, и музыка, о великом Возврате — все песни любви.

Мало кто отдает себе отчет, что всякий раз, засыпая, возвращается в глубокое младенчество и еще дальше — в эмбриональность, за грань рождения. Наши сновидения, с мышечными подергиваниями и движениями глаз, с изменением биотоков, — не что иное, как продолжение той таинственной внутриутробной гимнастики, которая с некоторой поры начинает ощущаться матерью как шевеление. Возврат в то священо-беспомощное состояние, когда мы были еще ближе к растениям, чем к животным...

Утомление, болезнь, травма — все жизненные кризисы, физические и духовные, возвращают нас к нашим корням и лонам...

Соединение времен — великое и страшное чудо жизни. Вчерашнее принимает облик сегодняшнего, самое древнее становится самым юным. Половые клетки, средоточие прожитого — средоточие будущего, самое молодое, что есть в организме. Выход из материнского чрева эволюционно равнозначен выходу наших предков из моря на сушу; каждый новорожденный — первооткрыватель земновоздушной эры, предкосмический пионер. Миллиард лет позади — и вот первый крик...

Сколько я видел вас?.. Сколько старался понять, пытался лечить? Со сколькими подружился?

Давно сбился со счета. Никогда не умел писать истории болезни — все выходит вранье какое-то. («Истории болезни пишутся для прокурора» — как напоминал мне коллега Н.) Другое дело — записывать для себя, живое. Из торопливых заметок выбегают внезапно повести, вырастают романы — никакой выдумки не требуется, если на месте глаза и уши.

Иногда кажется, что всю жизнь помогаю одному-единственному ребенку, в неисчислимых ликах.

Может быть, это всего лишь я сам?..

КАК ВАЖНО УМЕТЬ ГИПНОТИЗИРОВАТЬ

— Головешка, а вон твой палец!

Инженер Вольдемар Игнатьевич Головешкин повсюду появляется не иначе как с рюкзаком. С рюкзаком на работу. В театр тоже с рюкзаком — заядлый турист. Уже чего-то за спиной не хватает, если без рюкзака, и руки всегда свободные для текущих дел.

Все это бы ничего — и жена приспособилась, рюкзак так рюкзак, кому мешает рюкзак?..

Только вот сын Вольдемара Игнатьевича, шести-классник Валера Головешкин, с рюкзаком по примеру папы ходить никак не желает.

И стесняется своего папы, когда, например, он является с рюкзаком в школу, на родительский актив.

— Головешка, а чего твой папеч с рюкзаком? Он турист, да? Или интурист? — любопытствует Редискин, введливый приставала.

— Альпинист,—бурчит Головешкин, краснея. И тут же понимает, что зря он спорол эту ерунду.

— Уй-я, альпини-ист! Иди врать-то! Альпинисты в горах живут.

— На Эверест ходит. Килимандж-ж-жаро, — мечтательно комментирует классный конференсье Славка Бубеицов. — Пр-рошу записываться на экскурсию.

Все. Килиманджаро. Головешкин мало что всегда был Головешкой, теперь еще и Килиманджаро, отныне и вовеки веков! Килиманджаро — хвост поджало... А через неделю уже пришлось ему стать просто Килькой.

Головешкин Валера не силен и не слаб, не умен и не глуп. Особых склонностей не имеет, техникой интересуется, но не очень. Серенький, неприметный, тихий. Он и хочет этого — быть просто как все, не выделяться, потому что стоит лишь высунуться, на тебя обязательно обращают внимание, а он этого страшно стесняется, до боли в животе.

В детском саду немного заикался, потом прошло...

— Килька, а твой опять с рюкзаком. Опять на Ересвет собрался? Или на тот свет?

Ну так вот же тебе, наконец, получай, редиска поганая!

Растащили. Редискин против Головешкина сам по себе фитюлька, но зато у него оказалось двое приятелей из восьмого, такие вот лбы...

Идет следствие по поводу изрезанного в клочки рюкзака, останки которого обнаружены уборщицей Марьей Федотовной на соседней помойке.

— Ты меня ненавидишь,—тихо и проникновенно говорит Вольдемар Игнатьевич, неотрывно глядя сыну прямо в глаза. — Я знаю, ты меня ненавидишь. Ты уже давно меня ненавидишь. Ты всегда портишь самые нужные мои вещи. Ты расплавил мои запонки на газовой горелке. Это ненависть, самая настоящая ненависть. А что ты сделал с электробритвой? Вывинтил мотор для своей... к-кенгуровины!.. (Так Валера наз-

вал неудавшуюся модель лунохода.) Теперь ты уничтожил мой рюкзак. Т-такой рюкзак стоит шестьдесят рублей. Ты меня ненавидишь... Ты ненавидишь... (Телесные наказания он принципиально не применяет.)

«Гипнотизирует,— с тоской понимает Головешкин, не в силах отвести взгляда. — Гипнотизирует... Как удав из мультфильма... Вот только что не ненавидел еще... нисколючко... А теперь... Уже... Не... На... Ви...»

— **НЕНАВИ-И-ЖУ!!!** — вдруг кто-то истошно выкрикивает из него, совершенно без его воли. — **Дд-а-а-а!!! Ненави-и-ижу!!! И рюкзак твой!! Ненавиж-ж-жууу!!! И за... И бри... И Килиманджа-жж... Не-нави!.. Нена... Не-на-на...**

Лечить Валеру привела мать. Жалобы: сильный тик и заикание, особенно в присутствии взрослых мужчин. Нежелание учиться, невнимательность, непослушание...

Не требовалось большой проницательности, чтобы догадаться, что Валера и меня готов с ходу причислить к разряду Отцов, Ведущих Следствие, ведь детское восприятие работает обобщенно, да и не только детское...

Нет-нет, никакого гипноза. Три первых сеанса психотерапии представляли собой матч-турнир в настольный хоккей, где мне удалось проиграть с общим счетом 118:108 — учитывая высокую квалификацию партнера, довольно почетно. Потом серия остросюжетных ролевых игр с участием еще нескольких ребят, каждый по своему поведению... Я играл тоже, был мальчиком, обезьяной, собакой, подопытным кроликом, роботом, а он всегда только человеком и только взрослым, самостоятельным, сильным. Был и альпинистом, поднимался на снежные вершины, без всякого рюкзака...

Играючи, косвенно и раскрутилась постепенно вся эта история.

Новый оранжевый рюкзак Вольдемар Игнатьевич купил себе в следующую получку. С ним и явился ко мне в диспансер, прямо с работы, пешком, спортивный, подтянутый.

— Спасибо, доктор, за вашу п-помощь, заикаться стал меньше Валерка, вроде и с уроками п-получше. Я тоже заикался в детстве, собака испугала, потом п-прошло, только когда волнуясь... Спасибо вам. Только вот что делать? Эгоист растет, т-тунеядец. Не знает цены труду, вещи п-портит, ни с чем не считается. Вчера телефон расковырял, теперь не работает, им-

портный аппарат. Спрашиваю: «Зачем?» Молчит. «Ты что,— спрашиваю,— хотел узнать, откуда звон?» А он: «Я и так знаю». Ну что делать с ним? Избаловали с п-пеленок, вот и все нервы отсюда. Наказывать нельзя, а как воздействовать? П-подскажите.

— Вы преувеличиваете мои возможности, Вольдемар Игнатьевич. Мое дело лечить. Ваше дело воспитывать, а мое лечить...

— Вы п-психолог, умеете гипнотизировать. Я читал, гипноз п-применяют в школах, рисовать учат, овладевать... Отличная вещь. Если бы немного...

— Если вас интересует гипноз как средство воспитания сознательной личности, а заодно и сохранения имущества, то п-проблема неразрешима. Я, между прочим, тоже в детстве немного страдал... Знаете что? Вот этот ваш рюкзак, отличная вещь... Вы бы не могли с ним расстаться?

— К-как расстаться? А, в раздевалку? Я сейчас...

— Нет, нет, вы не так поняли. Оставьте его здесь. Мне в аренду, по-дружески, под расписку... На полгода, не меньше.

(Этот случай в ряду прочих послужил поводом для бесед о детской внушаемости.)

ЗНАЮ, ЧТО НЕ ЗНАЮ

— Подождите, одну секунду, забыл сказать... СДЕЛАЙТЕ ПОПРАВКУ НА ТО, ЧТО Я НЕ ГОСПОДЬ БОГ. Я понятно выразился?..

Момент, сбивающий с толку. В энном проценте случаев, давая совет, желаю, чтобы меня не послушались.

Три недели назад мать одиннадцатилетнего Гриши Д. пришла посоветоваться, отправлять ли сына на лето в пионерлагерь. Лагерь с неплохой репутацией, обычного типа. А мальчик не очень обычный: потолще других и расходящееся косоглазие, за что получил прозвище Арзамас («Один глаз на вас, другой в Арзамас»).

Одно время и ногти грыз, и чуть что — истерики...

Основное страдание: человекобоязнь. Не умеет и не любит общаться. Притом обожает животных, неплохо учится, многое понимает не по возрасту глубоко. И все-таки с двумя товарищами находит общий язык,

только вот не со всеми... Да и разве со всеми можно? «Один на вас, другой в Арзамас...»

Но в жизни-то надо привыкать — пусть не дружить, но жить и как-то общаться... Чем раньше, тем лучше.

Так я подумал (да и сейчас так же думаю) и, приняв во внимание, что за последний год Грища окреп и физически и морально, адаптировался в моей игровой группе, уже и в секции вольной борьбы начал заниматься, решительно посоветовал:

— Отправляйте.

Гляжу, мама расстроилась. Видимо, она хотела другого совета.

— Понимаете... Он... Прямо не говорит... Боится он лагеря.

— Боится, понятно. А все-таки отправляйте. Пора, пусть привыкает.

— Доктор, мне так его... В школе, сами знаете, мало радости. Отец тоже не понимает... Я уж стараюсь... Внушаю, что он будет чемпионом, самым...

— Не перестарайтесь, мой вам совет. Приготовьте к райским кушам, а жизнь... (Увы, сбывшееся пророчество.)

— Да, но ведь он уже... Детство кончается, как же без веры в лучшее. Что же, сизмальства подрезать крылышки?

— Наоборот, укрепляйте. Для этого и приходится выталкивать из гнезда.

Вытолкнули.

Сегодня узнал обо всем в подробностях.

Из лагеря он сбежал на восьмые сутки. Не понравился вожатому, не понравился всем или только двоим-троим... Два дня пропадал без вести — заплутался где-то, ночевал на автобусной остановке. Когда вернулся, грязный, измотанный, на себя не похожий, был тут же выпорот отцом и заболел воспалением легких.

Три года лечения насмарку.

— Вы все правильно советовали, доктор, но так нехорошо вышло.

— Да, я советовал правильно, но лучше бы я дал неверный совет. Я поддался гипнозу своего опыта и пренебрег вашей интуицией; я прав в девяти случаях из десяти или в девяноста из ста — а вы правы в своем. Теперь я опять знаю, что ничего не знаю.

Ничего этого я не сказал...

ПОДОЖДИ, КРАСНЫЙ СВЕТ

Вчера вечером, выходя из диспансера, встретил Ксюшу С. Вел ее с пяти лет до одиннадцати — некоторые странности, постепенно смягчившиеся. (Мать лечилась у меня тоже.)

Года три не появлялась. Бывший бесцветный воробышек оказался натуральной блондинкой, с меня ростом.

— Здравсте.

— Ксюша?.. Привет. Кстати, сколько сейчас... Мои стали.

— Двадцать две девятого.

— Попробовать подзавести... А где предки?

— Дома. Опять дерутся из-за моего воспитания.

— А что же не разняла?

— Надоело.

— Понятно. Ну пошли, проводишь? Мне в магазин. Ты сюда случайно забрела?

— Угу.

— Подожди, красный свет... А помнишь, кукла у тебя была... Танька, кажется?

— Сонька.

— Мы еще воевали, чтобы тебе в школу ее разрешили...

— Я и сейчас еще. Иногда...

— Жива, значит, старушка. Заслуженная артистка.

— Уже без рук, с одной ногой только. И почернела. Я ее крашу... Хной.

Плачет.

— Ксюша. Ну расскажи.

— Ничего... Ничего не понимаю... Школу прогуливаю... Не могу... Развелись, а все равно еще хуже, никогда не разъедутся... Каждый день лаются. Мама кричит, что положит в больницу или сама ляжет. Папа сказал, что я расту... таким словом прямо и сказал, а у меня один Сашка, они его и не видели... Мы с ним только в лагере, и не целовались, и ничего... Только письмо одно написал и звонил два раза, один раз папа подошел, а другой мама, и не позвала... А другие звонки — парни какие-то и девчонки, доводят... Один раз отец подошел, а они: «Ваша Ксения... в воскресенье». Трубку бросил, смотрел страшно, а потом как заорет. И слово это самое повторил... И ударить хотел... А в другой раз сама подошла, и как закричит кто-то: «Ча-а-ай-ник!» — и трубку повесили. Я знаю, это Ар-

химов, из нашего дома, ему уже восемнадцать, он мне два раза уже... Один раз из лифта не выпускал. «Ты, сказал, уже раскупоренная бутылочка, по тебе видно...» А что видно?! Что? Что?

— Ну, Ксюша... Ну ты же знаешь. Это же все ерунда, Ксюша, это все чушь собачья. Ты взрослая, все понимаешь... Архимов этот дурак, скотина. А папа... он просто устал. И мама нездоровая, ты понимаешь... Ты уже красивая стала, Ксюша.

— Собаку так и не завели... В больницу...

— Никакой не будет больницы, я тебе обещаю. А в школу ты ходить можешь. А папу с мамой мы успокоим, помирим, вразумим как-нибудь... Хоть сейчас, хочешь? Зайдем?..

— Лучше потом... Вам в магазин... Лучше я с вами, вам в продуктовый, да?

Весь дальнейший наш разговор шел главным образом об артистах современного кино и о знаменитом певце... Пока подошла очередь за кефиром, меня успели порядочно просветить.

— Я им напишу две записочки, каждому персонально, ладно?.. Приглашения... Вот черт, опять ни одной бумажки... На рецептурных бланках, сойдет?.. Так... Это маме... А это папе.

— Лучше в почтовый ящик.

Поправила волосы взрослым жестом.

Из-за моего воспитания тоже велись сражения, некоторые я наблюдал. Это смахивало на то, как если бы хирурги на операции, не поделив кишку или кусок сердца, поссорились, забыли о больном и начали тыкать друг в друга скальпелями. Больной меж тем, быстренько собрав внутренности, спрыгивал с операционного стола погонять в футбол...

«Я — САНГВИНИК»

...Пока Д. С. ведет прием, разгребаю письма.

«Здравствуйте, В. Л. пишу вам как психиатру и публицисту...»

Приходится наводить орфографическую косметику. Попытаемся сохранить хотя бы кое-что из стилистики.

«...Для начала я должен описать кратко свою жизнь, чтобы понять свою сущность.»

По характеру я — сангвиник. Мне говорят, что у меня есть талант, который я хороню за-

живо, но суть дела не в этом. Сначала об обстановке...

Мать у меня женщина тихая, и если бы не порок сердца да ссоры с отцом из-за всякой ерунды, она бы не расстроила нервы... Я с детских лет был довольно правдивым и честным. За первые семь лет только два раза подрался. Один раз мне исцарапали лицо, это ерунда, я тоже не остался в долгу, хотя ревел от злости на себя. Но второй случай... Лица того мальчишки не помню, но помню горку, крик, кровь на лбу... Помню, как он дразнил меня и валял, доведя до критерия злобы. Помню бегущую фигуру в свитере и штанах... Он остановился около горки, и в этот миг на глаза мне попалась гармошка, вернее, ее обломок, и я швырнул им в него. Меня ругала воспитательница, била по губам за то, что я называл ее душой. Била она меня и раньше. После этого случая я презирал ее.

Пошел в школу... Прошло два года, и началась полоса неудач. Я попался на воровстве, да-да. Случилось это так. Я пошел за молоком, взяв бидон и сумку. Разливного молока не было, я взял бутылочное и вылил в бидон, а бутылки положил в сумку. Подошел к кассе. Кассир-контролер спросила, что у меня в бидоне. Я ответил, что молоко, она меня отпустила, но спохватившись, остановила. Посмотрела в сумку и увидела бутылки. Не знаю почему, я сказал, что купил в другом магазине... Возможно, потому, что мечтал объесться мороженым, а возможно, потому, что она сказала, что я вор, я пытался защититься...

С этого дня отношения в семье изменились. Меня стали бить. Били жестоко, но я все равно делал все наперекор, воровал деньги из шкафа, пряники, пирожные в магазинах. Перешел в другую школу. Здесь вот и началось. Все беды — игра на деньги...

Я дружил с одной девчонкой, но дружбу она выжгла в сердце моем раскаленным кинжалом. Началось это так: мы играли на улице, и она ударила меня резиновыми прыгалками, когда я сказал, что она не поборет меня. Я хотел ударить ее, но что-то меня остановило, не смог... Обозвала меня дураком и ушла. Дома отец сказал, что я

сам виноват. Мост, соединявший меня с ним, раскололся. Я потерял Веру в него... Позже, играя с той же девчонкой, я случайно ее ударил. Прибежала ее мать, крича, что у нее синяк, чуть не до крови. Меня жестоко избили. А на другой день она заявила, что ей ни капли не было больно... В тот день термоядерным взрывом уничтожены мосты между мной и моими родителями. Между нами теперь каменная пропасть, голые скалы!!!

Дела в школе обстояли еще хуже. Не знаю, за что меня били. Из меня сделали козла отпущения, это продолжалось 6 лет... Хотел уехать на север сплавать лес. Трудно, знаю!.. В комиссии по делам несовершеннолетних мне сказали, что все устроится. А через два дня пришли к нам домой из горисполкома и спросили, почему у непьющих родителей такой сын, не глупой ли я...

После нового года со мной случилось то, что должно было случиться. Из меня снова хотят сделать козла отпущения, но я уже никого и ничего не боюсь. Теперь если я стану драться, то я убью того, с кем буду драться. Он будет бить меня не один, но что-то говорит мне, что я его убью, мой организм и подсознание знают об этом. Не хожу в школу 10 дней. Не боюсь убийства, нет! Я боюсь другого: испачкать руки об эту мразь. Нет, я не сумасшедший, я никогда не болел ни одним психическим заболеванием. Я сангвиник.

Думал сходить к невропатологу, но вряд ли он поймет, да, не поймет. Меня не понимают многие хорошие люди...

Сижу и думаю: печка прогорела. И тут же ответ: ну и черт с ней, жизнь горит... ВЫ ДОЛЖНЫ ПОНЯТЬ».

МАЛЫЙ И БОЛЬШОЙ МИР **[перевод с детского]**

Помните ли?

Сперва эта кровать была слишком просторной, потом как раз, потом тесной, потом ненужной.

Но расставаться жалко...

И комната, и коридор были громадными, полными чудес и угроз, а потом стали маленькими и скучными.

И двор, и улица, и эта вечная на ней лужа, когда-то бывшая океаном, и чертополох, и три кустика за пустырем, бывшие джунгли...

Помните ли времена, когда травы еще не было, но зато были травинки, много-много травин, огромных, как деревья, и не похожих одна на другую? И сколько по ним лазало и бродило удивительных существ — такие большие, такие всякие, куда они теперь делись?

Почему все уменьшается до невидимости?

Вот и наш город, бывший вселенной, стал крохотным уголком, точкой, вот и мы сами делаемся пылинками... Куда все исчезает?

Может быть, мы куда-то летим?

Отлетаем все дальше — от своего мира — от своего уголка — от себя...

...Тьмы, откуда явился, не помню...

Я не был сперва убежден, что ваш мир — это мой мир: слишком много было непонятного, удивительного, слишком много всего... Но потом убедился, поверил: этот мир — мой, для меня. Он большой, и в нем есть все, что нужно, и многое сверх того. В нем можно жить и смеяться — жить весело, жить прекрасно, жить вечно!

Если бы только не одна штука, называемая «нельзя»...

ЭТОТ МИР НАЗЫВАЛСЯ ДОМОМ. И в нем были вы — большие, близко-далекие, и я верил вам.

Никого не было между нами — мы были одно.

А потом что-то случилось.

Появилось **ЧУЖОЕ.**

Как и когда — не помню; собака ли, с лаем бросившаяся, страшилище в телевизоре или тот большой, белый, схвативший огромными лапищами и полезший зачем-то в рот: «А ну-ка, покажи горлышко!..»

Вы пугали меня им, когда я делал «нельзя», и я стал его ждать, стал бояться. Когда вы уходили, Дом становился чужим: кто-то шевелился за шкафом, шипел в уборной...

Прибавилось спокойствия, когда выяснилось, что Дом, мир мой и ваш, может перемещаться, как бы переливаться в Чужое, оставаясь целым и невредимым, — когда, например, мы вместе гуляли или куда-нибудь ехали. С вами возможно все! Чужое уже не страшно, уже полусвое. И когда вы начали оставлять меня в

Чужом одного («Ты теперь будешь ходить в детский сад, там такие же мальчики и девочки, как и ты, и никто не плачет»), я плакал, но ждал вас и верил.

Как же долго я думал, что мой Дом — это мир единственный, главный и лучший — Большой Мир! А все Чужое — пускай себе, приложение, постольку по-скольку... Как долго считал вас самыми главными и большими людьми на свете!

Но вы так упорно толкали меня в Чужое, отдавали ему — и Чужого становилось все больше, а вас все меньше.

Когда осваиваешься — ничего страшного, даже без вас. Есть и опасности, зато интересно. Здесь встречали меня большие, как вы, и маленькие, как я, и разные прочие.

Говорили и делали так, как вы, и не так...

Школа моя — тоже Дом: строгий, шумный, сердитый, веселый, скучный, загадочный, всякий — да, целый мир, полусвой, получужой. Среди моих сверстников есть чужие, есть никакие и есть свои. Я с ними как-то пьянею и забываю о вас...

Почему мой Дом с каждым годом становится все теснее, все неудобнее, неуютнее?

Почему вы год от году скучнее?

Да вот же в чем дело: наш Дом — это вовсе не Большой Мир, это маленький! Только один из множества и не самый лучший...

Вы вовсе не самые большие, не самые главные. Вы не можете победить то, что больше вас, вам не увидеть невидимого. Вы не можете оградить меня от Чужого ни в школе, ни во дворе, ни даже здесь, дома, вон его сколько лезет, чужого — из окон, из стен, из меня самого!.. А у вас все по-прежнему — все то же «нельзя» и «давай-давай»...

Не самые большие — уже перегнал вас, не самые сильные, не самые умные. Это все еще ничего, с этим можно... Но знали бы вы, как больно и страшно мне было в первый раз заподозрить, что вы и не самые лучшие. Конец мира, конец всему... Если мне только так кажется, думал я, то я изверг и недостойн жизни. Если не вы, давшие мне жизнь, лучше всех, то кто же? Если не верить вам, то кому же?..

Значит, полусвой и вы?.. Где же мой мир, мой настоящий Дом?

Где-то там, в Большом Мире?..

Но как без вас?

Я еще ничего не знаю и ничего не умею, а Большой Мир требователен и неприступен; все заняты и все занято — в Большой Мир надо еще пробиться, в Большом Мире страшно...

У меня есть друзья, но они будут со мной лишь до той поры, пока не найдут своего Дома, мы в этом не признаемся, но знаем: мы тоже полусвои.

...А вы стали совсем маленькими — невидимыми: потерялись.

Я ищу вас, родные, слышите?.. Ищу вас и себя...

Чертополох и три кустика за пустырем...

2

ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

*О трудных
родителях*

Дураков среди них не больше,
чем среди взрослых.

— Ты маму любишь?

— Угу. (Раз в день люблю, пять раз не люблю.)

В сравнении с тем, как обычно многословны родители в рассказах о детях и о себе, дети — великие молчаливники. И не потому, что им нечего рассказать. Потому что некому.

Перед ликом врача младшие трепещут, средние смущаются, старшие замыкаются. Как докажешь, что ты не в сговоре?

Ответствуют, как приличествует, и могут считать, что искренне...

Узнать, как ребенок относится к взрослым, можно отчасти по его поведению, глазам и осанке, отчасти по играм, рисункам, тестам и прочим косвенным проявлениям, но только отчасти. Кое-какую информацию можно было бы почерпнуть, имей мы незримый доступ к детским компаниям; но даже если бы наша познавательная техника и шагнула столь далеко, мы, боюсь, оказались бы в научном смысле разочарованными. В том, что касается отношений со взрослыми, с родителями особенно, дети не часто откровенничают и меж собой.

Нужно еще поверить в свое право не то чтобы говорить правду, но хотя бы думать о ней.

Из записей Д. С.

Мальчик, 5 лет.

— Моя бабушка добрая. ТОЛЬКО ОНА НЕ УМЕЕТ БЫТЬ ДОБРОЙ.

— Не умеет?
— Нет.
— А как же?
— Она кричит.
— Кричит?.. И добрые иногда кричат. И ты тоже, наверное, иногда, а?
— Когда я кричу, я очень злой. А бабушка все время кричит.
— А откуда ты знаешь, что она добрая?
— Мама говорит.
(Страхи, капризы.)

Мальчик, 7 лет.

— Моя мама очень хорошая и очень скучная. А мой папа очень интересный и очень плохой.
— А что в нем... интересного?
— Он большой, сильный. Он умеет... (Перечисление.) Он знает... (Перечисление.)
— И ты, наверное, хочешь быть хорошим, как мама, и интересным, как папа?
— Нет. Я хочу быть невидимкой. Хочу быть никаким.

(Ночное недержание, повышенная возбудимость. Родители в разводе. Мать из «давящих», у отца периодические запои.)

Девочка, 11 лет.

— Папу я **ОЧЕНЬ** люблю. У меня другой папа был, но это неважно. Папа замечательный, я его очень...
— И маму, конечно.
— И маму... Только она не дает.
— Чего не дает?
— Она мешает... Мешает.
— ?..

— Ну, не дает себя любить. Вот как-то все время **ТОЛКАЕТСЯ ГЛАЗАМИ**. Как будто говорит, что я все равно ее не люблю.

(Глубокий внутренний конфликт на почве неосознанной ревности, депрессия, подозрение на начало шизофрении. У матери повышенная тревожность, отсутствие непосредственности.)

Мальчик, 12 лет.

— Стук слышу — входит — все, не соображаю, и сразу вот здесь что-то сжимается, **СЕРДЦЕ** — тук,

тук... Раздевается... Шаркает, сопит... Еще не знаю, в чем виноват, но в чем-то виноват, это уж точно... Да! Времени уже вон сколько, а за уроки еще не брался, в комнате кавардак, ведро не вынес, лампу разбил мячом, ковер залил чернилами... А откуда я знал, что мячик туда отскочит!.. А время... ну я просто не умею, не могу замечать, вот и все, оно как-то само перепрыгивает!.. СЕЙЧАС НАЧНЕТСЯ...

(Хорошо развит, спортивен, однако притом невроз с функциональными расстройствами внутренних органов. Родители—сторонники строгости, последовательны и пунктуальны.)

Девочка, 13 лет.

— Они у меня чудесные, са-мые-самые... Я еще в восемь лет решила, что когда они умрут, я тоже умру, зачем мне тогда... Они ничего про меня не знают, я не умею рассказывать, а они... Они сразу говорят, хорошо или плохо, правильно или неправильно, красиво или нет, и всегда все знают, а я ничего... Они умные, добрые, я такой никогда не стану. А теперь я стала совсем страшной, теперь мне нужно умереть, потому что я больше не могу их любить...

(Кризисное состояние. Родители — педагоги.)

Подросток, 14 лет.

— Когда я дома, они говорят, что Я ИМ МЕШАЮ ЖИТЬ. А что я им делаю?.. Иногда музыку включаю... Ракету сделал один раз из расчески, немного повоняло... МЕШАЕШЬ ЖИТЬ! Ухожу, стараюсь не приходить подольше. Возвращаюсь: опять шляешься, ни фига не делаешь, нарочно заставляешь волноваться, с милицией искали!.. ОПЯТЬ МЕШАЕШЬ ЖИТЬ!.. И от кота — я котенка принес — тоже им ПЛОХО, не нравится, как пахнет... Ну я им и сказал один раз.

—?..

— Ну, что не надо было меня рожать. Что лучше бы надевали противогаз.

(Из так называемых неустойчивых. Несосредоточенность, нежелание учиться, побеги из дома, склонность ко лжи и мелкому воровству. Чрезвычайно подвижен, сообразителен. Родители — образцовые труженики, но не ладят между собой, раздражительны, дефицит юмора.)

Девушка, 18 лет.

— Вчера я им в первый раз сказала, что больше не могу есть яйца всмятку. Они уже двадцать лет подряд едят яйца всмятку, каждое утро, ни разу не пропускали...

(Долго зревшая ценностная несовместимость, завершившаяся внезапным уходом из дома.)

ПЯТЫЙ УГОЛ

Позавчера был игровой день цикла «Трудные Родители».

Было нас 27 человек, в том числе пять бабушек, два дедушки и три семейства с детьми-подростками, в обязанности коих при участии в играх входило переставлять стулья и следить за порядком. В игровой актив входили также Дана Р. (Завсвободой, странная должность), Антуан Н. (Черный Критик), Кронид Хускивадзе (Завпамятью), Наташа Осипова и я — Переводческое Жюри. Д. С., как обычно, в начальство не выдвигался и играл в основном Ребенка, что при его мальчишеской (при желании) внешности выходит естественно.

Сначала, разминки ради, минут семь поиграли в любимый наш Детский Сад — все превратились в детей и делали что хотели, а настоящие дети пытались быть нашими воспитателями. Обошлось благопристойно: разбили лампочку, слегка помяли два стула, у вашего покорного слуги изъяли небольшой кусок бороды, в остальном без человеческих жертв.

Потом, вернувшись не то чтобы охотно в себя, затеяли Испорченный Телефон. Читателю эта давняя детская забава, наверное, хорошо известна. Вы что-то шепчете на ухо своему соседу, тот следующему, и так далее, пока ваше сообщение в преобразованном виде не возвращается к вам обратно. Я, к примеру, послав Антуану: «Много дел, молодежь!» — получил от Наташи: «Долго же ты сидел, мародер».

Разница между игрой и жизнью, как потом объяснял Д. С., в том, что в жизни мы обычно не подозреваем, в какую игру играем. Искажающие инстанции скрыты в играющих. Несколькими приемами — описывать их не буду — убедились, что, чем более значимы отношения, тем искажений больше; это, впрочем, подтверждается на каждом шагу.

Далее уже не в первый раз играли в игру, в разных вариантах называемую то «Переводчики», то «Ныряльщики», то «Чтецы», то «Удильщики» и т. п. Игра, развивающая навык вживания. Технические подробности опускаю; суть в том, чтобы совместными усилиями прочитать (выудить, перевести) контекст, или подсознательное содержание сообщения.

Одна из сцен.

— Мам, я пойду гулять. (Перевод: «Мне скучно, мой мозг в застое, мои нервы и мускулы ищут работы, мой дух томится...» Перевод слышимого матерью: **«НЕ ХОЧУ НИЧЕГО ДЕЛАТЬ, Я БЕЗОТВЕТСТВЕННЫЙ ЛЕНТАЙ, МНЕ ЛИШЬ БЫ ПОРАЗВЛЕКАТЬСЯ»...**)

— Уроки сделал? (Перевод: «Хорошо тебе, мальчик. А мне еще стирать твои штаны». Перевод слышимого ребенком: **«НЕ ЗАБЫВАЙ, ЧТО ТЫ НЕ СВОБОДЕН».**)

— Угу. («Помню, помню, разве ты дашь забыть». — **«СМОТРЕЛ В КНИГУ, А ВИДЕЛ ФИГУ».**)

— Вернешься, проверим. Чтоб через час был дома. («Можешь погулять и чуть-чуть подольше, у меня голова болит. Хоть бы побыстрее вырос, что ли. Но тогда будет еще тяжелее...» — **«НЕ ВЕРЮ ТЕБЕ ПОПРЕЖНЕМУ И НЕ НАДЕЙСЯ, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ БУДЕТ ИНАЧЕ».**)

— Ну, я пошел. («Не надеяться невозможно. Ухожу собирать силы для продолжения сопротивления». — **«ТЫ ОТЛИЧНО ЗНАЕШЬ, ЧТО ВОВРЕМЯ Я НЕ ВЕРНУСЬ, А ПРОВЕРКУ УРОКОВ ЗАМНЕМ».**)

— Надень куртку, холодно. («Глупыш, я люблю тебя». — **«НЕ ЗАБУДЬ, ЧТО ТЫ МАЛЕНЬКИЙ И ОСТАНЕШЬСЯ ТАКИМ НАВСЕГДА».**)

— Не, не холодно. Витька уже без куртки. («Ну когда же ты наконец прекратишь свою мелочную опеку? Я хочу наконец и померзнуть». — **«ЕСТЬ МАТЕРИ И ПОУМНЕЕ».**)

— Надень, тебе говорю, простудишься. («Пускай я и не самая умная, но когда-нибудь ты поймешь, что лучшей у тебя быть не могло». — **«ОСТАВАЙСЯ МАЛЕНЬКИМ, НЕ ИМЕЙ СВОЕЙ ВОЛИ».**)

— Да не холодно же! Ну не хочу... Ну отстань! («Прости, я не могу выразить это иначе. Пожалуйста, не мешай мне тебя любить!» — **«ТЫ МНЕ НАДОЕЛА, ТЫ ГЛУПА, Я ТЕБЯ НЕ ЛЮБЛЮ».**)

— Что? Ты опять грубить? («У тебя все-таки характер отца...»)

Переводы эти, разумеется, не единственные, было много других вариантов, вообще т о ч н о г о перевода с подсознательного дать невозможно, ибо язык этот МНОГОЗНАЧЕН. Версии, интерпретации, толкования... Ошибки могут быть очень серьезными, до бреда включительно. Но важно хотя бы знать, что переводить всегда есть что — подводная часть айсберга больше надводной...

При обсуждении заметили, что так получается не только с детьми. Все вроде бы гладко, все понятно, легко общаемся, отвечаем друг другу... Но в это же самое время общаются между собой — через нас — и еще какие-то личности, то ли глухие, то ли не желающие слушать друг друга: каждый слышит свое, говорит свое... Временами мы чувствуем присутствие этих чудаков, слышим их, они нам мешают, стараемся заглушить... И вдруг — бездна непонимания, вдруг оказывается, что заглушили-то нас ОНИ!..

После розыгрыша следующей сценки всем присутствовавшим предложили объяснить поведение Ребенка. Один из вариантов оказался точным, «в десятку», но и еще два других из пяти в какой-то степени правильны.

О т е ц. Сними рубашку.

Р е б е н о к... (Отрицательный жест.)

— Сними, жарко.

— Не жарко.

— Да сними же, тебе говорю, весь вспотел.

— Не хочю. Не сниму.

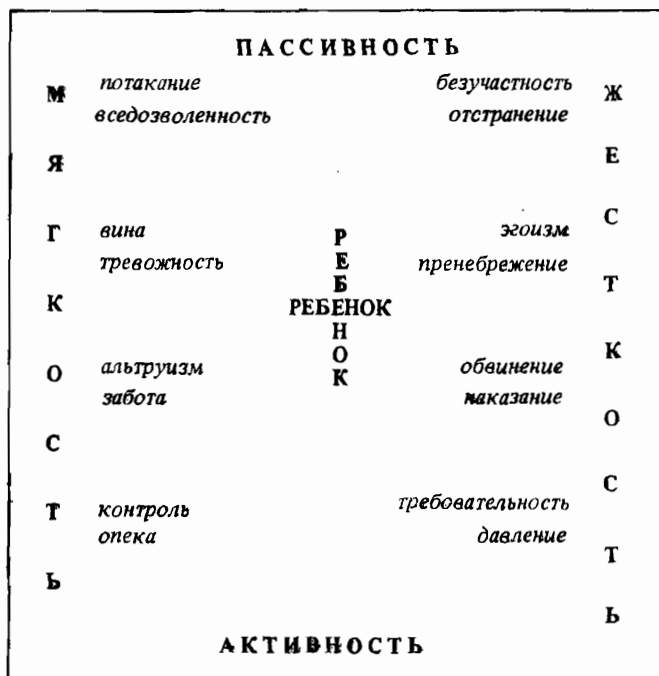
Толстоват, нескладен, стесняется своего тела; не хочет сравнения — не в его пользу; боится, что его насмерть укусит в пупок оса — прошлым летом ему этим пригрозил в шутку какой-то умник; боится какой бы то ни было обнаженности, потому что окружающие чересчур зорки, а у него есть одна постыдная тайна; не желает загара, считает, что белый цвет благороднее — «бледнолицый брат мой»; хочет, наконец, утвердить свое право быть собой хотя бы на таком маленьком пустяке...

А почему же не объясняет сам? Потому что это слишком утомительно и мало надежд, что поймут, скорее изругают или подымут на смех; потому что стыдно; потому что нет подходящих слов; потому что и сам не знает...

Наконец, главная игра дня — Пятый Угол.

Название заимствовано от одной малосимпатичной забавы, когда несколько человек толкают одного друг к другу, из угла в угол, отвешивая при этом пинки и затрещины разной степени убедительности.

Представьте себе четырехугольную площадку, расчерченную мелом, наподобие всем известных уличных «классиков», со сторонами и углами, обозначенными таким образом:

Площадка эта, как легко догадаться, представляет собой Поле Отношений — координатную схему главных позиций Родителя по отношению к Ребенку, схему, конечно, предельно упрощенную.

В центре — Ребенок.

Родители — один или двое — где-то внутри площадки.

Разыгрываются всевозможные импровизированные сценки. Переводческое Жюри с участием Ребенка прочитывает контекст поведения, и в зависимости от

этого Родитель оказывается ближе то к одной стороне или углу площадки, то к другим. Задача же—попасть в центр, к Ребенку. Когда это достигается, выдается лотерейным способом какая-нибудь шуточная награда за достижение равновесия или Гармоничной Позиции.

Но это нелегко... Я, например, участвовал в четырех этюдах, где вся моя роль заключалась в том, чтобы подойти к своему Ребенку с вопросом: «Ну, как дела?» — и каждый раз в результате оказывался в одном из углов площадки, получая соответственно титул Виноватого, Сверхопекающего, Отстраняющего, Обвиняющего... Вот как это выглядело в переводе с подсознательного.

ВИНОВАТЫЙ:

«Бедняжка, я знаю, что тебе скверно живется, но что мне делать?!»

СВЕРХОПЕКАЮЩИЙ:

«Дай мне исчерпывающую информацию, чтобы я понял, во что вмешаться. Дай возможность позаботиться о тебе».

ОТСТРАНЯЮЩИЙ:

«Надеюсь, ты понимаешь, что мне не до тебя; надеюсь, не станешь и впрямь рассказывать, как дела».

ОБВИНЯЮЩИЙ:

«Что еще натворил, негодяй эдакий, признавайся. Ничего хорошего от тебя не жду».

Вот ведь как!.. Стоит чуть прибавить темперамента, как моментально впадаешь в грех сверхактивности, опаснейшая ошибка! Сдержал, пригасил себя — угодил в пассивность; из вины шарахаешься в обвинение, из альтруизма — в эгоизм. То слишком мягко, то чересчур давишь, а до Ребенка так и не добираться...

Одна мама в нескольких сценах повторяла одно и то же: «Ужин готов», и каждый раз, как и я, оказывалась в каком-нибудь из углов.

ВИНОВАТЫЙ:

«Соизволь, сделай милость, хоть это и не совсем то, что ты любишь».

ОТСТРАНЯЮЩИЙ:

«Как видишь, я выполняю свою функцию. А вообще шел бы ты к бабушке».

СВЕРХОПЕКАЮЩИЙ:

«Не вздумай отказываться, ешь все до крошки».

ОБВИНЯЮЩИЙ:

«Марш к столу, тунеядец!»

Еще один папа пытался сказать каждодневное: «Садись заниматься» или «Иди делать уроки». Вот что из этого выходило.

ВИНОВАТЫЙ:

«Знаю, что тебе не хочется, но хоть для очистки совести, хоть для вида...»

ОТСТРАНЯЮЩИЙ:

«Делай в принципе что угодно. Главное, чтобы тебя не было видно и слышно».

СВЕРХОПЕКАЮЩИЙ:

«Я и только я знаю, что тебе надлежит делать в каждый момент, без меня ни шагу. Всегда с тобой, всегда вместе».

ОБВИНЯЮЩИЙ:

«Опять будешь ловить мух, лентяй злостный, халтурщик бессовестный. Я тебе покажу, я заставлю!»

Опускаю множество подробностей и вариантов. Когда в конце игры подвели итог, оказалось, что всех нас, родителей, можно весьма приблизительно разделить на три категории. (Названия игровые, не претендующие на научность.)

Н о р м а л ь н ы е (гармоничные). Колеблясь в умеренном диапазоне между разными сторонами и углами Поля Отношений, находятся в некой степени приближения к равновесию, к Гармоничной Позиции. Стремятся к пониманию. Доверяя своей интуиции, вместе с тем отдают себе отчет в своем незнании Ребенка, не перестают его изучать, гибко перестраиваются. Если и не большие оптимисты, то, по крайней мере, не лишены юмора, в том числе и по отношению к собственной персоне. Сочетают энтузиазм и трезвый скепсис, доброту и долю эгоизма, самоотверженны, но только в критических ситуациях; трудолюбивы, но вместе с тем и слегка ленивы. Это не значит, что на всякое свойство непременно имеется противосвойство, эдакая во всем золотая серединка, нет, могут и резко выступать несбалансированные черты, например вспыльчивость или тревожность, даже порядочный эгоизм или глупость, даже душевная болезнь — что угодно; но плюс к тому три неперменных качества: самокритичность (без самоедства), стремление к самоусовершенствованию (без фанатизма) и умение быть благодарным жизни.

Крупное везение для Ребенка, особенно если таких родителей целых два. В дружных семьях Гармонич-

ный Родитель худо-бедно получается из двух «половинок» — матери и отца. Главное, чтобы на «выпуклость» одного приходилась «вогнутость» другого, пусть и не в совершенном соответствии. Собственно, для создания такого Родителя и нужна семья.

Разд е р г а н н ы е (неуравновешенные). Размахи колебаний в Поле Отношений чересчур велики, равновесие удерживается ненадолго. Буквально в течение минуты Раздерганный может перейти из одной с д в и н у т о с т и (см. ниже) в другую, в третью, в четвертую и т. д. Например, такая последовательность: чувство вины перед Ребенком, тревога — неумеренная заботливость, сверхопека и сверхконтроль — давление, чрезмерная требовательность — обвинения, наказания (неблагодарный, не принимает заботы) — опять чувство вины и тревога (бедное дитя, затравили) — потакание и вседозволенность — снова обвинения и наказания (совсем распустили, сел на голову окончательно) — опять чувство вины — и все сначала...

Обычное явление, к которому Ребенок, однако, в большинстве случаев приспособляется и превращает своего Раздерганного Родителя в относительно нормального. Конечно, не без издержек...

Причины раздерганности обсуждались долго и страстно. Общепринятая гипотеза «такова жизнь», высказанная мною, была энергично отвергнута оппонентами и в их числе Д. С., утверждавшими, что «такие мы». «А почему же такие мы? — отбивался я. — Потому что такая жизнь, разве не так?» — «Так, но такая жизнь потому, что такие вы», — возразила Наташа. «Кто это вы?.. А вы?» — «Не переходите на личности, а то дам характеристику», — пригрозил Черный Критик.

Из этого круга не намечалось выхода, пока не попросил слова вышеупомянутый Завпамятью Кронид Хускивадзе, в мирской должности доцент, археолог.

— По моим личным наблюдениям, — сказал он, — родители бывают горячие либо холодные, вот и все, эти две крайности. Очень редко встречается тепло-хладная середина, эта самая норма, которую я уважаю, но, честно говоря, не люблю.

Кажется, все ясно. Горячий родитель нормален, холодный — патологичен; это доказывается уже тем, что нас, горячих родителей, — подавляющее большинство. И все же я хочу поделиться соображениями о ненормальности именно нашей.

Вот в чем, наверное, дело. Наш родительский инстинкт потому так и горяч, потому и дан нам с таким мощным избытком, что Природа, не знающая противозачаточных средств, вменяет нам в обязанность проявить его не какие-нибудь один-два раза, а МНОГО раз. В яичниках женщины находятся 500—600 яйцеклеток, каждая из которых имеет шансы быть оплодотворенной; в семенниках мужчины — миллионы сперматозоидов. Много раз должна беременеть и рожать нормальная женщина, много раз зачинать и воспитывать нормальный мужчина. Нормальная природная семья — многодетная, с несколькими поколениями детей — ранними, средними, поздними... Так рассчитан и организм человеческий, и психика с ее инстинктами. ПО ИДЕЕ мы все должны быть многодетными отцами и матушками-героинями!

И так ведь оно и было на протяжении тысяч предшествовавших поколений. Год за годом — ребенок, еще ребенок, еще... Старшие уже самостоятельны и имеют своих детей, младшие еще вынашиваются и вынянчиваются. Старшие нянчат младших, те, в свою очередь, еще более младших. Общий труд и борьба за существование. Со стороны родителей никакой особой демократии, никаких таких сантиментов. Невозможность повышенного внимания ни к кому из детей, кроме самых малых, грудных. У каждого ребенка свои права соответственно возрасту, но еще больше обязанностей... Таков в общих штрихах портрет естественной семьи. Это наша история, наши истоки, и так обстоит дело еще и до сих пор у изрядной части населения Земли. Восемнадцать детей имела еще и моя прабабушка, не отмеченная никакими наградами.

И вот если посмотреть на дело ТАК, то оказывается, что у горячего родителя избытка родительской любви не так уж и много, а пожалуй, и вовсе нет. В самую меру, как раз.

Ну а что получается сегодня у нас с вами?..

Нормальная, простите, о б ы ч н а я цивилизованная городская семья имеет детей — один, два... Подумать только, три уже считается чуть ли не многодетной! По счету дикарей «один, два, три — много»!.. Да ведь и троих-четверых детенышей с точки зрения эволюции с ее миллионновековым опытом НЕДОСТАТОЧНО даже для обеспечения мало-мальской вероятности продолжения рода!

Легко представить себе, с какой жалостью и ужасом посмотрели бы наши пращуры на современную городскую пару, размышляющую, заводить или не заводить второго ребенка.

Давайте же осознаем внезапную перемену, эту серьезную ломку нашей природной психики. Не будем говорить «хорошо — плохо»: и в многодетности есть очевидные суровые минусы, и в малодетности свои плюсы. Не все естественное хорошо, но все хорошее естественно!..

Основной, массовый, нарастающий факт: родительская любовь из естественно экстенсивной, то есть широко распределенной, в приблизительной равномерности, между множеством детей, сделалась неестественно интенсивной — узконаправленной на одного-двух. То, что тысячелетиями распределялось между семью — двадцатью, теперь получает один, в лучшем случае двое-трое. Всю любовь, все внимание. И не только, заметим, всю любовь и внимание. Ведь и тревожность, и чувство вины, и требовательность, и агрессивность, и потребность властвовать и подчинять тоже можно распределять и экстенсивно, и интенсивно...

Воспитывая одного-двух детей, мы не имеем возможности достаточно объемно изучить роль Родителя и себя в этой роли — все долгие годы остаемся, по существу, неопытными.

Когда чадо подрастает, наш неизрасходованный инстинкт заставляет нас видеть в нем маленького, все того же маленького: чадо этому более или менее успешно сопротивляется, инстинкт загоняется вглубь. Становясь бабушками и дедушками, либо выплескиваем накопившийся избыток на внуков, что тоже не всегда выходит удачно, либо, спохватываясь, решаемся наконец пожить для себя...

— Ну-с, так что же вы наконец предлагаете? — холодно перебил Черный Критик. — «Плодитесь и размножайтесь?» Как минимум троих-четверых сопливых?

— А почему бы и нет?

— А проблема перенаселения? А обслуга и кое-какой дефицит? А жилплощадь? Назад, в пещеру? (Аплодисменты.)

— Не вульгаризируйте, уважаемый Черный Критик, — не сдавался Кронид. — Критическое самосознание помогает сбалансироваться, приблизиться к объективности...

— Перевозжу: да здравствует нелюбимая вами умеренность и теплохладность, да здравствует рациональность, долой порывы, долой любовь, а?

— Чушь, передергивание! — Кронид не на шутку взорвался. — Злоупотребление Испорченным Телефоном! Практический выход только один: не ограничивать Ребенка своей любовью и не ограничиваться любовью к нему! Позволять себе любить и чужих детей, позволять себе любить целый мир, черт возьми, не боясь, что у Ребенка от этого что-то убавится, наоборот, прибавится! Целый мир!

— Интересно, а что вы скажете, если я попрошу вас взять и меня в сыночки?..

Сдвинутые. (Игровые термины, повторяю, не строги.) Тяготеющие к какой-то одной из возможных позиций, сидящие в одном из углов.

От Раздерганных (которых можно назвать и подвижно-сдвинутыми) отличаются внутренней неподвижностью, закоснелостью.

Чаще всего в семьях неполных—развод или ранняя потеря... Если оба Сдвинутых Родителя живут с Ребенком под одной крышей, то вместо положительной взаимодополнительности работает отрицательная: один сдвинут в одну сторону, другой в другую или оба в одну и ту же, а Ребенок совсем в иную...

Помимо обширного семейства Виноватых и Виновато-Тревожных («Я виноват уж тем, что я родитель»), которые легко становятся Сверхопекающими (Наседки, или Клуши Обыкновенные, Клуши Страждущие, Клуши-Кликуши) и Сверхконтролирующими («Мы делаем уроки»), с одним из подтипов в виде Производителя Вундеркиндов («Мы ставим рекорд»), здесь оказываются:

Потакатели-Сопереживатели (до степени невольного развратительства),

Устраиватели и Пробиватели — все те же Сверхопекающие, уже в великовозрастной ориентации,

легион Обвиняющих («Ты виноват уж тем, что ты ребенок») всевозможных окрасок, тембров и жанров (Крикуны, Ворчуны, Пилы, Подковыры, Кувалды, Проповедники и т. д.), а также изрядная партия Безучастных Созерцателей («Меня нет, тебя нет») и Отстраняющихся Эгоистов, в чистом виде, впрочем, довольно редких (чаще в сочетании с обвинительно-требовательной настроенностью).

Совершенно ужасен Родитель Преследующий или Давящий, сочетание сверхопеки с постоянными обвинениями — залог либо шизоидности, либо глубокой неискренности у сопротивляющегося Ребенка и дефекта воли у сдавшегося. Страшна и Уходящая Мать, и Забронированный Отец. Не говорим о пьяницах и хулиганах, о родителях-кукушках, о вымогателях и эксплуататорах собственного потомства...

Во всех этих и многих неперечисленных случаях даже чрезвычайно гармоничный по натуре Ребенок имеет большие шансы вырасти тоже Сдвинутым в свою сторону или по меньшей мере Раздерганным. Всевозможные неврозы и деформации личности, затяжные кризисы, которые могут обратить в духовное благо только мощные творческие натуры...

Взял заключительное слово Д. С., и все мы примолкли, внутренне уличая в каком-то из видов сдвинутости себя, кое-что вспоминая... Очевидно, заметив некоторую нашу пришибленность, Доктор стал объяснять, что и «раздерганность», и «сдвинутость», даже и самая заостренная, все-таки не есть безнадежность, что на то мы и люди...

Приходим в родительство не со знаком качества. Преподносим Ребенку вместе с любовью и самыми благими намерениями свой характер, с его изъянами и кривизнами, свое переменчивое настроение, свое невежество и эгоизм, болезни, кучу неразрешенных проблем, от бытовых до духовных, — все наше лучшее и все худшее.

А Ребенок?.. Не ангел, отнюдь. Все то же самое.

Уже в утробе между плодом и матерью может обнаружиться несовместимость, родственная аллергии и опасная для обоих. А сколько дальше, на других уровнях?

Ребенок получает травму или серьезно заболевает — у всякой, даже и самой гармоничной матери возникают тревожная напряженность, некоторая суетливость... А если мнительна? Если дитя — единственный свет в оконце?.. Такой матери, можно сказать, обеспечена длительная невротическая реакция с судорожным стремлением держать чадо под колпаком, постоянная паника. Жизнерадостный, уравновешенный ребенок такую реакцию выдержит, из-под колпака вылезет, с потерями, но отобьется. А если и сам тре-

вожен, меланхоличен? Обеспечен уже и его невроз, а далее — деформация характера, ущерб личности. Цепная реакция.

Ребенок вялый, медлительный, слабо ориентирующийся может побудить и вполне уравновешенных родителей к гиперопеке, которая будет задерживать его развитие и загонять еще прочнее в пассивность, побуждающую родителей к дальнейшим инициативам... Опять замкнутый круг.

Ребенок активный, подвижный и возбудимый, если родители относительно флегматичны, может легко выйти из-под контроля и причинить много неприятностей и себе и другим. Если и родители достаточно активны и властны, все может быть в полном порядке; если же у одной или обеих сторон, как часто бывает при энергичном характере, повышена и агрессивность — уже страшно: конфликты, жизнь в атмосфере обвинений и наказаний...

Из пяти детей, растущих у Обвиняющих Родителей (статистика интуитивная), двое выработают защитную толстокожесть и станут точно такими же родителями для своих детей. Из трех остальных один имеет большие шансы стать озлобленной, всеотвергающей личностью — негативистом или непрерывно самоутверждающимся психопатом; другой — бесхребетным небокопителем или безответственным прожигателем жизни; третий — либо подвижником, либо депрессивным невротиком с повышенным риском самоубийства. Для этого последнего л ю б а я доза обвинения была противопоказана с самого начала — полнейшая беззащитность. (Как раз беззащитность нередко и провоцирует...)

Ребенок — наш проявитель. И нельзя все свести к схеме, что мы воздействуем, творим дитя, а оно «получается». И Ребенок творит нас. Сколько угодно случаев, когда не без помощи наших дорогих деток мы боеем и ускоряем свое отбытие в мир иной, но столько же и родителей вылеченных, спасенных детьми!..

На этой полуоптимистической ноте Д. С. и закончил, и мы поспешили по домам.

Интермедия о разводе. Из текста, не вошедшего в книгу: «...Печальная типичность ситуации такова, что нужна книга для массового употребления, специально

о разводе — разводеведение — с подробнейшими практическими указаниями...»

Из обсуждения с Д. С.

Д. С. «Печальная типичность»?.. Во-первых, не все разводятся...

В. Л. Кто же сказал, что все.

— А во-вторых, иногда развод для детей очень даже не плох, я имею в виду превышение КПД над КВД.

— Что такое КВД?

— Коэффициент вредного действия. Не говоря уж об алкоголиках, домашних хулиганах и психопатах повышенного типа, но даже и просто при хронических конфликтах...

— Так ведь и я о том же. По-моему, если выбирать: домашняя война или развод, то развод — из двух зол меньшее.

— Это по-вашему. А по-моему, надо спрашивать об этом еще и детей. Во-первых, до некоторых родительских войн ребенку просто нет дела.

Пауза.

— А во-вторых?

— А во-вторых, если бы развод автоматически устранял конфликт. Полемика действий становится ребенком. А это уж, сами знаете...

— Он и без развода арена битв. И ведь еще как разводиться. Вот год назад звонят давние приятели, муж и жена. «Приходи, говорят, у нас завтра праздник. Обязательно приходи».

Что, спрашиваю, за праздник? «Разводимся». Ну, поздравляю, говорю, детки, дозрели. «Вот-вот, говорят (у них параллельные аппараты, как и у вас), поняли мы теперь твою мысль, что брак явление устарелое». Это не моя мысль, говорю, книжки читать надо. Пришел. Большая компания, замечательно посидели, не хуже, чем на свадьбе, кричали «горько»... Оба были помолодевшие, обнимались, целовались, плакали немножко...

— А дети?

— При сем присутствовали девочка 10 лет и пятилетний мальчишка. Им объяснили, что теперь у них будет не один дом, а два, папин и мамин. Девочка поняла. Мальчик спросил: «А зачем, разве нам одного дома не хватает?» Ему сказали: «Понимаешь, Сашок,

нам с папой вдвоем стало тесно, боимся, что кусаться начнем. Мы лучше будем ходить друг к дружке в гости. Будем дружить». Он тоже сделал вид, что понял.

— И как теперь?

— Папа женился второй раз, братик там появился. Первая и вторая жены подружились, папа с маминим другом тоже в прекрасных отношениях. Отпуск недавно провели все вместе, в байдарочной компании...

— Все понятно, случай один из тысячи. Если вы поняли меня так, что взрослые должны мучиться ради детей, а тем самым и детей мучить, то вы ничего не поняли.

— Кто же сказал, что понял. Что вы хотели выразить?

— Некоторые разводные ситуации с точки зрения детей. Для будущего справочника по разводеведению.

— Я весь внимание.

— Для удобства исключаем случаи разводов при совсем малых детях, не достигших еще сознания, что у них должны быть и папа и мама.

— А с какого возраста уже есть такое сознание?

— Вот это очень трудно сказать. У кого с года, у кого с пяти, у кого никогда.

— Поэтому и исключаем?

— Виноват. Не исключаем, а имеем в виду, что родителям придется все равно объяснять, возможно, и встречаться... Короче, все то же самое.

— Я весь внимание.

— Я ребенок. Задавайте вопросы.

Пауза.

— Э-э... Гм... Мальчик, как тебя зовут?

— Не знаю.

— Как не знаешь? Тебе разве не говорили, как тебя зовут?

— Мама говорит, что я Митя. А папа говорит, что Дима.

— Так ведь это одно и то же.

— Нет, не одно.

— Это же Дмитрий. И Митя — Дмитрий, и Дима — Дмитрий.

— Я не Дмитрий.

— Как?.. Почему?

— Не хочу быть Дмитрием. Мне не нравится.

— Но ведь тебя не спра... А какое имя хотел бы?

— Никакое.

— Почему?

— Потому что, когда у тебя нет имени, никто из-за тебя не дерется.

— Ты так думаешь?.. Ну хорошо, а скажи...

— Только не спрашивайте меня больше, пожалуйста, про моих папу и маму, ладно? Спрашивайте про других.

— Хорошо. Скажи, как ты думаешь, это очень плохо, когда мама и папа ссорятся?

— Нет.

— Как ты сказал?

— Я сказал: плохо не очень. Все ссорятся, а почему им нельзя?

— А что такое плохо?

— Плохо — это когда папа и мама не хотят друг дружку простить.

— А что такое очень плохо?

— Когда не любят. И когда врут.

— Это совсем плохо.

— Это еще не совсем плохо.

— А что же совсем плохо?

— Совсем плохо, когда и тебя заставляют не любить. И заставляют врать.

— Да... А тебя...

— Дяденька, я же вас просил.

— Извини.

— Я знаю многих ребят, которых мамы заставляют не любить пап, а папы заставляют не любить мам. И заставляют врать и те, и другие. А некоторых еще и заставляют любить новых пап и мам, и опять заставляют врать. Знаете, что получается с этими ребятами?

— Что?

— Они делаются мертвыми.

— Как?..

— Одному моему знакомому мальчику мама с шести лет твердила, что его папа плохой и что он ушел от них потому, что не любит их, а значит, и его, папу, любить нельзя. Мальчик этому верил, но не любить своего плохого папу не мог. Только скрывал это от мамы и от себя самого, то есть врал. И себе, и маме. И вот как-то однажды они с папой встретились. Мальчик сказал: «Папа, ты плохой. Я тебя люблю за то, что ты плохой. А маму люблю за то, что она хорошая». И заплакал.

— А папа?

— И папа... Я хотел вам сказать, что тот мальчик

все-таки сумел превратиться обратно в живого. А одна девочка, которую папа сумел заставить не любить маму...

— Что?

— Девочка эта по решению суда жила с папой. Почему так решил суд, я не знаю. Видеться с дочкой папа разрешал маме только в своем присутствии. (Так и многие мамы делают, когда дети остаются с ними.) Мама девочки от этого сходилась с ума, она и так была нервная. А девочка была маленькая, не понимала, что происходит. Мама приходит, но вместо того чтобы играть с ней, кусает губы, дергается. Папа смотрит на нее ледяными глазами. А когда мама уходит, говорит дочке, что мама ее не любит. Бесконечные похвалы и ласки, подарки, каких мама дарить не может. Папа даже машину купил и сказал, что это только для нее. Как же не любить папу — и как любить маму?.. Но мама не отступилась. Опять суд в присутствии девочки. Папу адвокат мамы, поговоривший до этого с дочкой, спросил: «Зачем вы купили для дочери автомашину? Не кажется ли вам, что это преждевременный подарок? Ведь ваша дочь еще очень долго не будет иметь водительских прав. Машина за это время придет в негодность». «Я купил машину для себя», — сказал папа. Девочка вскочила с криком: «Папа, ведь ты же сказал, что для меня?!» На другой день после суда убежала из дома. Ее так и не нашли.

— ...

— Извините, я немного вышел из роли.

**Почему дети
получаются
не такими,
как хочется**

Знаешь, что думал мальчик, которого ты вчера спрашивал, почему он грустный? Он подумал: «Да отстань ты от меня».

«Добрый вечер, В. Л., позвольте напомнить, что в четверг, 18 ноября, в 18.00 состоится очередная игра цикла «Взрослые дети». Согласно договоренности рассчитываю на Ваше участие в качестве Бабушки.

Заодно хотелось бы кое-что уточнить по незаконченному разговору. Нет, В. Л., я вовсе не детоцентрик, как Вы изволили выразиться. Плачевнее всего обстоят дела как раз там, где детьми «занимаются» и где вместо живого общения появляются «системы», «концепции», «формирование» и тому подобные чудовища...

Легион детоцентрических мам, пап, бабушек и иже с ними: «Позвольте, но как же?.. Ведь трудный ребенок, больной ребенок делается проблемой волей-неволей. И разве не в детях, в конце концов, наше счастье и смысл нашей жизни?..»

Легион эгоцентрических детей: «А вот и надо. Не надо делать из нас смысл вашей жизни, это мешает нам искать смысл нашей. Не надо делать из нас свое счастье — это невыносимо, счастье прямой наводкой».

Тайна воспитания есть тайна поэзии, неужели и с этим будете спорить?..

Самые гармоничные и духовно здоровые дети, при прочих равных условиях, вырастают в семьях, занятых от велика до мала общим жизненным делом, определяющим дух семьи, делом, дающим старшим естественный авторитет и привлекающим младших радостями, опасностями, ответственностью... Я теперь убежден, что цель «хорошо воспитать ребенка» нельзя ставить. Но цель эта достижима, если входит в Сверхцель...

До четверга! Добрых снов. Ваш Д. Кст.»

«Доброе утро, Д. С., спасибо, постараюсь не подвести. Задаю Вам вопрос из роли, в которую Вы меня загнали: позвольте узнать, какой бабушке Вы докажете, что нельзя делать внука смыслом своей жизни или хотя бы что ему нельзя этого показывать?.. Нет, уж кто-кто, а бабушки и дедушки должны обожать своих внучат, да-да, обожать. Больше такого случая не представится!..

Общее семейное дело — не утопия ли?.. В подавляющем большинстве семейств главная проблема — друг другу по возможности не мешать. Общие дела возникают только от случая к случаю (перестановка мебели, выяснение отношений), и даже самые идиллические объединяющие занятия (созерцание телевизора, совместный поход на лоно природы, возделывание огорода) не гарантируют, увы, мира и радости. Помните семейство М-х? Три года подряд выезжали в деревню для укрепления уз. В результате даже собака взбесилась.

Не знаю, как Вы, а я в детстве очень хотел быть смыслом жизни и счастьем своих родителей и очень расстраивался, когда мне казалось, что это не так. Мои родители ставили себе целью хорошо меня воспитать, а если из этого мало что вышло, то что поделаешь, все мы коты в мешке...»

ВОРОТА ДУШИ **(Из бесед Доктора)**

Если бы все люди с детства могли постигать тайну внушаемости, то они, кажется мне, стали бы совершенными существами... Может быть, более чем людьми.

Когда вы плакали, еще не помня себя, и вас брали на руки, успокаивали, укачивали, убаюкивали — это было внушение;

когда пугались чьего-то громкого голоса или сердитого лица; когда останавливались в ответ на оклик; когда смеялись от того, что кругом было весело и вас развлекали, — это было внушение;

когда подражали кому и чему попало, не замечая этого или нарочно стараясь, потому что вам нравилось, — это было внушение;

когда узнали свое имя и простодушно поверили, что оно и вы — это одно и то же; когда поняли, что нужно ходить в туалет, что нельзя многое делать, многое трогать; когда начали понимать слова и верить словам; когда начали слушаться взрослых...

когда играли со сверстниками...

когда слушали музыку, когда смотрели кино...

когда начали пить и курить, когда следовали за модой...

когда влюбились...

Космос человеческих отношений, всепроникающий, вездесущий.

Внушаемость — ворота души: открытость Другому, способность верить.

Столь очевидная и беспредельная, детская внушаемость сохраняется и у взрослого, но претерпевает сложные изменения, переходит на новые уровни. И врачебное внушение, и гипноз возможны лишь потому, что в каждом всю жизнь продолжает жить, страдать и надеяться внушаемое дитя.

Внушаемость связывает и согласует новоприбывшее существо с окружающими, делает ребенка человеком своего места и своего времени. Всем, что нами усвоено, мы обязаны ей.

Но внушаемостью человек лишь начинается.

В нас заложено и изначальное ее отрицание — самость, природная самобытность. Развиваясь вместе с нами, внушаемость делается все более избирательной, начинает сама себя сдерживать, опровергать, начинает осознаваться и — если только развитие не останавливается — переходит в управляемую САМОВнушаемость. Только так возникает существо мыслящее и способное к самоусовершенствованию — существо творческое — человек духовный.

Упрямство и обострения. Каждый день,

если не каждую минуту, мы видим, как ребенок сопротивляется нашим внушениям. Хорошо это или плохо?..

Отличим сопротивление от невосприимчивости. Маленький ребенок может просто не понимать обращенную к нему речь или, заигравшись, не услышать сердитый голос — у него может не хватить внимания, чтобы дослушать вас, может быть слишком хорошее настроение, чтобы понять по выражению глаз, как вы серьезны...

Все это невосприимчивость: ворота не заперты, вы в них просто не попадаете.

Сопротивление — нечто иное. Ворота запираются изнутри.

Защита от внушений (антивнушаемость) начинается развиваться одновременно с внушаемостью, но с некоторым запозданием и неравномерно — полосами, периодами. Каждый ребенок проходит через несколько «возрастов упрямства» — они же и так называемые переходные.

Первый — обычно где-то между 2,5—3,5 годами. (Иногда, впрочем, что-то подобное заметно уже и у годовалых, но быстро сходит.) Очаровательный поклядистый малыш вдруг или постепенно превращается в злого капризулю. Отвергается любое предложение, приказ или просьба; на любой вопрос почти автоматически отвечает «нет», «не хочу», «не дам»... Может вдруг совсем перестать говорить, начать снова делать в штанишки, отказывается от горшка или сидит по часу. Все, что запрещают, стремится делать как бы назло или желая проверить, действительно ли запрещается. Шлепки и окрики действуют слабо, терпения не хватает, кажется, этому не будет уже конца.

В это время неуверенные или слишком уверенные в себе воспитатели, не понимая, что происходит, могут натворить бед. Начинают спозаранку «переламявать», серьезно наказывать.

ОСТОРОЖНО! ВЫ РИСКУЕТЕ СЛОМАТЬ ЛИЧНОСТЬ — в самом начале!..

А происходит вот что. Ребенок начинает пока еще неосознанно учиться утверждать свою волю и сознавать свое «я». Бросает свой первый вызов судьбе, миру, себе самому!.. И естественно, что это самообучение производится с такими излишками, с избыточностью —

как всякая тренировка. Чтобы стать человеком, ОН ДОЛЖЕН НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ СВОЕВОЛЬНЫМ.

Рискую дать такой совет: примерно в $\frac{1}{3}$ случаев уступайте своему маленькому упрямцу, в $\frac{1}{3}$ настаивайте на своем и в $\frac{1}{3}$ оставляйте вопрос открытым, т. е. отвлекайте и отвлекайтесь, пойте песни, пляшите, смейтесь... Через некоторое время, весьма вероятно, проявится «упрямство наоборот», захочется того, чего вы уже якобы не хотите. (Прием срабатывает не только с детьми.)

Я сказал «рискую», потому что в каждом случае это соотношение должно быть индивидуальным — есть ведь и дети, у которых «возраст упрямства» начинается с первого крика и не кончается никогда — негативисты, строптивые. Есть и их антиподы...

Но как правило, уже в четыре года перед нами снова милое создание, желающее быть послушным и искренне огорчающееся, когда это не получается. Безгранично верит каждому нашему слову.

Второе обострение — где-то между 6—7, иногда ближе к 8—9 годам. Все то же самое, но на другом уровне. «Мама, ты говоришь неправильно, дядя Саша знает лучше тебя!», «Папа, ты сам ничего не умеешь!...» Скандал из-за одежды: «Вот не буду надевать эту майку, не нравится она мне, никто не носит такие, и вообще слишком жарко!»

Плохое настроение, усталость, предвестие болезни?.. Вполне возможно. Надо, однако, знать, что всякое скверное состояние выводит наружу подавляемые побуждения. Ведь как раз в это время начинает неотвратимо и стремительно нарастать объем требований со стороны Госпожи Необходимости — игрушки уступают место учебникам. И ребенку снова приходится доказывать себе, что он может быть если не полным распорядителем, то хотя бы совладельцем своего «я»; что, кроме «надо», бесконечного «надо», за ним остается и право на «хочется». Если в это время пережать «надо», может не состояться ни настоящая учеба, ни настоящая личность; если недожать — то же самое.

Рецидивы упрямства и всеотрицания будут происходить теперь всякий раз, когда ребенок будет чувствовать себя ущемленным в своих маленьких, но тем более драгоценных правах; когда самооценка его будет ставиться под угрозу; когда будут подавляться его активность и стремление к самостоятельности; когда будет скучно...

Теперь он следует не тому примеру, который перед ним ставят, а тому, который САМ ВЫБИРАЕТ. Кто интереснее, кто приятнее, кто проникновеннее, тот и проникнет...

Третье обострение — всем хорошо известный подростковый кризис, эта гормональная буря, которую и привыкли называть собственно переходным возрастом.

В этом возрасте максимальны и внушаемость, и антивнушаемость.

...Со мной происходит что-то небывалое, страшное, я бешено расту, у меня все меняется, и многое нежелательно, неприятно, стыдно... Я этого и не хочу, и хочу... Я не понимаю, почему часто так странно себя чувствую, мне хочется то спрятаться и не жить, то лететь обнимать весь мир... Я так нуждаюсь в одиночестве и так от него страдаю! Я не знаю, что подумаю через минуту, не мешайте мне, помогите!..

...Хватит принимать меня за дурачка, за ребенка, я уже взрослый! Прошу на равных, да, требую уважения! Но тот малый остаток детства, который у меня еще есть, дайте дожить, доиграть, оставьте, это мое!..

...Я не хочу жить так, как живете вы, я не хочу быть на вас похожим! Если бы я создавал этот мир, я бы сделал все по-другому, и вас бы — ТАКИХ — не было! Я бы не допустил! Я уже раскусил вас, я вами наелся, с меня хватит!..

...Отойдите, имейте совесть! У вас своя компания, а у нас своя, нам без вас свободнее, веселее, нам есть чем заняться... Вы нас кое-чему научили, спасибо, теперь мы учимся у себя самих, мы живем! Вы уже это забыли, старики, отодвиньтесь, дайте пройти!..

...Ах вот оно что. Оказывается, я ничего не знаю, ничего не умею и ни черта не смыслю ни в чем! Ни на что не годен, ничтожество полное! И это все благодаря вам, дорогие взросленькие, благодаря вашим сказочкам, вашему воспитанию!..

...Я должен узнать мир и себя, я нуждаюсь в жизненных экспериментах. Я хочу примерить и

ту роль и эту, хочу испытать невероятное, хочу проверить известное. Мне нужны трудности и ошибки. Я хочу сам делать свою судьбу, я хочу жить как хочу, но сначала я должен узнать — **ЧЕГО Я ХОЧУ?**

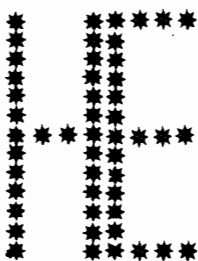
...Я хочу верить, слышите? Я хочу во что-нибудь, в кого-нибудь верить! И поклоняться, и служить, и любить! Бескорыстно, самозабвенно! Но не бессмысленно! Хочу знать, хочу понимать — **ЗАЧЕМ**, и на роль бездумного исполнителя не согласен! Хочу, чтобы и мне верили, чтобы и мне поклонялись, чтобы меня любили!
(Из переводов с детского и не совсем).

Э ф ф е к т д и с т а н ц и и запечатлен в старой поговорке «Нет пророка в своем отечестве». Неизбежно нарастающая с годами защита от внушающих влияний ближайшего окружения и не в последнюю очередь от твоих, родитель.

Ты в отчаянии стоишь перед наглухо закрытыми воротами, а его душа ищет, кому открыться. Всегда ищет.

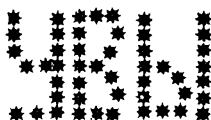
ОШИБКА, ОТ КОТОРОЙ ТРУДНЕЕ ВСЕГО УДЕРЖАТЬСЯ. Даже при полном, казалось бы, понимании, при большом опыте...

За годы врачебной практики я вплотную узнал не одну сотню людей, маленьких и больших, которые

здороваются
умываются
чистят зубы
читают книги
занимаются (спортом, музыкой,
ручным трудом, языком... самоусовершенствованием включительно)
работают
женятся
лечатся

и т. д., и т. п. — **ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ИХ К ЭТОМУ ПОНУЖДАЛИ.** И приблизительно столько же тех, которые

(подставьте любое нежелательное действие или привычку)

— ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ИМ ВНУШАЛИ
НЕ ДЕЛАТЬ ЭТОГО.

Всегда ли так?

Нет, не всегда, но слишком часто, чтобы это можно
было считать случайностью.

Попытаемся разобраться.

Вы убеждены — я убежден — мы убеждены,
мы твердо знаем,

нет никаких сомнений в том, что нашему ребенку
НАДО:

(подставьте любое действие, навык, привычку, со-
стояние, стремление, цель, программу).

МЫ СОВЕРШЕННО ПРАВЫ.

И вот мы начинаем:

приказывать,

требовать,

добиваться,

а также:

убеждать,

уговаривать,

напоминать,

обращать внимание,

а также:

советовать,

подсказывать,

высказывать свои мнения,

пожелания и предложения,

а также:

ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАТЬ,

ОБЕЩАТЬ И БРАТЬ ОБЕЩАНИЯ,

ЗАКЛЮЧАТЬ ДОГОВОРЫ,

а также:

ворчать, скрипеть, нудеть, зудеть, давать ценные
указания, капать на мозги, пилить, мотать душу (нуж-
ное подчеркнуть) — короче, В Н У Ш А Т Ь. С той или
иной окраской и интенсивностью, с теми или другими
нюансами, но в н у ш а т ь. С той степенью на-ив-но-
сти, при которой

САМ АКТ ВНУШЕНИЯ НЕЗАМЕЧЕННЫМ НЕ ОСТАЕТСЯ.

Вы ждете объяснения, почему же НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

или

ПОЛУЧАЕТСЯ НАОБОРОТ.

На то есть по меньшей мере три основные причины.

Во-первых, сам акт внушения, пусть даже в форме деликатнейшего предложения или намека.

Ребенок не знает слова «внушение», но его подсознание моментально раскручивает, в чем дело. Моментально и очень рано, а именно с первого же замеченного повторения слова, интонации, жеста, выражения глаз... «Ага, от меня что-то требуется, от меня **ОПЯТЬ** что-то требуется...»

Сработает антивнушаемость. (Особенно если дело происходит в один из периодов упрямства, когда и наша воспитательская наивность достигает своего апогея.)

Во-вторых, то, что внушение производим — и м е н н о мы — именно вы — именно я.

Никуда не денешься: для своего ребенка я есть по должности Главный Внушатель. Более чем вероятно, что именно на меня у него уже выработалась обостренная антивнушаемость, родственная аллергии... Вовсе не обязательно в виде открытого сопротивления, нет, со всем соглашается, понимает, честно старается — и... Честно забывает, честно срывается, честно преодолевает тошноту...

Наконец, важнейшее: **КАК** мы внушаем.

Контекст — скрытое содержание.

Допустим, я не взволнован ничуть, не устал и не раздражен, у меня отличное настроение, олимпийски спокоен (бывает же), и я говорю своему десятилетнему сыну:

— **УЖЕ ПОЗДНО. ТЕБЕ ПОРА СПАТЬ.**

Говорю самым спокойным, самым благожелательным тоном. Уже действительно поздно, и ему действительно пора спать, ему и хочется уже спать, веки уже набухли, моргает... И однако же:

— Не поздно еще... Ну сейчас, ну еще немножко. Не хочу я спать, эти часы спешат... Сейчас доиграю только (досмотрю, дочитаю, дотяну резину, доваляю дурака до изнеможения)...

Что такое?.. Опять не желает слушаться и понимать очевидное! Опять провоцирует меня на утоми-

тельные уговоры, на глубоко чуждое моему демократизму употребление власти!..

— ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОРΟΣ ЛОЖИТЬСЯ СПАТЬ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ.

У ТЕБЯ ОГРАНИЧЕННЫЕ ПРАВА! ТЫ НИЧТО-ЖЕСТВО!!! — вот что слышит в моих словах его подсознание, вот он, контекст.

Вы спрашиваете, откуда я это взял? Из его поведения. Из своего детского багажа, довольно увесистого... Из вживания. (Вслушиваясь, постепенно начинаешь кое-что слышать...)

Стало быть, ошибка. А как же правильно?

Несколько вариантов из «эн» возможных (по возрасту, по характеру, по опыту, по ситуации...).

— Ух ты, а времени-то уже сколько. МНЕ спать охота. (А тебе?)

— «Спят усталые игрушки... Баю-бай...»

— Вчера (позавчера) в это время ты уже видел ВТОРОЙ ИНТЕРЕСНЫЙ СОН.

— Слушай, ты молодец. Сегодня тебе **ВОВРЕМЯ** захотелось спать, гляди-ка, правый глаз уже закрывается...

— Опять забыл... Как будет по-английски «спокойной ночи»? Ага, ГУД НАЙТ. Ви шел гоу ту слип—мы пойдем спать. Правильно?

— **ОТБОЙ.** (Безличная краткая команда без употребления глаголов в повелительном наклонении — хорошая форма внушения, особенно для возбудимых подростков; спокойно, решительно, непринужденно — снимает подсознательную оскорбительность.)

И наконец просто:

— Спокойной ночи. (Можно с улыбкой. Можно поцеловать.)

Дает ли какой-либо из вариантов гарантию?.. Нет. Ни один! Но уже легче, что их много. Уже интересно, что они есть...

Они всегда есть.

...Вы, наверное, как и я, не раз замечали такую обидную странность: даришь книжку, отличную, редкую, крайне интересную, крайне полезную:

— ЭТО ТЕБЕ. ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО, ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙ.

— Ага, спасибо. Прочту.

Не читает.

— Ну как, прочел?

— Нет еще. Не успел. Прочту. Обязательно. Не читает. Собирается, честно собирается. Но вот поди ж ты... Любую мусолит ерунду, ТОЛЬКО НЕ ЭТО. И всего обидней, пожалуй, что та же книжка, небрежно рекомендованная каким-нибудь Генкой как «ничего», будет вылистана от корки до корки!..

Причины уже можно, наверное, не объяснять.

Из песни, как хорошо известно, слова не выкинешь, а музыку и подавно. Мы наивно убеждены, что слова, говоримые ребенку (великовозрастному включительно), воспринимаются им в том значении, которое они имеют ДЛЯ НАШЕГО СОЗНАНИЯ. Но мы не слышим ни песен своего подсознания, ни той музыки, далеко не всегда сладкозвучной, в которую преобразует все это подсознание воспринимающего.

Вот она, эта музыка.

АХ, как ты слаб и незрел, как же ты мал и глуп!

ОХ, как же ты ленив и неаккуратен, забывчив, необязателен, безответствен и непорочен!

УХ, ничего ты собою не представляешь, ничего не умеешь!

ЭХ, до полноценного человека тебе еще далеко!

ЭЙ, ты зависим от меня, у тебя не может быть своего мнения и своих решений, я тобой управляю, безвольная ты скотинка!

ФУ, какой же ты все-таки непроходимый чудак!

ТРАМ-ТАРАРАМ...

— Что за ерунда, что за чушь?.. Ничего подобного нет и в мыслях!..

Правильно, ничего подобного. (Допустим, что ничего подобного.) Но ТАК ПОЛУЧАЕТСЯ при нашем безвариантном, задолбленном поведении. ТАК ВЫХОДИТ, когда мы не слушаем себя слухом Другого, не смотрим его глазами, не чувствуем его чувствами...

Так самое необходимое — и высокое, и прекрасное! — мы связываем ДЛЯ РЕБЕНКА с а д о м: с чувством собственной неполноценности и вины, с тревогой и злостью, со скукой и безлюбовностью. Так в

зародыше убиваем и страсть к истине, и потребность в самоусовершенствовании.

ПОЧЕМУ Я ПРОДОЛЖАЮ ДЕЛАТЬ ВСЕ ТУ ЖЕ ОШИБКУ? По меньшей мере пять раз в день я продолжаю ловить себя в своих общениях все на том же «трам-тарарам». И даже в только что сказанном. А сколько раз не ловлю?..

Инерция стереотипов. Инерция подражания, в том числе и себе самому. Инерция душевной тупости и нетворческого состояния, чему способствует, в свою очередь, немало причин...

КАК ДЕТИ ДЕЛАЮТСЯ ХОРОШИМИ. Теперь вы, возможно, удивляетесь, как же все-таки большинство детей умудряются становиться более или менее нормальными взрослыми.

К счастью, мы занимаемся воспитанием не круглосуточно. Происходит же воспитание непрерывно.

Наша способность внушать нашей каждодневной антипедагогикой не исчерпывается. Множество необходимого и прекрасного вы внушаете своему ребенку, менее всего об этом заботясь, незаметно ни для него, ни для вас; и одна, допустим, из тех же пяти моих рекомендаций тоже имеет какие-то шансы дойти, если остальные четыре были не слишком бездарны. То, что потрудился испортить я, может незаметно исправить недоиспорченный сверстник, добрый знакомый, хороший учитель...

И главное: в самом ребенке работает множество здоровых духовных сил, живет чувство Истины.

Но все-таки жаль, что издержки так велики...

В. Л.

Случай, заинтересовавший меня не столько как врачебная задача, сколько психологически.

Одна мама, не очень молодая, педагог по образованию, обратилась ко мне с жалобой, что ее ребенок не стелет свою постель. «Как это не стелет?» — «Не убирает. Встает и уходит. Сколько ни уговаривай, ни стыди». Я поинтересовался, сколько малышу лет. «Двадцать восемь. Уже три года женат». — «Вот как... А жена как же?..» — «Ну, жена... Я в их дела не вмешиваюсь». — «Понятно». — «Как ни зайдешь к ним в

комнату...» — «Ясно, ясно. И что же, он так за всю жизнь ни разу не застелил за собой постель?» — «Стелил, почему же. До восемнадцати лет. Был приучен. А как в институт поступил — все, ни в какую». — «А в армии отслужил?» — «Да, и заправлял койку как положено, а вернулся — опять все то же. Может быть, это какой-то симптом?..»

Выяснилось: мальчик рос послушным, с короткими вспышками упрямства, энергично гасившимися; был мечтателен, не без самолюбия — в общем, все довольно благополучно. Перестал убирать за собой постель после того, как поступил не в тот институт, в какой собирался, а в который уговорили и помогли...

— Не упрекал ли вас, что не дали встать на свой путь?

— Никогда. Наоборот, говорил, что нравится, что все хорошо, правильно.

— Ну, теперь все понятно.

— Как-как, доктор?!

— Ничего страшного. После того как он сдался вам, ему нужно было хоть чем-нибудь поддержать свою с а м о с т ь. Неубиранием постели его детское «я», или подсознание, это почти одно, и доказывает себе, что все-таки может не делать того, что НАДО.

...Дадим закончить Д. С.

Т а к н а з ы в а е м ы е у д о б н ы е. Сверхвнушаемость. Подчиняется без малейших трений, лепится как воск. Угадывает ваше желание с полуслова, настроение — с полужеста, почти телепат... Любит слушаться, следовать указаниям, примеру, авторитету. Развивается так, как вы направляете, даже превосходит ожидания...

Ворота, распахнутые настежь.

Я узнаю их по глазам — и детей, и взрослых — по особому непередаваемому выражению... У них и возможна самая глубокая степень гипноза — сомнамбулизм, с перевоплощением в кого угодно, во что угодно, с абсолютным самозабвением. Дыхание древних тайн...

Все, чтобы стать чудесным гармоническим человеком, и таков он и есть. Но относительно наличной реальности — чего-то все-таки не хватает... Может быть, доли критичности или жесткости; может быть, частички трезвости и лукавства (больше — уже цинизм)...

У каждого свои пути и свои путы. Но у ЭТОГО судьба ОСОБЕННО зависит от того, кому он поверит, кого полюбит, кому и чему отдаст душу.

Я видел таких и в палатах для душевнобольных, среди алкоголиков и невротиков, подкаблучников и функционеров...

Разбираясь в наиболее печальных историях, видишь одну и ту же схему событий. С раннего детства от него добиваются всего, кроме внутренней независимости. Им управляют — он поддается; чем более управляют, тем более поддается; чем более поддается, тем более управляют...

Обе стороны, втянутые в этот круг, не замечают опасной односторонности: непрерывного УПРАЖНЕНИЯ ВНУШАЕМОСТИ. И только.

Новые круги отношений, новые требования и соблазны, новые люди, новые гипнотизеры... С чем он встречает все это? Все с той же внушаемостью. И вдруг оказывается, что

НЕТ ЛИЧНОСТИ.

Во всем разуверился, разочаровался, изолгался, пошел по наклонной, спился, утратил смысл жизни, человеческий облик... Все это он, бывший удобный, такой хороший, такой внушаемый.

То, что называют в быту бесхарактерностью, — только один из обликов этой трагедии. Наш удобный внушаемый человек может иметь облик чрезвычайно волевого, целеустремленного гражданина, неуклонно выполняющего намеченную программу. Способный, образцовый, высоконравственный, неsgiбаемый — все прекрасно. Беда только в том, что это не его программа, не его нравственность, не его характер. Повторяет неведомо для себя чужие мысли и чувства. Так стихоманы не ведают, что пишут пародии. Так усыпленный не знает, что спит...

Поймем простую закономерность, из которой вырастают многие сложности.

Чем сильнее наше воспитательское давление, тем МЕНЬШЕ мы узнаем о подлинной жизни и внутреннем мире ребенка. И тем больше риск впасть в непроходимые взаимные заблуждения.

Вопрос, задаваемый каждый день и всю жизнь:

«Ты хочешь, чтобы я был таким, как надо, и ТОЛЬКО таким?.. Ты меня формируешь?.. Я иду тебе навстречу. Я из всех сил стараюсь подогнать свой образ к тому, который для тебя желателен, да, но и

ТОЛЬКО. Тебе нужно, чтобы я был здоров, хорошо себя вел, хорошо учился, и **ТОЛЬКО?** Пожалуйста, по возможности... Но вся остальная моя жизнь, не укладывающаяся в прокрустово ложе твоих требований и ожиданий, весь мой огромный мир, полный тревог и надежд, ужасов и соблазнов — куда мне с ним деться?..»

ДВАЖДЫ ДВА — ДЕСЯТЬ

Пожелания к воспитательскому внушению

1. *Давать себе время.* Не случается ли, что мы ведем себя с ребенком как самозарядный автомат, не давая себе времени не то что подумать, а просто увидеть, что происходит?

Научимся выдерживать паузы: ориентация, а потом реакция. «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего». Дети не уважают суетливость. Некоторая медлительность старших всегда действует внушающим образом.

2. *Давать ему время.* «Давай быстрее!» «Ну что же ты застрял». «Опять возишься!..» «А ну, марш за уроки, сию минуту!» «Садись есть, немедленно!» «Все, кончай, спать пора, сколько можно!» «Домой, сейчас же!..»

Примерно каждый второй из детей по тем или иным причинам не справляется с темпами, требуемыми со стороны взрослых, и примерно каждый десятый явно медлительнее остальных. Это может быть связано и с какой-то болезнью или задержкой развития; но как правило, это дети совершенно здоровые, и более того, часто весьма одаренные. Таким увальнем, неуклюжим недотепой был и маленький Пушкин, и маленький Эйнштейн. «Тихая вода глубока». Им нужно быть медлительными: в свое время догонят и перегонят.

Ребенок — не автомат.

Правильно (до 7 лет): «Вот эту башню достроишь, а потом...» «Скоро я начну считать до десяти, и когда досчитаю...» (Позвоню в колокольчик, хлопну в ладоши...) После 7-ми: «Скоро спать (садиться за уроки, идти домой), приготовься...» «У тебя еще ровно 11 минут...» «Поздравляю, сэр, ваше время истекло. Точность — вежливость королей...»

Если необходимость вынуждает к немедленности, твердо и решительно, но обязательно весело и жиз-

нерадостно приказывайте! Если, как часто бывает, начинает препираться и торговаться («Ну сейчас... ну еще немножко...»), не вступайте в препирательства, повторите приказ более властно или примените мягкое физическое насилие: обнимите и уведите.

Такие ситуации повторяются ежедневно, не так ли? Есть, следовательно, возможность поэкспериментировать...

И у взрослых не все внушения реализуются сразу, большинство требует какого-то срока для проторения. Очень часто не понимает, сопротивляется, а потом вдруг все как надо, САМО — когда перестают давить.

3. *Не внушать отрицательное.* «Вот сейчас тебя собака съест». «Вот отдам тебя дяде!» (милиционеру, доктору...) «Машина задавит». «Простудишься, заболеешь». «Будешь трогать пипку — отвалится, и умрешь».

Трудно потом освободить ребенка или бывшего ребенка от разрушительного влияния таких вот «заботливых» предостережений.

Даже если тут же забудется, отрицательное внушение сделает свое дело. Страх, ужас, ненависть пронесутся в другое время, в другом месте...

— Пожалуйста, не вцепляйтесь, как клещ, в его (ее):

страхи,
неуспеваемость,
плохое поведение,
скверную привычку,
болезнь,
проблему

.....

— Как?! Вы требуете, чтобы я внушил(а) себе безразличие к своему ребенку?!

— Нет. Не так поняли. Я прошу вас не обращать внимания только на ЭТО. Я прошу вас внушать себе спокойное отношение только к (...болезни ...проблеме ...), а НЕ к ребенку. Понимаете разницу?.. Ребенок — не привычка, не болезнь, не проблема. Ребенок — ребенок.

— А ЭТО пройдет?..

— Никакой гарантии.

— Понимаю. Я должна (должен) сделать вид, что мне безразлично. Прикинуться...

— Нет. Не так. Искренне и всерьез. Не прикинуться, а проникнуться.

Трудно доходит. А ведь не сложнее, чем не обращать внимания на родимое пятно. «Знаешь ли, все у тебя хорошо, если б не родимое пятно, все замечательно, только это родимое пятнышко, понимаешь ли, портит картинку, ну ничего, мы его выведем, жизнь прекрасна и удивительна, жить мешают только родимые пятна, но это не страшно, не падай духом, пойдем в химчистку...»

Что уж там призывать не говорить о веревке в доме повешенного.

«В следующий раз полезет — дай ему как следует, — учил отец. — Вот так, по-боксерски, или вот так, самбо. Понял? Надо уметь за себя постоять, надо быть мужчиной. Если он сильнее тебя или много их, хватай палку или кирпич. Ясно? А если еще раз распустишь нюни, я тебе еще не так...» (Указал на ремень.)

Так было внушено девятилетнему Толику, мальчику нежному и робкому, бороться с обидчиками только собственными силами и подручными средствами. Помужски.

И так один из его обидчиков, девятилетний Андрей, остался навсегда инвалидом, или, как говорили раньше, кривым: в результате удара палкой в лицо потерял глаз.

«Но я же не говорил ему: бей палкой в глаз, — оправдывался отец на суде. — Я не учил его бить палкой, да еще острой, а только... Ну, махнуть разок, чтоб пугнуть... Кто же знал...»

Определение: КРИВОЛОГИКА — кривая логика, приводящая человека совсем не туда, куда ведет логика, а вкривь, вкось, куда попало.

КРИВОЛОГИЯ — наука о кривой логике и о всяческих искажениях смысла, преднамеренных и невольных.

Оба термина определяют явления, известные со времен Адама и Евы, но не потерявшие неуничтожимости.

Благородный герой убивает отвратительного негодяя — следовательно, благородным героям можно и должно убивать. Следовательно, убивать можно и должно.

Ну а все эти сложные сопутствующие «иногда», «в отдельных случаях», «в особых обстоятельствах»...

Как ребенку избежать кривологик?

Как избежать, когда она рождается изнутри и бомбардирует извне?

«Тов. Такойто! Не могу согласиться с Вашим утверждением.

Дважды два четыре, утверждаете Вы ничтоже сумняшеся. Чтобы опровергнуть Вас, достаточно вспомнить, что два сапога — пара, а муж и жена — одна сатана. Одна, обратите внимание, только одна. Если два сапога пара, то дважды два сапога — две пары. Только две, не четыре! И если муж и жена, два человека, составляют в совокупности одну сатану, то дважды два человека — только две сатаны, не четыре, а только две!..

Интересно спросить, тов. Такойто, какой преподаватель какой школы Вам свидетельство об окончании первого класса выдавал?»

«Ув. отв. тов.!

В своей растакой-то статье тов. Рассякойто утверждает: дважды два четыре. Как это понимать? Я человек с высшим техническим образованием, и поскольку речь идет об арифметическом действии, то, очевидно, данное утверждение имеет и обратную силу. Прочтя в обратном порядке, имеем: четыре два дважды. Но позвольте, ведь это же не лезет ни в какие ворота! Что за «дважды»? Что именно имеется в виду, хотелось бы знать? Предмет такой, и их целых два? Как же это выглядит, извините за любопытство? Для каких целей употребляется? Может быть, для заколачивания гвоздей? Но мы хорошо знаем, что в эпоху НТР гвозди заколачиваются электронной кувалдой, а дважды работали при феодализме.

Две дважды — это, как утверждает тов. Рассякойто, два дважды, перепутав женский и мужской род. Кому это играет на две руки, позвольте спросить? И причем здесь четыре колеса?

Учить надо таких авторов, и крепко учить!»

4. Внушать положительных. Зачем, как вы думаете, приходят пациенты в психотерапевтический кабинет? Чтобы лечиться от заиканий, бессонниц, депрессий, от импотенций, от всевозможных неврозов, психозов, комплексов?

Да, но вот главное: все они приходят затем, чтобы снова узнать, что они дети и что, **НЕСМОТРЯ НИ НА**

ЧТО, они хорошие дети, и НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО, жить можно, и жить хорошо.

Вот и все. Так просто. И это главное.

И вот в этом простом и главном нуждается каждый день ребенок. Этого простого и главного ждет от нас каждый день, как от бога, НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО.

Примем закон:

КАЖДЫЙ ДЕНЬ С РЕБЕНКОМ
НАЧИНАТЬ РАДОСТЬЮ,
ЗАКАНЧИВАТЬ МИРОМ.

5. *Не внушать нереальное.* Сказки нужны, и не только детям, но знание жизни еще нужнее.

Самые глубокие пессимисты происходят из детей, воспитанных чрезмерно оптимистически.

Не подавляйте сомнения и вопросы ребенка, какими бы опасными или несвоевременными они ни казались. Подрос ли или еще совсем мал, не рисуйте перед ним во что бы то ни стало «единую картину мира»: велик риск подсунуть картинку, которая застит взор...

6. *Будьте уверены.* Одно из противоречий — каждодневное, ежеминутное. Да, жизнь невообразимо сложна; да, я знаю, что ничего не знаю, уверен, что ни в чем не уверен. А без уверенности нельзя. Без уверенности в своей правоте — не прожить и дня. И не воспитать: не сработает ни одно внушение.

Поймем точно: речь идет не о какой-то маске уверенности, не об игре в уверенность. Если уж на то пошло, необходимо уметь разыгрывать именно неуверенность, а это без уверенности никак невозможно!..

Нелишне иметь в виду, что примерно 70 % говоримого ребенку и 50 % делаемого может вообще не говориться, не делаться: наша тревожность производит излишек во всем, кроме ума. Отдадим же эти проценты своей неуверенности, как подходящий налог, но все остальное должно делаться и говориться УВЕРЕННО. Пусть и неправильно — дадим себе право и на ошибки. Осознаем это свое право как доверие уму и душе ребенка, как уверенность в НЕМ.

Случаи, когда дети умнее взрослых, к счастью, не так уж редки. Конечно, возраст есть возраст и опыт — опыт; многое должно зреть и зреть; но никакое созре-

вание не прибавляет ума, а только развивает — в той мере, в какой есть что развивать.

«Ребенок умнее меня. Я глупее ребенка» — признать такой потрясающий факт?..

Истинный ум ребенка долго скрывается не только неопытностью и незрелостью, но и главным образом тем, что он находится в положении ребенка, исполняет свою роль — ребенка. Должен слушаться, подчиняться, зависим — зачем, собственно, ум?.. В отношениях с начальством самое умное казаться глупей, чем на самом деле...

Среди детей есть и врожденные психологи с ранней удивительной проницательностью. Наивность остается позади очень быстро. Раскусит самую изощренную воспитательскую политику, все приемы — и...

Хоть однажды: «А вдруг не трудный ребенок, а беспробудный родитель?! Не воспитанник плохой, а воспитатель глухой?..»

Если такой диагноз поставлен, то нет политики, кроме одной: никакой политики. В борьбе умов проиграем, но еще вопрос, чем закончится встреча душ.

7. Давать отдых от внушений, во всяком случае от однообразных внушений.

Представим, что с нами будет, если 37 раз в сутки к нам станут обращаться в повелительном тоне, 42 раза — в увещательном и 50 — в обвинительном?.. Цифры не преувеличены: таковы они в среднем у родителей, дети которых имеют наибольшие шансы стать невротиками и психопатами.

Ребенку нужен отдых не только от приказаний, распоряжений, уговоров, похвал, порицаний и прочая, нужен отдых и от каких бы то ни было воздействий и обращений, нужно время от времени распоряжаться собой полностью — нужна, короче, своя доля свободы. Без нее задохнется дух.

«Постепенно все меньше свистите и командуйте» — такой совет дают дрессировщикам служебных собак, работающим со щенятами.

8. Пример — под вопрос. То и дело слышим, что нам надлежит быть для детей примером, давать образец...

Ничего не имеем против. Но советуем думать не столько о безупречности образца, сколько о духе взаимоотношений.

Если только они доверительны, отношения, если искренни С ОБЕИХ сторон, то и особой безупречности не потребуется. В ЭТОМ СЛУЧАЕ РЕБЕНОК ВОЗЬМЕТ ЛУЧШЕЕ. Самые скромные наши достоинства смогут вырасти у него в совершенства, а самые тяжкие ошибки, пороки — отринутся или нейтрализуются, растворятся. Такова природа Добра.

Если же при всей своей показательности мы не найдем встречной радостной воли в его душе, а особенно если будем требовать СООТВЕТСТВИЯ...

— Я в твои годы таким не был!

— А я в твои годы таким НЕ БУДУ.

Родитель бывает и убийственно хорош, и спасительно плох; в его недостатках ребенок может найти оправдание своего существования, а в достоинствах — доказательство своего ничтожества. Положительным примером можно накормить так, что потом всю жизнь не излечишь болезнь, которая на языке медиков называется «привычная рвота». Отрицательный, с другой стороны, может стать острым духовным стимулом. Этот молокосос пьет не молоко, потому что не молоко пьют вокруг. Но вот этот как раз не пьет, потому что пьет отец, — самые фанатичные трезвенники происходят из семей алкоголиков.

9. *Уважать тайну.* Нежная веселая мать, умеющая быть самую малость холодноватой; сдержанно-строгий отец, умеющий улыбнуться и изредка подурочиться, — вот на таких небольших вкраплениях держатся и авторитет, и влюбленность... Внушение требует некоторой таинственности.

В семье, на одном пятакче?..

Да, труднейшее искусство дистанции. В любом общении (и не только с ребенком) всегда желательно оставлять резерв возможного сближения.

Общих рецептов нет: один и за долгие годы не приблизится и не даст приблизиться; другой уже через пять секунд сидит у тебя на голове. Чуть дальше — холод формальности, отчуждение. Чуть ближе — фамильярность и панибратство, обесценивание общения, потеря уважения, потеря всего...

Мы оберегаем свой суверенитет и от самых близких и дорогих нам людей. (Тем более что «самый близкий» далеко не всегда означает «самый тактичный».) Дадим это право и ребенку.

Замкнутость: кроме правды, единственный способ не лгать.

Первая скрытность совпадает с первым «возрастом упрямства». В это время, когда скрывать-то вроде бы еще нечего, она выражается в отказе вступать в контакт, в сопротивлении общению как таковому. При навязчивости окружающих легко может стать свойством характера. Дети с такой ранней защитной броней держатся настороженно, могут быть грубыми или нарочито дурашливыми, но обычно, когда убеждаются, что посягательство им не грозит, обнаруживают и доверчивость, и доброту.

Нет прощения взрослому, лезущему без спроса в детский дневник, вскрывающему письма, перехватывающему записку, подглядывающему интимное. Страшнее, чем избить, искалечить. **ПРЕСТУПНО — НЕ УВАЖАТЬ ТАЙНУ РЕБЕНКА.**

Остерегаться лобовых вопросов по темам: самочувствие, самооценка, отношения со сверстниками, отношение к вам, любовь, страхи, мечты. Осторожнее, начинать «по касательной». Иногда можно задать вопрос в форме веселого и небрежного утверждения чего-то, как само собой разумеющегося. Так врачи спрашивают, не «болели ли тем-то», а **«КОГДА вы болели тем-то?»** Начните и с небольшого рассказа о себе...

Правильно заданный вопрос может спасти. Неумелый — убить.

...Замечаем: что бы ни рассказывал о себе, всегда получается, что он прав, а другие виноваты, он хороший, а другие... Ну естественно, все ведь так? Нечаянно что-то забывается, что-то прибавляется...

Еще не ложь, но уже тенденциозность — подача на принимающего.

При большой развитости этого механизма сознательная ложь может оказаться излишней.

Страшно и больно в первый раз поймать своего ребенка на лжи. Первая реакция: «Какая мерзость, какое падение! Этот бывший невинный ангелочек, это дражайшее создание, эта дрянь лжет в глаза!»

Вторая: «Ну поспокойнее... Ну а ты не солгал ни разу?.. Ни одного разу, ни на вот столько?»

Навсегда останется тайной, когда он в первый раз заметил твою ложь и не подал вида. То ли от деликатности, то ли от стыда...

Почему, давая себе право на ложь, мы не даем его детям? А ведь и это ложь. Мы не только даем де-

тям это право (молчком, потихоньку), мы еще и учим, и вынуждаем детей лгать.

Ну хотя бы для того, чтобы соблюсти кое-какие приличия... (Почему нельзя сказать: «У меня менструация», а можно: «Я себя сегодня плохо чувствую»?)

Лжем сначала из самозащиты, почти рефлекторно (дай бог дальше не лгать вымогательно), потом чтобы не волновать, не расстраивать — ложь во благо, ложь во спасение, ложь ритуальная, ложь привычная.

Довольно многие лгут косметически, от неутоленной любви к себе, но ни один не лжет из любви ко лжи.

Равнодушная ложь — страшный знак духовного умирания.

Начиная примерно с семи лет, имеет смысл время от времени беседовать с ребенком о разновидностях лжи, встречающейся в повседневности. Спокойно обсуждать, вместе думать, когда и КАК можно не врать.

Упаси бог от позы поучающей правоты. Не врать вообще, никак, никогда?.. А ну-ка попробуем, посмотрим, как выйдет. Продержимся ли хоть сутки?

Учитель правды — ребенок, до той поры, пока не обучится лжи самому себе.

10. Учитывать состояние.

Спросим себя, понимаем ли,

что полчаса после сна и полчаса перед сном во избежание нервных срывов никогда и ни у кого не должно быть эмоционального и умственного напряжения;

что перед менструацией и во время нее девочку нельзя считать полностью вменяемой;

что мальчик, теряющий уверенность, хуже соображает, медленнее растет;

что знание, усвоенное без радости, не усвоено?

Дважды два? Но спросим себя еще раз...

4

АВАНС

*Трактат о кнуте,
прянике
и прочих
химерах*

А прежде всего надо, чтобы знание знало.

Помните ли?.. Мы там тоже жили... Была когда-то такая далекая древняя страна под названием Непонимандия, она же Эгоиндия, она же Острова Разобщенности, она же Разъединенные Штаты Невежества, она же Глупляндия...

У страны этой был властелин по имени Наказание, он же Возмездие, он же Кара, он же Соответствующие Выводы, Необходимые Меры... Многоликий и вездесущий, держал всех в ужасе, помните ли?..

Злополучные аборигены оставались по-прежнему непониманцами, нестаранцами, непослушанцами и все рвались в какую-нибудь Небывандию, Грубияндию, Хулигандию, Кчертупосландию... Некоторые, конечно, прикидывались, а кто и всерьез делался послушанцем, старанцем и даже перестаранцем...

И вот дожили. Ходим с мрачным и грозным видом, растерянные, взбешенные...

Ну как еще наказать?.. Лишить гулянья во дворе? Нельзя, доктор велел каждый день быть на воздухе... (Нота бене! — лишать гуляния действительно нельзя! Что угодно, но не мешать здоровью.)

Заставить вымыть пол?.. Вымоет так, что не ототрешь.

Оставить без ужина? Жалко, тощий...

Не дать на кино, на мороженое?.. Отменить покупку велосипеда?.. Не разрешить смотреть «Клуб кинопутешествий»?..

Сочувствуем, подтверждаем: да, пока мы живем во Взаимоинепонимании, властелину по имени Наказание

скучать не приходится. Соответствующие Выводы, Необходимые Меры...

И только единственная просьба:

НАКАЗЫВАЯ, ПОДУМАЙ:

!ЗАЧЕМ?

Не «за что», а з а ч е м.

...На этом месте мы с Д. С. надолго остановились.

Из полученных писем.

«...и ВЫ, именующий себя врачом-психотерапевтом, проповедуете телесное наказание! Советуете, как лучше избивать детей — сковородками или батонами, авоськами или штанами! Нет слов для возмущения!»

«...зачем же Вы, доктор, внушаете читателям розовенький оптимизм, утверждая, будто в воспитании детей можно обойтись без мер физического воздействия и даже вообще без наказаний? Зачем, мягко говоря, лицемерите? Посмотрите подшивки судебных дел, взгляните в свои истории болезни! Вот же они, перед Вами — исчадия так называемого гуманизма, плоды безнаказанности и вседозволенности, юные хамы и наглецы, тунеядцы, преступники, наркоманы!.. Не напомнить ли Вам старое наблюдение: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает». Или, может быть, Вы не в курсе, что и сам доктор Спок раскаялся в своих рекомендациях? Что поколение, выросшее по его гуманнейшим рецептам, оказалось самым жестоким и распущенным из всех, которые знала Америка?..»

«...Ваши советики, как поощрять детей, просто смешны. Да кто же это запомнит, когда и по какому поводу говорить «молодец», а когда «умница»? Кому придет в голову вспоминать Ваши наставления, когда жизнь ежесекундно ставит нас перед головоломками неожиданностей? Как можете призывать размышлять, дарить ли подарки? Подарки делаются от души!.. И кто в момент возмущения сообразит, в какой он там роли, как надо и как не надо ругать? А Вы сами соображаете? Хотелось бы посмотреть!»

«...неужели Вы не замечаете, как сами себе противоречите? На одной странице призываете перед каждым наказанием думать, взвешивать

все «за» и «против» и всеми силами удерживать гнев, а на другой утверждаете, что хладнокровное наказание — наихудшая бесчеловечность, палаческая экзекуция. Стало быть, надо разъяриться и все-таки выпороть, так или нет?..»

— Ну что, влипли? — Д. С. отложил в сторону еще несколько писем, адресованных лично ему.

— Не могу припомнить, чтобы мы советовали кого-нибудь бить батоном.

— Наоборот, советовали не бить сковородкой. А как бить штанами, не объяснили.

— Ради бога, оставьте ваш черный юмор.

— А если устроить показательный самокритический разбор прежнего текста?

«Кто бросит камень в родителя, который за грубую провинность или вызывающее непослушание шлепнет чадо по классическому мягкому месту? Но и здесь множество ограничений».

— Где «здесь»?

— Вот именно. Некоторая неясность. Или вот еще:

«Советская педагогика, как известно, не признает телесного наказания. Однако давайте говорить практически».

— Что вы этим хотели сказать?

— Я имел в виду, что:

«Как бы ни протестовал наш просвещенный разум против рукоприкладства, жизнь гнет свое. Сыночка, которого мы ни разу не тронули пальцем, все равно будут бить во дворе или в классе или он будет делать это сам. Еще вопрос, что он предпочтет: получить раз-другой в месяц пару шлепков или каждый божий день слушать бесконечный крик...»

— Что из этого следует? Рекомендация шлепков вместо крика?

— Ни в коей мере. Лишь утверждение, что психическое наказание может быть тяжелее физического.

— Итак, засучив рукава...

Семь правил для всех

1. Наказание не должно вредить здоровью — ни физическому, ни психическому. Более того, по идее НАКАЗАНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ, не так ли? Никто не спорит. Однако наказывающий ЗАБЫВАЕТ ПОДУМАТЬ...

2. *Если есть сомнение, наказывать или не наказывать, НЕ наказывайте.* Даже если уже поняли, что обычно слишком мягки, доверчивы и нерешительны. Никакой «профилактики», никаких наказаний «на всякий случай»!

3. *За один раз — одно.* Даже если проступков совершено сразу необозримое множество, наказание может быть суровым, но только одно, за все сразу, а не поодиночке за каждый. Салат из наказаний — блюдо не для детской души!

НАКАЗАНИЕ — НЕ ЗА СЧЕТ ЛЮБВИ. ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, НЕ ЛИШАЙТЕ РЕБЕНКА ЗАСЛУЖЕННОЙ ПОХВАЛЫ И НАГРАДЫ. НИКОГДА не отнимайте подаренного вами или кем бы то ни было — НИКОГДА!

Можно отменять только наказания. Даже если на-безобразничал так, что хуже некуда, даже если только что поднял на вас руку, но сегодня же помог больному, защитил слабого...

НЕ МЕШАЙТЕ РЕБЕНКУ БЫТЬ РАЗНЫМ.

4. *Срок давности.* Лучше не наказывать, чем наказывать запоздало. Иные чересчур последовательные воспитатели ругают и наказывают детей за проступки, обнаруженные спустя месяц, а то и год (что-то испортил, стащил, напакостил), забывая, что даже в суровых взрослых законах принимается во внимание срок давности правонарушения.

Оставить, простить.

Есть риск внушить маленькому негодяю мысль о возможной безнаказанности? Конечно. Но этот риск не так страшен, как риск задержки душевного развития. Запоздалые наказания **ВНУШАЮТ** ребенку прошлое, не дают стать другим.

5. *Наказан — прощен.* Инцидент исчерпан. Страница перевернута. Как ни в чем не бывало. О старых грехах ни слова. Не мешайте начинать жизнь сначала!

6. *Без унижения.* Что бы ни было, какая бы ни была вина, наказание не должно восприниматься ребенком как торжество нашей силы над его слабостью, как унижение. Если ребенок считает, что мы несправедливы, наказание подействует только в обратную сторону!

7. Ребенок не должен бояться наказания.

Не наказания он должен бояться, не гнева нашего, а нашего огорчения...

— Стоп! А вот это уже просто неверно. «Ребенок должен бояться нашего огорчения»?.. Разве это должно?..

— А как лучше?

— Не знаю. Если имеются в виду отношения дружбы и любви, то никто ничего не должен. «Ребенок должен бояться меня огорчить» — звучит устрашающе. Это ведь эгоистическая манипуляция чувствами. И принуждение ко лжи, в скором будущем... Жуткое наказание — непрерывно знать, что причиняешь боль! Разве не так?..

— Ну а как?..

— Да просто принять как реальность, что ребенок, не будучи совершенством, не может не огорчать любящих его. Не может и жить в постоянном страхе причинить огорчение. Защищается от этого страха.

Психология Герострата

Вот еще почему иногда провоцируется наказание: ребенку нужно доказательство, что он уже прощен, что грех ему отпущен. Совершившееся наказание и есть это доказательство. Некоторые дети ищут поводов быть наказанными, ведут себя откровенно вызывающе — к этому толкает их чувство вины. Когда-то, может быть, сгоряча пожелал нашей смерти, обманул или подсмотрел запретное, стыдное, ревновал...

Той же природы и искуснейшие провокации на наказания несправедливые и несоразмерные. Маленький психолог хорошо нас изучил, знает (хотя и редко может выразить словами), за какой нерв задеть побольнее. Перейдя меру гнева, даем ему аванс внутренней правоты, который он может потратить самым неожиданным образом.

Злит и злится, делает все назло, а в то же время — вы замечаете? — иногда такая неудержимая нежность, такая потребность в ласке...

«Ты меня любишь?.. А почему не играешь со мной?..» Иной больше поверит данному сгоряча шлепку, чем поцелую.

Только равнодушие не дает никаких шансов. Только из скуки нет дороги к любви. И вот почему столь многие, и дети и взрослые, безотчетно пользуются

методом Герострата: «Ты ко мне равнодушен, я тебе не интересен, я тебе скучен? Добро же, я заставлю тебя хотя бы ненавидеть меня!»

При дефиците любви становится наказанием сама жизнь, и тогда наказание ищется как последний шанс на любовь.

Н а р я д ы в н е о ч е р е д и .

Стояние в спецуглу, отсидка в спецкресле?.. Совершение какого-либо ритуала — скажем, троекратное пролезание на четвереньках под столом, заодно и полезное упражнение?.. Но только не уроки, не чтение! Не работа!

Ни подмести, ни вынести ведро, ни вымыть туалет в *наказание* — ни в коем случае!

Эти «наряды вне очереди» способны лишь привить отвращение к труду, а в больших дозах — и к жизни.

Тяжкое наказание, кстати говоря, — вынужденное безделье.

Ч р е з ы ч а й н ы е с л у ч а и .

Садистская жестокость: зверски избил слабого, издевается над беспомощным.

Шаг до преступления...

Вековая народная практика знает для подобных случаев только один рецепт: как можно раньше и как можно больнее. Отвадить. Суровая и бесхитростная патриархальная мудрость.

Рецепт этот всегда действовал довольно надежно... В некотором проценте. Кто подпадает под этот процент, потом с горькой благодарностью вспоминает ту давнюю острastку, повернувшую с края пропасти.

Кто не подпадает...

Мы не знаем, каков он в точности, этот процент, и как получаются неисправимые, утратившие человеческий облик. И неисправимые ли или только зачисленные в эту категорию неисправимостью исправляющих.

Здесь нельзя ничего советовать без риска страшного злоупотребления. Опаснейшая кривологика.

Может показаться странным, что иногда суровое наказание за небольшую провинность воспринимается как справедливое, а какая-нибудь мелкая репрессия (не пустили в кино, заставили чистить картошку)

оказывается особо обидной. А дело попросту в том, что сама степень наказания обладает внушающим действием: раз наказали ТАК, значит, есть за что, значит, виноват...

Но так, по мере наказания, воспринимает свою вину, быть может, щенок—не взрослая собака... И такой внушаемости человеку мы пожелать не можем.

Есть натуры, не поддающиеся ни под какой процент, — дети, против природы которых бессильно и самое искусное воспитание, и самое правильное лечение. Болезнь ли это, результат ли каких-то ранних незаметных ошибок или отрывка генетического прошлого, атавизм — в большинстве случаев непонятно. **В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ** вопрос не закрыт. Остается надежда. Он человек.

Как нельзя ругать

— Где шлся, я тебя спрашиваю?! Опять с этим тунейдцем Витькой! Ничего-ничего, я еще с его матерью поговорю, я ей скажу!.. Чтоб ни слуху ни духу! А это от чьих сапог следы на ковре? Ах, не знаешь? Шерлок Холмс!.. Поговори еще, поговори, лгун несчастный, никакой веры твоим обещаниям, развел грязь, тараканы из-за тебя напоззли опять! Все стулья переломали!.. Не тараканы, а ваша милость с дружками! Бездельники чертовы! Восьмой класс! О будущем пора уже думать, головой думать, а не... Так вот, заруби себе на иосу: у тебя теперь режим повышенной нагрузки, да-да! Олух царя небесного! Ты уже не ребенок, пора вступать в жизнь! Заниматься уроками по четыре с половиной часа в день! К репетитору по английскому и математике! Если по физике не вытянешь на четверку, никакого магнитофона! И каждый вечер изволь убирать кухню — да, да, за всех, хватит быть паразитом! На тебя гнули горб! И мыть ванну и туалет, и убирать (...) за своим котом!..

Мама эта, труженица и добрый человек, в обращении с сыном, увы, как и многие, принадлежала к разряду невменяемых. Результаты не заставили себя долго ждать — этот злополучный восьмой класс сын не кончил, перешел в категорию неуправляемых... В вышеприведенном монологе (текст, повторявшийся с незначительными изменениями почти ежедневно) можно выявить по меньшей мере семнадцать тяжких ошибок — психологических и этических. Предоставим эту возможность внимательному читателю.

Один из вариантов для подобных случаев:

— (Спокойно, слегка иронично.) Послушай, это ты наконец прибил крючок в ванной? Ну спасибо, по высшему разряду. (Закрыться можно, открыть нельзя...) Насчет починки стула я уже не сомневаюсь. А когда успел научить кота говорить? Сегодня утром он произнес: «Мало мя-я-аса». А потом пожаловался, что никто опять за ним не убрал... (Задумчиво рассматривая след на ковре.) Погода была скверная, и в эту ночь Штирлиц опять не выспался... Скажи Виктору, пусть заглянет, когда я дома... Нет, не об этом, не волнуйся. Кое-какие сведения о психологии девочек, для него лично важные. Ну и тебе можно поприусутствовать, так и быть. Поговорим, кстати, распланируем в з р о с л у ю жизнь... А насчет магнитофона пока подумаем...

Вы тревожны, раздражительны, вспыльчивы? Склонны в каждой беде или неудаче кого-нибудь обвинять?

«Нет, я нормальный человек, но...» «Да, я нервничаю! Кто же не будет нервным, когда...»

Вы тоже нуждаетесь в понимании? Вам тоже не хватает любви и нельзя бесконечно сдерживаться?..

Вывучим наизусть! Ни ребенка, ни взрослого! —

НЕЛЬЗЯ НАКАЗЫВАТЬ И РУГАТЬ:

когда болен, испытывает какие-либо недомогания или еще не совсем оправился после болезни — психика особо уязвима, реакции непредсказуемы;

когда ест; после сна; перед сном; во время игры; во время работы;

сразу после физической или душевной травмы (падение, драка, несчастный случай, плохая отметка, любая неудача, пусть даже в этой неудаче виноват только он сам) — нужно, по крайней мере, переждать, пока утихнет острая боль (это не значит, что нужно непременно бросаться утешать);

когда не справляется: со страхом, с невнимательностью, с ленью, с подвижностью, с раздражительностью, с любым недостатком, прилагая искренние старания; когда проявляет неспособность, бестолковость, неловкость, глупость, неопытность — короче во всех случаях, когда что-либо НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ;

когда внутренние мотивы проступка, самого пустякового или самого страшного, нам непонятны;

когда сами мы не в себе; когда устали, огорчены или раздражены по каким-то своим причинам; когда испытываем желание хотя бы закурить...

В этом состоянии гнев всегда лжет.

Помнить о внушаемости

Вот одна из самых обычных, самых нелепых и трагичных ошибок.

Ругая ребенка (равно и взрослого), то есть более чем решительно и убежденно утверждая, что он (она):

лентяй,
трус,
бестолочь,
идиот,
негодяй,
изверг,
подлец

.....

— мы это ВНУШАЕМ.

Ребенок верит.

Ведь говорят затем, чтобы поверил, разве не так?..

Слова для ребенка значат лишь то, что значат. Всякое утверждение воспринимается однозначно: никакого переносного смысла. Взрослая игра «Понимай наоборот» усваивается не сразу, а подсознанием никогда не усваивается.

Оценивая — внушаем самооценку.

Если

*ничего из тебя никогда не выйдет!
ты неисправим!
ненормальный!
самый настоящий предатель!
тебе одна дорога (в тюрьму, под забор, на панель, в больницу, к чертовой матери),*

то не удивляйтесь, если так оно и окажется. Ведь это самое настоящее ПРЯМОЕ ВНУШЕНИЕ, и оно действует. И спустя еще годы, даже, кажется, напрочь забытое:

*ты меня не любишь
ты нарочно меня изводишь
ты хочешь, чтобы я сошла с ума
ты хочешь моей смерти*

— если повторить раз, другой, третий...

Не хочет верить!..

Душа подвижна, упруго жизнерадостна!.. Но уже посеяны семена внутреннего разлада. Уже надломлен-

ность в самой хрупкой основе — в ощущении своего достоинства, своего права жить, быть собой.

«Да ведь как с гуся вода, как об стенку горох! Забывает через секунду! И опять за свое!..»

Преступная слепота.

Не воспринимает, игнорирует, все до лампочки? ЗАЩИЩАЕТСЯ. Грубит в ответ, делает назло, издевается? ЗАЩИЩАЕТСЯ. Обещает исправиться, а продолжает?..

ЗАЩИЩАЕТСЯ. БЕЗЗАЩИТЕН.

Только две возможности. Либо поверить, смириться, принять навязанную роль и вести себя соответственно. Либо не принять, не поверить. Бороться!..

КАК?..

Как угодно, но уж не так, как этого хочется нам, будьте уверены. Пойдет на все, чтобы доказать НЕ НАМ, что все-таки стоит жизни на этом свете. И в лучшем случае при внешней благополучности сохранит на всю жизнь неуверенность, внутреннюю ущербность. А в худшем...

СОБЛЮДАТЬ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ. Выражая неодобрение, не определять как человека. Не прикасаться к личности. Определять только поступки, только конкретные действия. Не «ты плохой», а «ты сделал плохо». Не «ты жестокий», а «ты поступил жестоко». Не негодай, не предатель, а лишь поступил, повел себя...

ДАВАТЬ ТОЛЬКО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АВАНСЫ. Даже если несомненны самые дурные побуждения, самые черные — трусость, злоба, жестокость, зависть, жадность, неблагодарность — об этом не говорить. Рисуем не только ошибиться, оскорбить, оттолкнуть, но и ВНУШИТЬ то, чего нет.

И взрослый далеко не всегда сознает истинные побуждения своих действий: у всякого есть своя внутренняя правота и внутренняя слепота, что одно и то же.

Пусть осознает свои побуждения сам, если сможет. Не сможет?..

Смотря как подойдем.

Есть принципиальная разница в позициях воспитателя и судьи. Если судья обязан быть беспристрастным и в этой беспристрастности беспощадным, то воспитатель никогда психологически не ошибется, намеренно приписав ребенку (и взрослому) побуждения лучшие, чем на самом деле. Украл — твердо глядя в глаза, утверждаете, что взял по глупости, что он и сам

хочет, чтобы этого больше не повторялось. Солгал из трусости или ради выгоды — обнаружив обман, объясняете его поведение недоверием к самому себе. Вы уверены, что ему хочется быть правдивым, **ВЫ ВНУШАЕТЕ ЭТО**, и вероятность успеха растет.

Косвенное неодобрение

Очень сильный, тонкий и разнообразный метод.

Один из вариантов, часто употребляющихся стихийно, — простое игнорирование. Не высказывать никаких оценок — поставить ноль.

Не пережимать: одно дело не замечать поведения, другое — не замечать человека. Не играть в молчанки и угадки, не демонстрировать своего плохого настроения в связи с чем-то, о чем ребенок должен сам догадаться. Это непосильно и для психики взрослого.

Рассказать о ком-то, кто поступил так же скверно, как наш ребенок, ему или кому-либо в его присутствии (см. «Рикошет»). Маленькому можно в виде сказки. При этом допустимо и некоторое утрирование, чтобы все было ясно, а если к тому же смешно, еще лучше. Даже если не подаст вида — дойдет, хорошие шансы.

Рассказать к случаю о каком-то своем прошлом поступке, о котором теперь сожалеем, объяснив, почему. Один из лучших методов для всех возрастов. Но требует ума с обеих сторон. С пространными исповедями не спешить.

Ироническая похвала

Крутил чашку, докрутился, разбил. «Молодец, из чайника пить удобнее. И чайник тоже бей, будем пить из ведра». Экономнее и сильнее, чем: «Ну сколько же раз говорить тебе!.. Что ж ты делаешь, такой-сякой! Всю посуду перебил!.. Пора уже...»

Осторожно с похвалами в адрес других! Это тоже косвенное неодобрение...

Осторожно с насмешкой

Острое оружие. Применимо только к детям и взрослым с развитым чувством юмора, то есть только к тем, кто способен ответить тем же.

При обостренном самолюбии (характер «Тэта» — см. дальше; переходный возраст, комплекс неполноценности) можно применять в качестве стимулятора

только в гомеопатических дозах и только наедине.

Закон неприкосновенности в полной силе. Лучше недошутить, чем перешутить.

Мягкое подтрунивание, веселая ирония как постоянный фон отношений — прекрасно для всех характеров и возрастов, надежный контакт. Этот стиль стоит освоить, не боясь и некоторой эксцентричности. Бояться только однообразия.

Вместе с тем

ОПАСАТЬСЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ.

Ругаем страшными словами, а в интонациях, а в глазах: «Ты же знаешь, как я тебя обожаю, свинью единственную, ты же знаешь, что в конце концов я тебе все позволю...»

Одна рука гладит, другая бьет...

По-настоящему мы наказываем ребенка только своими чувствами.

Сколько драгоценных минут и часов, сколько жизней отравляются стерегущей угрозой... Не естественно ли, что те, для кого это наказание непосильно, вырабатывают защиту, имеющую вид душевной тупости, глухоты к чувствам, каким бы то ни было?..

И у самых вульгарных скандалистов и невменяемых крикунов могут вырасти прекрасные, всепонимающие, веселые дети. И у самых культурных, разумных и сдержанных — и подонки, и психопаты. И строгость, и мягкость, и диктатура, и демократия могут дать и великолепные, и ужасные результаты.

Индивидуальность решает.

Не забудем же слова, давно сказанные: «Все есть яд, и все есть лекарство. Тем или другим делает только доза».

КАЖДЫЙ ШАГ ПЕРВЫЙ [Не только родителям]

Уясним,

КАК НЕ НАДО ХВАЛИТЬ

Похвала обладает свойством наркотика: еще и еще!.. И если было много, а стало меньше или совсем не стало, возникает состояние лишения, жестокое страдание — до нежелания жить.

Это может случиться и с нашим ребенком, если:

родился второй, и все внимание и восторги, принадлежавшие раньше ему одному, направляются на новоприбывшего;

он перестал быть отличником;

мы внезапно решили: хватит ублажать, пора воспитывать...

Тот, кто хвалит, не обязательно становится любимым, есть немалые шансы и на презрение и отвращение. Тем не менее, отношение ребенка к себе будет от этого человека зависеть и впредь. Может тут же забыть, но сам факт похвалы никогда не проходит бесследно: наркотик уже попробован!..

Будет искать ситуации, где можно себя показать только с похвальной стороны, начнет подстраиваться под оценки; может развиться неискренность...

«Какой у тебя красивый бантик!», «Замечательное платье!» — может быть и вполне безобидно. А может быть и первая провокация стать тряпичницей. «Какая прелесть, какая умница! Все понимает, исключительные способности! Ну, прочти еще стишок... Какой молодец!» Так часто начинается трагедия самовлюбленной посредственности...

Обратим внимание, как редко и ругают, и хвалят детей в гармоничных семьях, которым можно позавидовать. Там не ставят отметок, там просто живут.

Не хвалить за то, что достигнуто не своим трудом —

физическим, умственным или душевным.

Не подлежат похвале: красота, сила, ловкость, здоровье, смекалка, сообразительность, ум, талант — все природные способности как таковые, включая и добрый нрав; легко дающиеся хорошие отметки; игрушки, вещи, одежда, случайная находка. Выигрыш в лотерее, везение — вот и все. Не хвалить за прирожденное бесстрашие — не заслуга, лишь данность, иной раз близкая к тупости. Хвалить только за отвагу — преодоление страха.

ВНИМАНИЕ!

Множество нюансов и исключений! Не правило, а только пожелание, при прочих равных условиях. Да, что не заработано, за то не хвалить! Но ведь не все могут заработать, и не все зарабатывается...

В любом случае желательно не хвалить:

больше двух раз за одно и то же;

из жалости (очень трудно, иногда неразрешимое противоречие с требованиями компенсации — см. далее);

из желания понравиться.

Вполне понятное побуждение! Вам необходимо нравиться ребенку, чтобы внушать доверие? Для доверия достаточно интереса, достаточно улыбки, достаточно доброты... Но иной раз и ничего не достаточно!..

Нечего и говорить, сколь низко хвалить ребенка с целью понравиться его маме или папе.

Я боялся в детстве наезжавшей иногда тетки, степень родства коей определялась как «десятая вода на киселе» и понималась мною буквально: варили кисель, сливали одну воду, другую...

Остались в памяти тяжелые тепловлажные руки, их жирная нежность, рот, оскаленный умилением, и светло-мутные глаза, в которые, страдая какой-то болезнью, она закапывала, кажется, подсолнечное масло. Кисель навсегда стал бессмысленно ненавистен.

Я ее боялся за то, что она приносила подарки, которые я обязан был с благодарностью принимать, а я не хотел принимать ЕЕ подарки — это было необъяснимо... Каким-то гипнозом запихивала в меня пирожки собственного производства с жареными грибами, похожими на удушенных мышат. И самое страшное:

— Ну, иди же сюда, чудо мое золотое, ласковый, сладкий мальчик... А вырос-то как, цветочек мой шелковый. У, какие у тебя мускулы, Геркулес будешь. А реснички — ну прямо как у девочки. Книжки уже читает, стихи сочиняет... Пушкин будешь. Стройный какой, деревце мое ненаглядненькое...

Тайну ее я узнал, подслушав разговор взрослых. У нее родился когда-то мальчик, которому не удалось закричать, а больше детей не было, вот она и любит меня вместо того...

Кого и когда хвалить больше

В похвалах нуждается каждый человек, каждый ребенок. Но у каждого своя норма похвалы, своя степень потребности в одобрении. И эта норма всегда в движении.

ТРИ ТИПА ОСОБО НУЖДАЮЩИХСЯ.

Омега, или якобы неполноценный

Якобы — потому что понятие «неполноценность» мы принципиально не признаем. Но комплекс неполноценности — психологическая реальность, факт самочувствия, связанный с неискоренным, увы, рыночным компонентом человеческой психологии.

Омега — последняя буква в греческом алфавите. Дети, о которых идет речь (и взрослые точно так же), хронически ощущают себя если не самыми последними, то предпоследними людьми в этом лучшем из миров. Или даже вообще не людьми.

Отстающий, больной. Слишком своеобразный. Слишком застенчивый или беззастенчивый, без тормозов (две стороны одной медали). Медлительный, неуклюжий, нескладный, толстый, заика, рыжий, очкарик... Смешная фамилия, необидительный голос...

Приглядевшись внимательнее, увидим, что Омега весьма многочислен. А через состояние Омegi проходит едва ли не каждый, в то время или иное.

Хуже всех, якобы хуже...

Яснее ясного: если человека, особенно маленького, в этом состоянии не поддержать поощрением, одобрением, человек может дойти до крайности, до безнадёжности.

Может погибнуть.

Все, что будет далее сказано о компенсации, авансе, взрыве любви и других особых методах похвалы, к Омеге относится в первую очередь.

Разглядите его — он прячется, маскируется — и не упустите момент...

А л ф а, или сверхполноценный

Прямая противоположность. Здоров, жизнерадостен. Способный, все легко дается, во всем первый. Щедрость природы, избыток сил.

Таких немного — хорошо, если один-два на школьный класс, но значение этого типа огромно: в нем олицетворение всех наших надежд. Может быть скромн. И все же с пониманием своих преимуществ у такого ребенка неизбежно развивается и потребность в подтверждении этих преимуществ, в признании. Талант нуждается в поклонниках, это закон Природы, преодолеваемый только на высших ступенях духа...

Если Альфу не хвалить — не завянет, но может расточить себя непроизводительно, расплескаться, а то и удариться во все тяжкие.

Кому много дано, с того много и спрашивать. Не хвалить за способности, хвалить только за труд развития — за превышение СВОЕЙ, а не средней нормы.

Похвала Омеге — пособие для малоимущих; похвала Альфе — гормон совершенства, нужный тем менее, чем оно ближе.

Тэ та, самолюбивый

Назовем его той же буквой, которой принято обозначать мозговой биоритм эмоционального напряжения.

Достаточно здоров и развит, не без способностей. Вполне, казалось бы, благополучен. И тем не менее резко обостренная чувствительность к оценкам, проявляющаяся едва ли не с первого года жизни. Не выносит ни малейшего неодобрения, страшно расстраивается, и какой-то неутолимый аппетит к похвале. Всасывает, как песок воду, и наищедрейшей — ненадолго хватает.

Это тот, кто может потом оказаться и преуспевающим деятелем, и озлобленным неудачником, интриганом, завистником. Может стать и героем, добиться невероятного... В семейной жизни и с собственными детьми скорее всего будет неуравновешен. В наиболее безобидном облике немножко хвастунишка, немножко задавала, немножко позер. Или ничего, кроме некоторой напряженности, когда хвалят других, некоторой склонности спорить и критиковать. Приветлив, вежлив, но втайне обидчив...

Что здесь врожденного, а что от привнесенного — не всегда понятно, но своевременная диагностика крайне важна. Именно Тэте, с вечно голодной самооценкой, похвала столь же нужна, сколь и вредна. Кризисы нарастают исподволь, а проявляются неожиданно — в виде ли конфликтов, внезапного отказа воли или прыжка из окна...

«Ты высокого роста, годишься для баскетбола», «У тебя математические способности», «У тебя абсолютный слух» и даже: «Ты умен», «Ты красива» — просто сообщения, сведения, более или менее объективные. Будут ли эти сведения выражать одобрение, неодобрение или останутся просто сведениями?..

При воспаленной самооценке одобрение и неодобрение выскиваются в любом междометии. Сегодня повышенно самолюбив, завтра обидчив и подозрителен, послезавтра — бред...

Профилактика: как можно меньше оценок, как отрицательных, так и положительных.

Любая оценка имеет опасное побочное действие: фиксирует человека на себе, приковывает к собственной личности, **ЭГОЦЕНТРИРУЕТ**.

Всякому пожелаем и знать себя, и любить себя, и быть к себе требовательным, но никому не желаем заклиниваться на себе — положительно ли, отрицательно ли.

Самолюбие — прекрасный стимул развития, но только в некоей дозе. Дальше наоборот — ограничивает и уродует. Дозу эту в цифрах не выразить, но чувствовать необходимо.

Как можно меньше оценочных сравнений!

Поможем и Тэте, если мягко и постепенно сумеем развенчать в его глазах игру в «лучше — хуже»; если покажем, что отношения типа «выиграл — проиграл» в жизни не самые главные (а прежде всего убедимся сами!), что жизнь при всей неизбежности таких отношений к ним вовсе **НЕ СВОДИТСЯ**, что не в оценке чьей бы то ни было заключено счастье и сокровенный смысл...

В чем же?..

Может быть, в удивлении. Может быть, в красоте проигрыша. Может быть, в познании без корысти или в любви без надежды — о, множество еще непостиженных, необжитых смыслов жизни!..

Нет чистых типов. Все, о чем только что сказано, не более чем вспомогательные ориентиры. Жизни ничего не стоит смешать в одном лице Альфу, Омегу, Тэту в самых разнообразных пропорциях, что и видим мы сплошь и рядом.

Ребенку лет до 10 достаточно быть просто уверенным, что он хороший, по крайней мере, не хуже других. Он и уверен в этом, если его не убеждают в обратном.

Но с началом полового созревания, где-то около 12 (плюс-минус 2), самооценка вступает в новое качество. Взрывная волна сравнений, беспомощного самоанализа...

Мальчику вдруг становится нужно узнать, и совершенно немедленно:

*слабый я или сильный?
трус или смелый?
имею ли силу воли?*

*дурак или умный?
смешной или нет?
честный или подлец?
могу ли нравиться?*

Девочке:

*красивая или симпатичная?
симпатичная или ничего?
ничего или уродина?
модная или немодная?
умная или дура?*

*порядочная или непорядочная?
могла бы понравиться такому-то?*

КТО Я? ЧТО Я СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮ? КОМУ Я НУЖЕН? ЗАЧЕМ Я? КТО МОЖЕТ МЕНЯ ЛЮБИТЬ?

Вдруг драма из-за неудачной прически, трагедия из-за несостоявшегося телефонного разговора... От смешного до страшного — полшага, полслезинки...

Отметочная психология входит в плоть и кровь спозаранку.

Кто теперь объяснит, что жизнь — не рынок сбыта товаров, будь этот товар даже самой что ни на есть полноценной личностью, а сокровенное кипение, тайный полет?.. Что ценность человеческая неразменна и абсолютна?..

Раньше знание этого — знание бессознательное — прочно жило внутри, питало и охраняло душу. А теперь новый зов властно гонит в зависимость от внешних оценок. Теперь ты должен не просто жить, но доказывать свое право на жизнь: должен чем-то обладать, кем-то быть — иначе тебя не примут, не выберут, не войдешь в круг, не найдешь ту (того), без кого одинок, не познаешь то, без чего не продолжишься... Раньше тебя любили ни за что, и ты это втайне знал, даже когда внушали обратное. А теперь то ли будут любить, то ли нет — за что-то конкретное, лотерейное...

Самый прочный бастион прежней уверенности может рухнуть в секунду. От того, какой образ «Я» утвердится в этот период, зависит все будущее, успех или неуспех во всех сферах.

Все высокие разговоры останутся пустыми звуками, если не найдется того, кто внушит, заставит почувствовать:

ТЫ ХОРОШ (ХОРОША) УЖЕ ТЕМ, ЧТО ЖИВЕШЬ НА СВЕТЕ. ТАКОГО (ТАКОЙ), КАК ТЫ, НИКОГДА НЕ БЫЛО, НЕТ И НЕ БУДЕТ. ТЫ —

КАПЛЯ РОСЫ, УСПЕВАЮЩАЯ ОТРАЗИТЬ СОЛНЦЕ, И ЭТО ЧУДО. ТЫ — ЧУДО!..

Завтра, может быть, это откроет избранник, избраница, но откроет ли?.. А сегодня, сейчас — кто, если не ты, родитель?..

Компенсация, или как хвалить за то, что есть.

— У меня уже двухколесный велосипед, а у тебя трехколесный.

— Ну и что?.. А ты через лужу не перепрыгнешь. А я!..

— Ну и подумаешь. А мой папа милиционер!

— А моя мама в цирке работает!..

Проиграл подряд три партии в шахматы и предлагаю партнеру сыграть в пинг-понг. Опять все партии проиграл. Зову на бильярд — снова проигрываю. В домино, в лото — в пух и прах, в преферанс — подчистую. Становится грустно, надо что-то предпринять или что-то принять... Тут вдруг почему-то вспоминается, хотя это к делу не относится, что я кандидат наук, а у партнера нет даже аттестата об окончании средней школы...

Способы компенсации пострадавшей самооценки неисчислимы.

Для малыша, самооценка которого еще только зачаточна, компенсацией может служить что угодно. Мама отругала, отшлепала, зато бабушка подарила мячик. Потерял мячик, растяпа, облился супом, опять не справился с зашнуровкой ботинок, зато нашел хорошую палочку. Воистину это мудрейшие мастера самоутешения.

...Итак,

совсем маленьких детей и совсем взрослых при наличии физического недостатка, а также умственного или душевного, даже такого, например, как склонность к воровству, лживость или жестокость;

при характере робком, тревожном, меланхолическом, а также раздражительном, злом;

в положении гонимого, травимого, козла отпущения;

даже если это всего лишь в воображении и тем более;

после потери, неудачи, непредвиденной неприятности;

провала на экзаменах;
в болезни, психической в том числе;
в несчастной любви
и просто так, профилактически,

можно, а иногда и крайне необходимо хвалить не за то, что достигнуто, заработано, а за то, что просто есть, и даже за то, чего нет. Девочка некрасива и уже — только что — поняла это... Хвалите ее глаза, волосы, голос, улыбку, ум, доброту, способности; хвалите ее всю. Мальчишка слабее или трусливее других, нескладный, с физическим недостатком? Трудно учиться, выгоняют из школы?.. Хвалите его рисунки, может быть, очень слабые; хвалите за то, как делает бумажных голубей; за то, что ходит сам в магазин; за то, что принес домой этого жалкого блохастого котенка и старается чисто мыть руки (хотя, может быть, и не очень старается); за то, как рассказывает о том, что видел на улице; за мускулы — вон уже какие большие!..

Если ребенок болен, ослаблен физически или морально, его нельзя оставлять без похвалы ни на сутки. Одной лишь похвалой можно унять боль, даже зубную.

А есть времена, когда похвала только за то, что живешь, может спасти жизнь.

Заменой похвалы может быть:

подарок (чем меньше в нем от вещи и чем больше от духа, тем лучше, но, конечно, по вкусу);

что-нибудь веселое и смешное — история, сказка, выдумка, шутка;

животное в доме;

приятное воспоминание;

что угодно — ко времени, к месту.

ОСТОРОЖНОСТЬ И ЧУВСТВО МЕРЫ

Если ребенок страдает непоправимым физическим недостатком, то, перехвалив и переласкав его, получим избалованного деспота с физическим недостатком — добавим еще и недостаток душевный, и тогда компенсациям не будет конца.

Аванс, или как хвалить за то, что будет

ВЫ ЭТО УЖЕ УМЕЕТЕ. Вам нужно только осознать и развить умение. Вы хорошо помните случаи, когда это получалось, и навек благодарны тем, кто в свое время поступал с вами так же. **ВЫ УМЕЕТЕ** одобрять заранее — внушать человеку веру. Под-

держат, ободрить в трудную минуту или в предвидении новых трудностей и страданий — **ВЫ УЖЕ ЗНАЕТЕ**, как это делается, **ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧУВСТВУЕТЕ**. У вас есть для этого необходимая внимательность, и умение вжиться, и способность к импровизации, и конечно же, доброта...

Супруги, родители, воспитатели, педагоги! Начальники большие и маленькие, подчиненные абсолютные и относительные! Тренеры, милиционеры, врачи, влюбленные! Всем, всем, всем! Владеющий этим, даже если безграмотен и неумел во всем прочем, может творить чудеса.

Это ключ к человеку. К маленькому, к растущему — самый главный, самый необходимый. И ведь мы действительно все это отчасти чувствуем, отчасти понимаем и отчасти умеем. Кто же из нас не одобрит похвалой и улыбкой первые шаги малыша, первые усилия что-то сказать, попытки самостоятельности?.. Здесь мы действуем инстинктивно и абсолютно правильно.

Это **АВАНС**.

Но дальше мы забываем, что жизнь начинается сначала во всякий миг, что каждый шаг — первый. Дальше это уже не так очевидно...

Если вы хвалите человека за то, чего у него нет, это еще не значит, что вы говорите неправду.

Есть действительное, и есть возможное.

Вступая в область возможного, нельзя поручиться за истинность своих мнений и предположений. Но мы можем верить и высказывать веру. И мы имеем право объявлять то, чего нет, и даже противоречащее действительности — существующим, если мы в это верим. **НАША ВЕРА СПОСОБНА ПРЕВРАЩАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**.

Поверить в возможное. И передать веру — внушить.

Если вы хотите научить своего ребенка самостоятельно одеваться, убирать игрушки, делать зарядку, сидеть не горбясь, решать задачи, стирать, готовить, работать, не бояться, не унывать, быть вежливым, быть хорошим, не хвастаться — короче, делать, что надо, быть таким, каким надо,

НАЧИНАЙТЕ ВСЕГДА С ПОХВАЛЫ — если нужно, сперва показав, как, подав пример, сделав

вместе, — конкретно, по обстоятельствам, но обязательно,

ДАЖЕ ЕСЛИ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ,
сначала хвалите, усердно и щедро, не боясь перехвалять, за малейшие попытки достигнуть желаемого, за попытку к попытке!

Вот он, главный воспитательский момент —

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ОДОБРЕНИЕ:

Ты этого хочешь!

Ты это сможешь!

Ты это почти можешь!

Ты сильнее, смелее, умнее,

Ты лучше, чем кажется!..

А что чаще на практике?..

«Я же тебе показала! Вот так завязывай!.. Да что же ты... Пусты, дай я сама! Бестолочь!»

«Опять согнулся, как крючок! Выпрямись, сколько раз говорить!»

«Ты что, последнюю извилину потеряла? Тут черным по белому: первая бригада экскаваторщиков вырыла за двадцать два дня столько кубометров грунта, сколько вторая вырыла за три недели. Одна за два дня, а другая за три ночи, понятно?..» — «Не-а». — «Потому что думать не хочешь. Тупица!..»

Опережающее неодобрение — зловреднейшее отрицательное внушение.

«Опять явился в двенадцать ночи? ПОСЛЕ ПОЛДЕСЯТОГО ДОМОЙ НЕ ПРИХОДИ!!!»

И не приходит.

Нетерпение, раздражение — не страшны. Страшно неверие.

Не забудем хотя бы шуточно поздравить своего ребенка с первой школьной отметкой, даже если это всего лишь двойка. (Никакой мало-мальски грамотный учитель, правда, не поставит своему ученику такую первую отметку.) «Ну молодец, поздравляю. Лиха беда начало!» «Ого, пару уже заработал? А ведь могли бы и нуль поставить»...

Если: «Двойка?.. Эх ты!.. Что ж ты... Как не стыдно, а?» — рискуем сразу и навсегда отбить охоту учиться.

ВНИМАНИЕ! Очень важно! Похвалите ребенка с утра, и как можно раньше. Это аванс на весь долгий и трудный день, не забудь, родители! И похвала на ночь (или просто поцелуй или ласковое «доброй ночи») тоже не повредит...

Из ответа одной маме

Дорогая М. А.,

насчет «работы с подсознанием» Вы не поняли.

Вовсе не надо беспрерывно следить и гадать, как относится Ваша дочка к тому или иному Вашему действию или слову, как относится лично к Вам — занятие утомительнейшее.

А вот что надо, то надо: научиться верить в лучшее. И верой этой творить хорошее.

Вы и сами заметили, что ее реакции на Ваши требования зависят не столько от содержания требований, сколько от Вашего настроения. Вот и суть. Если сказать иначе — дело за тем, чего Вы в эти мгновения подсознательно ожидаете. Во что заранее верите, и какое отношение тем самым внушаете. Когда Вы загодя уверены, что не понравитесь, неизбежен конфликт, заметили?.. Так всегда и у всех. Когда верите, что очаровательны, что любимы, что непобедимы, — так оно и выходит, много раз уже убеждалась!

Верьте, что Вы для своего ребенка гениальная мать, — это правда. Никто и никогда Вас не превзойдет!

Всегда, стопроцентно?.. Вера — это гарантия?..

Ну нет, разумеется. Сегодня у нее дурное настроение по причине, совсем с Вами не связанной, но она выливает его на Вас. Завтра Вы сами будете не в форме; послезавтра ее желание сделать по-своему будет сильнее какого угодно внушения. И слава богу, так и должно быть — ИНОГДА должно!..

Ребенок меняется десять раз на дню и тысячи раз в течение жизни. Вам не предугадать ни всех смен его настроения, ни путей, по которым пойдет развитие. И не надо, не требуйте от себя невозможного. Делайте всегда только то, что зависит от Вас, — укрепляйте веру, не переставайте настраиваться положительно вопреки всему. Вот и вся «работа с подсознанием»!

Ну и еще, конечно, время от времени думать...

Некоторые специальные случаи

Если ребенок заикается или имеет какой-то другой дефект речи, не забывайте время от времени, как бы между прочим, замечать, что он говорит уже лучше, четче, свободнее, причем делайте это как раз тогда, когда прогресса нет или речь становится хуже. Когда речь действительно

улучшается, лучше не обращать на это внимания, не хвалить — может подействовать парадоксально.

Если так. То же самое. Относиться совершенно спокойно. Но в периоды ухудшения, как бы между прочим, внушать, что становится понемножку лучше, проходит, пройдет.

Если боится темноты, одиночества, воды, улицы, кататься на велосипеде, машин, собак, сверстников, школы, кого угодно, чего угодно — ни в коем случае не стыдить, не ругать, не высмеивать. Не уговаривать, не заставлять, не подначивать! Слова «трус» не употреблять!..

Первое — вернуть положительную самооценку. Как можно больше одобрения! За что угодно! Внушайте всеми возможными способами, что он (она) с каждым днем становится все спокойнее, решительнее, смелее, что ему (ей) еще представится много случаев это доказать. Объясните, что каждый чего-нибудь в этой жизни боится. Страх продолжается?.. Хвалите за смелость по любым поводам, совершенно не относящимся к предмету страха. Создавайте ситуации, когда можно легко проявить такую смелость. Сделайте вид раз-другой, вполухотку, что вы тоже чего-то боитесь, какого-то пустяка, ерунды. Пусть уговорит вас не бояться. Пусть покажет, как можно быть смелым!..

Так можно вылечить детский страх (а любой страх всегда детский), не прибегая к лекарствам.

Если ночное недержание, не только не ругайте за это, но и НЕ ХВАЛИТЕ, когда будет просыпаться сухим, ибо это автоматически будет вызывать огорчение и самопрезрение в обратных случаях. Нуль внимания. Лишь когда дело совсем плохо — недержание еженощное, обильное, ободряйте таким образом: «Ну вот, сегодня уже чуточку поменьше, уже лучше... Ты молодец, ты стараешься, я знаю... Все будет хорошо». Нечего и говорить, что ребенок с радостью вам поверит. А поверив, действительно увеличит свои шансы, ускорит возможное. Упаси вас бог когда-нибудь изругать ребенка за недержание или даже просто выразить огорчение.

Если онанирует — никакого скандала. Никакого пристыживания, тем более угроз. Онанизм — чаще всего — знак, что ребенку не хватает двух глав-

ных детских лекарств: радости и движения. Общеоздоровительные меры. Мягко и спокойно сказать только один раз, что если может, лучше этого не делать или как можно реже, что будет все меньше этого хотеться, что сможет этого и совсем не делать.

Аналогично при всех нежелательных привычках или навязчивых действиях (сутулится, грызет ногти и т. п.), при любой форме и степени неподчинения самому себе.

Опасности аванса. Превзойти масштабы возможного, ввести в заблуждение. Или так уж сладенько выхвалить, что и дебил поймет: наживка, покупка. Если первые каракули, а «у тебя уже каллиграфический почерк»; если первое сочинение, а «ты уже пишешь, как Лев Толстой»...

Правило повышения требовательности — подъемная похвала.

ВСЯКОЕ ПОВЫШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ НАЧИНАТЬ С ПОХВАЛЫ

Точно и четко: не всякое требование, а всякое повышение требований — стать более самостоятельным, выполнять больше работы, работать лучше, стать лучше. Да! — обязательно! — с одобрения! — с признания достоинств и достижений, с похвалы хотя бы самой пустячной, с аванса. Дать «подъемные». Потом можно и высказывать недовольство, и требовать большего. Равно для детей и для взрослых!

«Подъемная» похвала может быть прямой и косвенной (см. далее), ироничной, фантастической, какой угодно, важно лишь, чтобы она ПОДНЯЛА веру в себя, чтобы дело, состояние, поведение, требуемое от человека, окрасилось для него радостью, представилось привлекательным и достижимым. Вдохновить любым способом. Кроме шаблонов, годится все!

Так... Ну а если все скромные достоинства уже хвалены и перехвалены, а новых не прибавляется? Если достижений в наличии не имеется, а вовсе наоборот? Если все авансы исчерпаны и, увы, не оправдались?.. Может ли быть такое?..

Как посмотреть.

У ребенка нашего, как и у нас, наверняка есть достоинства, которые мы не замечаем или не считаем

за таковые. Стоит подумать, вспомнить, сравнить... А вдруг он еще ни разу в жизни не солгал? Не пожелал никому зла и не расположен?.. «Что имеем, не храним, потерявши, плачем». Есть, наверное, и незамеченные достижения?.. Вот, например, каким-то непостижимым образом привык, приходя домой, снимать грязную обувь (а папа это делает не всегда) и — о чудо — отвык ковырять в носу.

Отмечать последнее спецпохвалой, может быть, и не нужно (есть риск, что начнет опять), но сколько еще таких вот, на первый взгляд ничтожных, а на деле громадных побед над собой добивается каждый день Первобытное Существо, именуемое ребенком?

Сколько их, тайных усилий роста и понимания, развития и очеловечивания?

Нет достоинств — или мы слишком узко их понимаем? Нет достижений — или мы притупили зрение?..

Во всяком развитии (во всяких отношениях, во всякой судьбе, всякой любви...) есть полосы светлые и полосы темные. Равномерно-поступательное движение — в учебниках физики, неотвратимый прогресс — в абстракциях. А в жизни, а у человека живого — подъемы и спады, иногда очень длительные, и кризисы, и откаты вспять. Развалы, кажущиеся безнадежными, тупики, кажущиеся безвыходными.

«Совершенно испортился, сладу не стало... Ничего не желает делать, ничем не интересуется... Стал совсем тупым, грубым. То малое, что имел, и то растерял...»

Осторожнее, не спешить с диагностикой. Может быть, это наша, а не его темная полоса?.. Может быть, тайная ревность, обида или страх, в котором стыдится признаться, либо мучительное расставание со сказкой, в которую долго верил?.. Может быть, скрытая депрессия с непонятной душевной болью, у которой десятки лиц и сотни причин... Нечто вроде спячки или затяжной линьки перед новым скачком развития...

В такие периоды СНОВА НАУЧИТЬСЯ (вовремя вставать, убирать постель, делать уроки, быть вежливым, быть послушным, внимательным) — словом, ЖИТЬ — огромное достижение.

Ребенок «портится» много раз, чтобы наново испытывать жизнь и себя; «разваливается» — чтобы строить себя по-своему. Никто не подпадает под схемы.

Косвенное одобрение, или как хвалить не хваля

«У нас в школе был страшно строгий математик, никому больше четверки не ставил, даже отличникам». (Ваш сын только что принес свою первую четверку, до этого были только двойки и тройки.)

(Крутанув педали велосипеда.) «По-моему, стал легче ход, а?» (Вчера он его первый раз самостоятельно разобрал и собрал, попытался смазать. Ход остался точно таким же, если не хуже, это совершенно неважно.)

«Гляди-ка, а в эту тарелку можно посмотреться как в зеркало». (Он не заметил, что вы заметили, как он ее старательно мыл.)

«Странно, сегодня дома гораздо легче дышать, совсем пылью не пахнет. А ведь вроде бы не проветривали». (Ваша дочь сегодня убрала квартиру, а вы по наивности не догадались, в чем дело.)

Всерьез, с некоторым вызовом и без малейшей иронии: «А у меня это дело, пожалуй, выходит НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ У ТЕБЯ». (Физическое упражнение, решение задачи, чистка картошки, собирание грибов, писание стихов, что угодно. Претендуем на равенство возможностей.)

«Хоккеист Икс (балерина Игрек) в детстве тоже часто болел и участвовал в сборе металлолома». (Вернулся домой после сбора макулатуры, сопливый, простуженный, огорчен, что удалось собрать меньше всех, с кем-то поссорился...)

Не хвалим, нет, только наводим на самостоятельное ощущение.

Р и к о ш е т

Все, подобное вышесказанному, и любое другое вставить в разговор, который можно услышать. (Впрямую либо нечаянно, из другой комнаты, или сидя, допустим, в ванной. Ребенок обычно очень хорошо слышит, даже если не слушает.) Не скупясь на восхищение, рассказать о ком-то (лучше не о себе), кто в свое время поступил так же похвально, как наш ребенок (его, однако, не поминать), а если это к тому же известный замечательный человек...

Сотни положений дают такую возможность. И немного чутья...

Начиная примерно с 10 лет (± 3), и одобрение, и неодобрение косвенным способом действуют сильнее

непосредственного. «Если обращаются не ко мне, значит, говорят правду» — логика примерно такая. И в самом деле, чему вы больше поверите: тому, что говорит врач лично вам, или тому, что вам удалось подслушать в его разговоре о вас с другим врачом?..

Так можно и ободрить, и тонко утешить, и вдохновить. «Хочет... Может... Старается»... Знаете, что не старается, но это возможно.

Опасаться пережима: внушение через рикошет нельзя повторять дважды в одной форме. При грубо-нароचितом, топорном использовании сразу отбивает доверие.

Никакой насмешки рикошетом — опасно, удар ниже пояса!..

Вот еще два способа хвалить не хваля и заодно воспитать ответственного, самостоятельного, уверенного человека.

Попросить совета КАК У РАВНОГО ИЛИ СТАРШЕГО.

«Посоветуй, пожалуйста, как лучше поставить эту вазу — так или так?..» (Посоветуй, как сказать, написать, сделать, приготовить, куда пойти... Как отнестись...)

Великий миг, звездный час! Советуются, доверяют! Нужен, необходим, отвечаю!.. Взрослый, **НАСТОЯЩИЙ!**

Последуйте совету ребенка, даже если он далеко не лучший, даже если нелепый, да, осмелитесь, пойдите и на эту вопиющую глупость — воспитательный результат важнее любого другого. Потом вы, может быть, потихоньку сделаете по-своему, и все равно он будет считать, что это он посоветовал.

Попросить о помощи — КАК РАВНОГО ИЛИ СТАРШЕГО. Торжественно, весело, непринужденно.

«Принеси воды», «вынеси ведро», «вымой пол» — может и унижить, и вознести. А ребенок поймет, и чем скорее, тем лучше, что просьба сильнее приказа, бесконечно сильнее.

Склонять к добровольной помощи — великое психологическое искусство. Вместо: «Поди сюда. Сколько раз тебя звать? Поди сюда, говорю! Помоги-ка... А теперь живо за уроки» — что-нибудь вроде: «В магазин не успеваю...» «Отжать белье хочу, ру-

ки не слушаются...» «Как справиться с этой пуговицей?..»

Никуда не денешься: воспитание — всегда немножко или множко спектакль. Есть моменты, когда надо и всемогущему взрослому побыть **МЛАДШИМ** — слабым, беспомощным, незащищенным, зависимым... Да, от ребенка!

Странно, нелепо?.. Но так ли уж далеко от истины? А если заглянуть чуть подальше — в старость?..

Уже с 5—7 лет прием этот, время от времени употребляемый, может дать чудодейственные результаты. И особенно с подростком, в отношениях «мать — сын», если хотим воспитать мужчину.

Взрыв любви, или как хвалить за то, чего никогда не будет.

Метод «скорой помощи» при кризисных состояниях.

Может оказаться единственным спасением при угрозе отчаянного поступка, сумасшествия, самоубийства. Может восстановить безнадежно разрушившиеся отношения...

Требует особого вдохновения — состояния иступленной влюбленности. Оно всегда с нами, только вовремя угадать...

* * *

Теперь главное. Любят не за, а вопреки.

Любовь и оценивание — несовместимы.

Любовь не имеет никакого отношения к похвале. Любовь только вынуждена пользоваться поощрением, как и наказанием — по несовершенству, по слабости духа. Истинная любовь есть любовь **НИ ЗА ЧТО** и **НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО**.

«Любите ли вы меня или любите мои достоинства — нечто вам нужное, вам приятное?..

А если завтра несчастье, и я все потеряю?.. А если завтра вам это не понадобится?»

Совершенно секретно

(Из письма Д. С. одному коллеге)

Друг мой, тезка!

Пишу наутро после веселенькой психодраматической ночи. («Ночь трех Дмитриев»). Ты живой?..

Диагностика — терпи.

Основной упрек отцу. Увы, совпадает в немалой мере с одной из главных претензий сына. Я бы это назвал БОЯЗНЬ ДУШЕВНОГО ТРУДА.

Преобладает труд по защите себя от сына. Начиная с самого призыва меня в союзники...

Если не хватает любви, если и жалости недостаточно, это надо честно **ПЕРЕД СОБОЮ** признать. К этому не обяжешь. Что тогда?.. Простая ответственность породившего. Еще что? Простая разумность. Чтобы **ОБЕ** стороны поменьше понапрасну страдали и жили достойнее. Тоже немало. И самозащита разумеется, но не как **г л а в н о е**. Потому что как только она становится главной, так моментально начинает работать против себя же.

Стенка между вами, а видишь ты ее только как стенку **В НЕМ**, в виде его виновностей и пороков.

ДРУГОГО в нем не желаешь видеть...

Душевный труд — что разумею?

Не просто принимать, как есть. Это худо-бедно удастся тебе, но путается с махнуть рукой. Не только принимать и не только прощать.

Вникать в его жизнь. Жить в месте с ним — да, в его жалком и пустоватом мирке, кажущемся таким с нашей колокольни, а на самом деле полном вопросительных знаков. Да, на его уровень спустаться. (Но может быть, кое в чем и подниматься?..) Входить туда не с поучениями, требованиями, замечаниями, готовыми оценками и суждениями умудренного господина, а наивно, да, порой и глупо, и идиотично, как он. **В м е с т е**.

Не играть в это, а стараться оживлять в себе мальчишку и юношу. Отбросив свой достопочтенный опыт, честно пускаться в экспериментальные путешествия — хоть перед телевизором, хоть на рыбалке, — забыв, что ты родитель, и давая, главное, ему забывать хоть на полчаса в день. Страшно важно. Даже щенки любят и хозяином признают не того, кто кормит, а кто играет с ними на прогулках. И своих щенят я на этом и держу — становясь **ИМИ** на какие-то небольшие, но дико драгоценные для них процентики...

Этого у тебя не видно совсем, никаких намеков. А ведь ты, при твоей живости и уйме здо-

ровой детскости, можешь это наверняка в десять раз лучше меня. Только решишь — окупится с лихвой. Появится юмор, с бытом станет нечаянно повеселее...

Впускать в свою жизнь. Что бы он ни болтал, каким бы чудовищем ни величал тебя, **ТЫ ЕМУ ИНТЕРЕСЕН**. И вовсе не только корыстно и потребительски.

Опять: не требования с порога, а только впускание. Возможность присутствия и постепенной ориентировки. «Учись, читай, повышай уровень, соответствуй»!!! Ну нельзя так, отпугиваешь же, задавливаешь, не дав вздохнуть! Пусть болтается с тобой и при тебе, где только захочет, не убедит тебя, не бойся. Таскай его и по гостям, и по пациентам, и по театрам. Не всюду понравится, не пойдет?.. Не надо. Но чтобы знал, что такая возможность у него есть, что ты **РАЗДЕЛЯЕШЬ** с ним и его мир, и свой. Вот чего **ЖАЖДЕТ** он, ибо, конечно же, бедняк в сравнении с тобой, нищий, но не подачек хочет с барского стола, а авансового капиталовложения. Чтобы начать с **о е** духовное дело!.. Сам этого не понимает еще, но ты верь, это так. И на этом уровне сыновнее требование, голодный этот крик оправдан всегда, понимаешь ли?.. Сначала впускать, а уж потом **в т я г и в а т ь**. Если это начнет продвигаться — все прочее, бытовое («аэродромное», по твоему выражению) тоже пойдет вперед.

А ты впадаешь в общеизвестную ошибку: «сначала аэродром (-быт, порядок...) а потом взлет». Сначала материя, а потом дух, так, да?.. Базис, а потом надстройка? Нет, милый мой, нет. В духе все наоборот. Полет начинается сверху. Аэродром строится полетом. Сначала общение, а потом мытье посуды и туалета.

Я молчал, но хотел, чтобы ты чувствовал, что **В ЭТОМ** я на его стороне. А ты защищался все новыми повторами своих претензий, в отдельности справедливых, а в целом пошлых. И он на это углубленно обозлевется. «Вы меня не любите» — «А вы мне пишете в чайник».

Сорок бочек наговорил, а нужна конкретность... Несколько предложений.

1. ОТКРОВЕННАЯ ЖЕСТКОСТЬ — последовательная твердость в некоторых, строго определенных вещах.

Именно: как бы ни решил вопрос о материальной поддержке — держать твердо, не отступаясь, пока не решишь сам, что тактику меняешь, и не объявишь об этом с тою же твердостью. Денег даю столько-то на такое-то время. Все. Точность, определенность. Решения такого рода иногда стоит фиксировать письменно (на какой-то срок) и взаимно подписывать, чтобы не было потом разночтений. Лучше в порядке шутки, но все же железно. Бытовой контракт может висеть на кухне в виде, допустим, графика дежурств. При составлении не обойтись без препирательств, но если решение все-таки удастся выработать, это облегчит психологическую сторону дела. Ты скажешь: но ведь выполняться все равно не будет, испробовано!.. Весьма вероятно. Но в этом случае применять ЗАРАНЕЕ ОГОВОРЕННЫЕ санкции. Предлагаю так: стипендия сбавляется за нарушение обязательств и снимается за крайние проступки. **НО НЕ СЛЕДУЕТ** при этом производить «маневр общением». **ПРИ ВСЕМ ЭТОМ** продолжать общаться как ни в чем не бывало. Вот это самое важное и самое трудное.

2. ОТКРОВЕННАЯ НЕЖНОСТЬ. Тебе нужно добиться возможности — и внутри себя, и в нем — обнимать его и целовать, ну трепать по голове. Он нужен, обязательно нужен этот контакт прикосновения... Сразу разбив стены, словесного всякого дерьма уничтожение. Ты ведь умеешь... И еще важно, крайне необходимо знаешь что? Подходить к нему, когда он лежит в постели, иногда утром, иногда вечером, перед сном, если ложится раньше, даже если уснул уже... Ну просто чмокнуть, посидеть минутку-другую рядышком... Рассказать глупость какую-нибудь, да, как маленькому... Вот он, его самый нерв-то болящий. Нежностью недокормлен глубоко, еще с материнских времен, вот тут корень... Щенок он несогретый — и это при том, что и баловали его, и развращали поблажками. Ведь не это надо, а вот прикосновение, тепло без всяких

слов. Тоска по этому заledenелая так ведь и брызжет из него, неужто не видишь?.. И может растаять, не сразу, но постепенно... Вот ты тут и должен быть совсем-совсем старшим, ты все понял уже... Почему — когда в постели? Потому что это самое детское положение, самое беспомощное. В постели каждый ребенок. И каждый рядом стоящий — большой и сильный, от которого ты зависишь. Я почему-то уверен, что если ты хоть раз в неделю будешь подходить вот так к нему засыпающему и тихо гладить по голове, все-все очень скоро рассосется у вас, встанет на места... Но ты должен начать, ты — ведь ты его причина, а не он твоя, папочка!.. Глубиной детства, еще недалекого, будет вспоминать, как ты брал его на руки...

3. ВЫРАВНИВАНИЕ ПОЗИЦИИ. Имеется в виду отмена как «позиции сверху» (я старше, помолчи, слушай, что тебе говорят, не суй нос куда не просят, не хватай, не крути, сядь как следует, учись, думай, следуй моим советам, я же тебе сказал, изволь сперва потрудиться и пр. — не только и не столько в словах, сколько в интонациях), так и «позиция снизу» (весь букет твоего скрываемого чувства вины и отсюда непоследовательности, нетвердости и попыток откупиться.)

Перестань шпынять. Проглоти упреки. Прекрати поминание старых грехов и обид. Это так и прет из тебя. Унижает обоих.

Первое, что ты сказал ему, когда мы уселись за стол: «Не хватай чужое», «Дай сюда, не трогай», «Не хватай зажигалку». И это семнадцатилетнему парню, которого ты через минуту объявляешь Совсем Взрослым, обязанным открывать свое сердце людям и прочее. И еще пару таких же штучек успел вернуть, прежде чем разгорелся весь сыр-бор. Не замечаешь, как лезет из тебя на него постоянная мелкая въедливая агрессивность. Сдача сторицей. Прикуси язык, отец, прикуси.

Очень типичный для неудачливых воспитателей шизофрeнный разрыв. Одновременно и недооценка, и переоценка возможностей воспитуемо-

го. И недоуважение, и переуважение, как-то так. По меньшей мере 30 раз за вчерашний вечер ты так или иначе дал ему понять, что он еще головастик, а не лягушка, ничтожество, эгоист с холодным сердцем, поганец... Но главное — головастик, имеющий все шансы остаться в своей тине все тем же головастиком, а по ходу неизбежной моральной деградации превратиться в глиста, а в дальнейшем в палочку Коха. Все это в репризах, в тирадах, в интонациях, в междометиях, а также в сурово-глубокомысленном: «Я не на допросе». Он действительно невероятно хамски пер на тебя, так что у меня заложило уши. Но один-два раза он тебя **НОРМАЛЬНО** спросил о чем-то, элегантно прижал к стене — и в эти моменты тебя не хватило на искреннее, спокойное, высокое признание себя неправым.

Уже говорил тебе: при всей его дикости и дремучести ты недооцениваешь живость его интеллекта, богатство души, способность к развитию. Уверяю тебя, он столько же своеобразный, сколько **ИНТЕРЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК**. Эгоизм, грубость, равнодушие, злоба — только поверхность, но не суть, только *состояние*, а не *содержание*.

«Чтобы общаться на уровне, нужно иметь уровень». Очень жестоко, **ГЛУХО** с твоей стороны требовать от него авансовых доказательств его достоинства общаться с тобой. Ведь ты же сам не даешь ему на это времени и пространства, не прибавляешь сил, не ищешь путь **ВМЕСТЕ С НИМ**. От птенца требуешь трансатлантического перелета. С горы вопишь застрявшему в болоте: «Ну что ж ты, лентяй, не поднимаешься ко мне?!»

Прости, если перегорчил. Ты еще не опоздал.

МИНУТА В ДЕНЬ

У нас есть огромный материал для изучения детской души — наше собственное детство, запечатленное в глубинах памяти, влияющее так или иначе на всю нашу взрослую жизнь. Мы помним свое детство, **МЫ ПОМНИМ ВСЕ**, нам только кажется, что мы почти все забыли, потому что одни воспоминания накладываются на другие, третьи, четвертые... Так трудно до-

стать лежащее в глубине, на дне, но ведь оно там есть! Так свежий снег заносит ранее выпавший, и еще, и опять...

Вспомним, какими бесконечно длинными были сутки в далеком детстве, какая необозримая даль — от утра до вечера! Проснувшись и вовсе не залеживаясь, мы успевали слетать на Солнце; к Реке Умывания вела длинная извилистая Тропа Одевания, порядочно утомительная; на Холмах Завтрака мы строили пирамиды из манной каши, не торопясь, ибо знали, что Долина Обедая еще скрыта в тумане, а Горы Ужина — по ту сторону горизонта. Каким малореальным, почти несбыточным было «завтра», каким несуществующим — «послезавтра», а уж «через неделю» — вообще химера, не может быть!

Мы казались взрослым нетерпеливыми, невнимательными, бестолковыми, безответственными... Они не понимали, что наш мир несравнимо подробнее их мира, что наше время во много раз емче, плотнее. Сравнили: их минута и наша минута! За нашу мы успевали раза по три устать и отдохнуть, раза по два расстроиться и утешиться, захотеть спать и забыть об этом, поболтать ногами, посмеяться, подраться и помириться, заметить ползущего жучка и придумать о нем сказку, и еще раз посмеяться, забыв над чем, и еще чуть-чуть вырасти и чуть-чуть повзрослеть... А они только и успевали, что сделать какое-нибудь замечание...

Оживим для начала

ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

«Лежу в кровати. Надо мной склоняется...»

«Сад, залитый солнцем. Иду — бегу — падаю...»

«Сижу на горшке. Играю погремушкой. Забываю, зачем сижу. Повелительный голос...»

«Темно. Никого. Страшно. Кричу — никого...»

«Сижу на плечах у папы, крепко вцепившись в волосы. Теперь я выше всех, а потолок совсем рядом, вот он!..»

Дальше, дальше, живем дальше... Воспоминание гасится, уносится, обрывается, возвращается...

Если хотите понять себя, то хотя бы
МИНУТУ В ДЕНЬ

сосредоточивайтесь на воспоминаниях детства, живите в них.

Воспоминание — мостик к вживанию. Если трудно с ребенком, если чувствуете, что не понимаете его, всего лишь

МИНУТУ В ДЕНЬ

отдайте воспоминанию о себе в том же возрасте, в положении близком, подобном, хоть в чем-то схожем. Усилие не пропадет, найдется, может быть, неожиданное решение...

Представим (вспомним!) себя
ничего не знающими, совершенно неопытными,
слабыми, беспомощными, неумелыми,
ко всему любопытными,
всего боящимися,
готовыми поверить кому и чему угодно,
никому, ничему не верящими,
зависимыми от больших и сильных,
совершенно самодостаточными,
влюбленными в родителей,
ненавидящими родителей,
влюбленными во весь мир,
ненавидящими целый мир,
эгоистичными и жестокими,
но не знающими об этом,
мудрыми и добрыми,
но не знающими об этом,

А ТЕПЕРЬ ЗНАЮЩИМИ...

ЛЕОНАРДО ПОДБИТЫЙ ГЛАЗ

*Глава
для отдыха
от
внушений*

У себя в мыслях, где-то в себе он открывает новый, еще более удивительный мир.

А дальше надо отыскать себя в обществе, себя в человечестве, себя во Вселенной.

Я встречаю Д. С., как и раньше, вблизи Чистых прудов: он на работу или с работы, я по своим делам. Детали, перестающие быть секретными: он ходит в куртке чечевичного цвета, делающей его похожим на студента, а в холодные дни в сероклетчатом торопливом пальтишке. Бугристая кепка плывет над макушкой, головной убор явно чужой.

Проявлять любопытство не в моих правилах, но однажды я все-таки не выдержал и спросил вместо приветствия, где ему удалось раздобыть такое замечательное лысозащитное сооружение.

— Особая история. Дал зарок. Завтра вечером расскажу...

Последние слова донеслись до меня уже из-за угла.

Назавтра вечером, за чаем у него в гостях, я напомнил. Д. С., как обычно, помедлил, начал не по существу:

— М-да. Жаль, вас вчера не было на приеме. Приходит юная особа, цветущая, симпатичная, первый год замужем, а на лбу пластырь, толстый такой, крестом.

Осторожно интересуюсь. Нет, не ушиб и не что-нибудь. Третий глаз прикрыла. Чтобы не видеть меня насквозь, доктор все-таки.

— Третий глаз? Так ведь сквозь пластырь же...

— Я тоже так подумал, но не сказал. Чаю зеленого или черного?

— Черного, спасибо... А я бы попросил снять. Чего уж там, насквозь так насквозь. Житья не стало от этих экстрасенсов.

— Чем они вам мешают?

— Ну знаете, если каждый будет видеть тебя насквозь...

— А что вы там такое скрываете?.. Покрепче? Ну так вот, головной убор этот, как вы заметили, мне не-сколько маловат...

Я включил магнитофон.

ТЕОРИЯ НЕУМЕСТНОСТИ **(Физиономический очерк)**

Как сейчас помню... (Обрыв пленки.)

...Чернильницей в ухо... Итак, учился я в мужской средней школе № 313 города Москвы. Эпоха раздельного обучения, довольно серьезная, если помните. Учился с переменным успехом, был убежденным холе-ро-сангвиником, увлекался чем попало, бегал в кино, влезал в посильные драки, при возможности ел мороженое и, кроме жизни как таковой, ни к чему не стремился. Это легкомыслие, при всех очевидных минусах, давало свободу для наблюдений и незаурядную возможность совать нос в чужие дела — все десять долгих лет я провел преимущественно в этом занятии, да так оно практически получилось и дальше. Зато никто уж не скажет, что К о т не умел дружить — передружил со всеми, кто только ни попадался, никто не избег этой участи...

Одним из друзей был некто Клячко. «Одним из» — это, пожалуй, неверно сказано. Влияние, ни с чем не сравнимое. Навсегда очаровал могуществом мозга... Абориген страны, которую можно назвать ЗАПЯ-ТЕРЬЕМ...

— Как-как?

— Запятерье. То, что начинается за оценкой пять, за пять с плюсом — туда, дальше, выше... Страна, пространство, измерение, сфера — условно, вы понимаете.

Между прочим, математик наш однажды не выдержал и поставил Клячко шестерку.

— ?..

— Да, это был скандал. Но по порядку. Имя его было Владислав, Владик Клячко. Но по именам мы друг друга, как и нынешние школьники, звали редко, в основном по фамилиям, кличкам да прозвищам. Вас как звали?

— Меня?.. Леви, так и звали. Левитаном. Левишником, Левишкой еще иногда, но я обижался.

— А меня Кстоном, Пистоном, потом Котом, одна из основных кличек, потом Чижиком, Рыжим, хотя рыжим был не более прочих, Митяем, Митрофаном, Демьяном, Кастаньетом, Кастетом, Касторкой... Так много прозвищ было потому, что я был вхож в разные общества. А Клячко — был Клячко, ну и Кляча, конечно. Еще звали его с самого первого класса Профессором, а потом произвели в Академики. Сам же он в наших разбойничьих играх называл себя одно время Леонардо Подбитый Глаз.

Наша дружба, как это часто бывает, основывалась на взаимной дополнительности; отношения балансировали между обоюдным восторгом и обоюдной завистью. Я завидовал его всевластному (по моему разумению) интеллекту, он — моей всеобъемлющей (по его масштабам) коммуникабельности. Он был для меня дразнящим светочем, пророком недостижимых миров, а я для него — телохранителем, гидом и советником по контактам с ОБЫКНОВЕНИЕЙ. (Тоже страна такая, между пятеркой и единицей.) Я полюбил его отчасти за муки, он меня в некоторой степени за сострадание к ним, что, однако, ни в коей мере не мешало обоим мучить друг друга посильными издевательствами и изменами. С его стороны, правда, измены вынужденно бывали платоническими или символическими, не знаю, как лучше выразиться. Хорошо помню, например, как за мое увлечение Ермилой он отомстил мне Мопассаном — показал кое-что, а читать не дал: «Тебе еще рано» (дело было в шестом классе), а за любовь к Яське — внезапно вспыхнувшей томасоманией и невесть откуда почерпнутыми идеями японских йогов ниндзя, о которых я до сих пор ничего не знаю. Как только я покидал его, устав от высокогорного климата, и спускался на отдых в Обыкновению, он находил повод меня морально уязвить, что давало повод его физически поколотить и тем самым вновь полюбить. И

вот опять приходилось карабкаться вслед за ним, в Запятьерье, до новой усталости и охлаждения, его или моего, и снова разрыв, и опять уязвление — таков был типовой цикл этой дружбы...

Среднего роста, с прямым, как струнка, позвоночником, он был среди нас самый подвижный и самый замкнутый, самый темноволосый и самый бледный.

Имел четыре походки. Одна — парящая, едва касаясь земли, на высокой скорости и без малейшего напряжения — неподражаемая походка, которую я пытался копировать, как и его почерк, и в результате остался с неким подобием. Вторая — прыгающая, враскачку, слегка карикатурная — так он ходил в школу. Третья — кошачья, упруго-угловатая поступь боксера (коснуться перчаток соперника, мгновению принять боевую стойку) — так подходил к книжным киоскам. И наконец, четвертая — плелся, словно увешанный гириями, чуть не приседая, почти ползя, — походка клячи, воистину.

Нежные точеные черты лица, грустные глаза цвета крепкого чая делали бы его красивым, если бы не ужасающая форма головы и чересчур резкая мимика глаз и бровей, от которой уже годам к двенадцати наметилось несколько причудливых морщинок. Кожа его была так тонка, что казалась прозрачной, и однако, когда его били, что случалось довольно часто, он умудрялся оставаться целым и невредимым: ни единой царапины, ни одного синяка, ни малейшего кровоподтека никогда у Клячи не замечалось — очевидно, особая упругость тканей или повышенная иннервация... В телосложении были еще две особенности: крупные, не по росту, ступни ног — на номер больше, чем у классного дылды Афанасия-восемь-на-семь...

— Я читал где-то, что, чем больше относительная длина стопы, тем больше объем оперативной памяти, странная корреляция...

— Да, и длинные, чуть не до колен, руки, которым полагалось бы заканчиваться столь же крупными кистями; но кисти на тонких сухих запястьях были, наоборот, очень маленькие, хотя и крепкие, с гибкими тонкими пальцами, пребывавшими в постоянном легком движении, будто ткали невидимую паутину. Эти беспокойные паучки были ему равно послушны и в изобретательском рукодействе, и в лепке, и в рисовании, и в игре на рояле...

— А что такое было с головой, гидроцефалия? (черепная водянка.— В. Л.)

— Нет. Череп крупнее среднего, но в пределах нормальной величины, форма только была неописуемо усложненной. Ведь нас в те времена класса до седьмого заставляли стричься наголо, никаких тебе чубчиков, никаких таких полубоксов...

— Нас тоже.

— Ну и вот, каждый, таким-то образом, имел возможность демонстрировать мощь своего интеллекта в виде доступных детальному обозрению черепных шишек. У Клячко эти шишки были какими-то невероятными: осьминог в авоське, атомный гриб — сплошные выпирающие бугры и извилины. Уважительно изучали: «Дай пощупать математическую»; выцеливали из рогаток — мишень искуссительная, многогранная, и отлетала бумажная пулька всегда в неожиданную сторону, всего чаще на учительский стол. Грешен, я тоже раза два не устоял перед этим соблазном...

— А в вас стреляли?

— А в вас разве нет?

— У нас в пятьсот пятой употреблялись преимущественно плевалки, такие вот трубочки. Стреляли шариками из бумаги, хлебными катышами, пластилином, горохом...

— Но согласитесь, плевалка неэстетична и громогласна, то ли дело тоненькая резинка — натянешь между средним и указательным, вот и вооружен. В случае чего и в рот спрятать можно... Пульки бывали, случилось, и металлические. Одной такой, из свинцовой проволоки, Академику нашему как-то вклепили прямехонько в левый глаз, и наверняка выбили бы, но он на сотую секунды раньше успел зажмуриться. И опять, несмотря на силу удара (он даже упал, схватившись за глаз), никакого синяка или кровоизлияния, никаких следов, остался только невротический тик. Волнуясь, он всегда с тех пор подмигивал левым глазом.

— А сам, что же, ходил безоружным?

— Он был миролюбом. Кроме куклы собственного производства, оружия у него не помню.

— Что-что?..

И — Кукла, обыкновенная кукла. Не совсем, правда, обыкновенная... Именно с ней, кстати, и связано приобретение заинтересовавшего вас головного убора. Состав взрывчатки остался мне не известным, но действие пришлось наблюдать самолично. Эту куклу он

изготовил в четвертом... Нет, в пятом, в период очередного увлечения химией и очередных неприятностей...

Академик не собирался ни с кем воевать, его целью была только экспериментальная проверка одной из гипотез в рамках долгосрочного исследования, тема которого в переводе с запятерского звучала приблизительно так: «Теория неуместности, или Основы употребления вещей и идей не по назначению» — в общем, что-то вроде универсальной теории изобретения, которая, как он смутно объяснил, должна была стать и одним из разделов теории превратностей судьбы. И взрывчатка там была, надо полагать, достаточно с м е ш н а я — слово, которое Академик часто употреблял вместо «хороший», «правильный», «справедливый», «закономерный». «Понимаешь, Кастет, это ведь никакая не взрывчатка, я вычислил, это гораздо проще... Если это взорвется, то, значит, человек может летать без крыльев и без мотора, безо всего... За счет перераспределения силовых полей, смешно, а?..»

Мы искали подходящее место для испытания. Из соображений конспирации и безопасности Кляча носил куклу с собой в портфеле.

— В портфеле?..

— Да, и эту идею подарил ему я. На том здравом основании, что в портфель к нему взрослые никогда не заглядывали, дневников и уроков не проверяли. Но мы не учли одного обстоятельства.

Одной из безобиднейших шуток, которою увлекались тогда мы все кроме Клячко, было подойти к товарищу, беззаботно державшему в руке портфель (ранцы тогда были еще редкостью), и внезапно вышибить оный ударом ноги. Операция называлась «проверка на вшивость» — на произнесшего этот пароль не полагалось сердиться: зазевался, пеняй на себя. Если портфель проверки не выдерживал, то есть если из него выскакивало како-нибудь содержимое вроде пена-ла, бутерброда или учебника, то окружающие имели право поиграть этим содержимым в футбол — это называлось «Шарик, догони».

— А у нас «Бобик».

— Ага... Ну так вот, в результате очередной «проверки» из портфеля Академика и выскочила эта самая кукла и покатилась по полу, а дело было в школьной раздевалке, после уроков. Кукла относилась к классу неваляшек обыкновенных, бывшая игрушка его сестры, только с начинкой, а голова служила предохрани-

телем. Естественно, тут же начался «Шарик, догони», с комментариями, что вот Академик-то все еще в куклы играет (куклы служили ему и для других целей, об этом дальше) — бумс, бамс, пас налево, удар, еще удар — что-то зашипело... Дальше помню чей-то истошный вопль — то ли мой, то ли Клячко, — я лежу животом на бомбе, Академик на мне, сверху еще человека два, толчок, сотрясение, еще сотрясение... «Мала куча, кидай лучше!» — «Трамбуй, баба, трамбуй, дед, заколдованный билет!..» — «Предохранитель. Держи предохранитель», — шепнул Клячко и обмяк: трехсекундный обморок, с ним бывало... Очутившись на улице, мы обнаружили, что Клячко потерял в свалке свою кепочку, вот эту самую, но мы, конечно, за ней не вернулись, а что было духу пустились бежать. «Стой,—вдруг остановился Клячко, абсолютно белый, с мигающим левым глазом. — Дай... дай сюда и иди... Домой». Кукла была у меня, я не мог оторвать от нее рук и ответил ему пинком. Он порозовел. Пошли дальше прогулочным шагом.

Портфели наши тоже остались в раздевалке, на другой день нам их вернули, а вот кепчонка исчезла надолго... В тот же вечер мы испытали куклу на пустыре, за школой глухих — пострадали только ближайшие стекла.

— Ничего себе куколка.

— Все-таки он был мальчик, притом сверхтипичный... После этой истории немедленно выбросил все свои склянки и реактивы, правда, потом кое-что приобрел снова. «Я не учел, что теория неуместности должна иметь неуместное подтверждение»,—сказал он.

НИЧЕЙНАЯ БАБУШКА

В первый класс он явился неполных семи лет, с изрядными познаниями в классической литературе (которые я могу теперь оценить лишь по смутным воспоминаниям), со знанием наизусть всего Брема и с представлением о теории бесконечно малых. Кроме того, был автором около четырех десятков изобретений, подробно описанных в специальной тетради (я запомнил из них только некий универтаз, мухолет, охотничий велосипед особой конструкции, ботинки-самочинки, складные лыжи и надувной книжный шкаф), оригинальных иллюстраций к «Приключениям Тома Сойера», научного трактата «Психология кошек», оперы

«Одуванчик», сказки «О том, как великий йог Вшивананда превратился в лошадь и что из этого вышло», многосерийного комикса «Сумасшедшая мышь» и прочая и прочая, включая книгу Синих Стихов. Толстая общая тетрадь со стихами, написанными синим карандашом, — стихи он писал только так. Один мне запомнился (не ручаюсь за полную точность).

ПРО ЧЕЛОВЕЧКА, КОТОРОГО НЕ УСЛЫШАЛИ

В морозный зимний вечер,
когда легли мы спать,
замерзший Человечек
пришел в окно стучать.

— Впустите! Дайте валенки!
Стучал, стучал, стучал...
Но он был слишком маленький.
Никто не отвечал.

Тогда он догадался,
как много сил в тепле,
в прыгал, в катался,
и плакал на стекле.

Он слезы здесь оставил,
врисованные в лед,
а сам совсем растаял
и больше не придет.

— Любопытно. Довольно взросло...

— Здесь было и предсказание... А вот из более позднего, лет через семь — вот какой перелет:

Уснувший шмель, от счастья поседевший,
как самурай, ограбивший казну,
предав свой сан, раскланиваясь с гейшей,
притом припомнив вишню и весну,
фонтан и харакири в теплом доме,
в смертельной искупительной истоме
с шиповника безвольно соскользнул
и полетел — хоть полагалось падать —
куда-то ввысь, где сон и облака
соединила в цепи львов и пагод
небрежная, но строгая рука
хозяина цветов и расстояний.

Он в голубом сегодня. Он закат
освободил от тягот и влияний,
но медлит, будто сам себе не рад...

Вы могли бы подумать, что с этим мальчиком начали спозаранку заниматься, как-то там особенно развивать, или среда была повышенно культурная. Опи-

сываю обстановку. Перегороженная на три закусочная комната в коммунальной квартире на 28 жильцов. Безмерной, как нам тогда казалось, длины коридор, завершавшийся черной ванной с колонкой; чадная кухня с толпившимися на ней громадными дяденьками и тетеньками (постепенно уменьшавшимися в размерах); запах многосуточных щей, замоченного белья...

— Знакомо, знакомо...

— Таких колоссальных черных тараканов, как в ванной и туалете этой квартиры, нигде более я не видел. Академик уверял меня, что они обожают музыку. И действительно, как-то при мне он играл им в уборной на флейте, которую сделал из старого деревянного фонендоскопа. Слушатели в большом количестве выползали из углов, благодарственно шевеля усами, и послушно заползали в унитаз, где мы их и топили. (Яростный стук в дверь: «Опять здесь заперся со своей дудкой!..») Парочку экземпляров средней величины однажды принес в школу, чтобы показать на уроке зоологии, как их можно вводить в гипноз, но экземпляры каким-то образом оказались в носовом платке завуча Клавдии Ивановны...

Трудно сейчас, оглядкой, судить о его отношениях с родителями — я ведь наблюдал Академика из того состояния, когда предки воспринимаются как нечто стандартное, присущее человеку как неизбежное зло или как часть тела... Отец — типографский рабочий, лентотипист, хромоидный инвалид; дома его видели мало, в основном в задумчиво-нетрезвом состоянии. «Ммма-а-айда-да-айда, — тихое, почти про себя, мычание — мммайда-да-айда-а-а...» — никаких более звуков, исходивших от него, я не помню. Мать — хирургическая медсестра, работала на двух ставках. Маленькая, сухонькая, черно-седая женщина, казавшаяся мне похожей на мышь, большие глаза, того же чайного цвета, никогда не менявшие выражения остановленной боли. Вместо улыбки — торопливая гримаска, точные, быстрые хозяйственные движения, голос неожиданно низкий и хриплый.

Академик ее, надо думать, любил, но какой-то неоткровенной, подавленной, что ли, любовью — это часто бывает у мальчиков... Она, в свою очередь, была женщиной далекой от сентиментальности. Я никогда не замечал между ними нежности.

Еще были у Клячко две сестры, намного старше его, стрекотливые девицы независимого поведения; они

часто ссорились, на нас тоже покрикивали и вели, насколько мы могли понять, напряженную личную жизнь; одна пошла потом по торговле, другая уехала на дальнюю стройку. А в самом темном закутке, на высоком топчане, лежала в многолетнем параличе «ничейная бабушка», как ее называли, неизвестно как попавшая в семью еще во время войны, без документов, безо всего, так и оставшаяся. В обязанности Клячко входило кормить ее, подкладывать судно, обмывать пролежни.

— И он?..

— Справлялся довольно ловко, зажимал себе нос бельевой прищепкой, когда запах становился совсем уж невыносимым. Старуха только стонала и мычала, но он с ней разговаривал и был убежден, что она все понимает. Эту бабуся он, кажется, и любил больше всех. Под топчаном у нее устроил себе мастерскую, лабораторию и склад всякой всячины.

— А свои деды-бабки?

— Умерли до войны и в войну. Материнский дед, из костромских слесарей, самоучкой поднялся довольно-таки высоко: имел три высших образования — медицинское, юридическое и философское, был некоторое время, понимаете ли, кантианцем. От деда этого и остались в доме кое-какие книги. В остальном влияния практически не ощущалось.

Главным жизненным состоянием Академика была предоставленность самому себе. Особого внимания он как будто бы и не требовал; до поры до времени это был очень удобный ребенок: неплаксивый, в высшей степени понятливый, всегда занятый чем-то своим. Обзавелся еще и способностью ограждать себя от внимания, уходить не уходя, — защитным полем сосредоточенности...

Его мозг обладал такой могучей силой самообучения (свойственной и всем детям, но в другой степени), что создавалось впечатление, будто он знал все заранее, до рождения. Однажды мать, вызванная для внушения классной руководительницей — «читает на уроках посторонние книги, разговаривает сам с собой», — с горечью призналась, что он родился уже говорящим. Думаю, это было преувеличение, но небольшое. Он рассказывал мне сам, и в это уже можно вполне поверить, что читать научился в два с половиной года, за несколько минут, по первой попавшейся брошюрке о противопожарной безопасности. Выспросил у сестры, что такое значат эти букашки, — и все...

— Как маленький Капабланка, наблюдавший за первой в жизни шахматной партией?..

— Вот-вот, моментально. Писать научился тоже сразу сам, из чистого удовольствия, переписывая книжки, особо понравившиеся. Оттого почерк его так и остался раздельным, мелкопечатным, будто отстуканным на машинке. Он не понимал, как можно делать грамматические ошибки, если только не ради смеха. Так и не поверил мне, что можно всерьез не знать, как пишется «до свидания»...

Во втором классе уверял меня, будто отлично помнит, как его зачинали (подобное захватывающее описание) и даже как жил до зачатия, по отдельности в маме и папе. «А до этого в бабушке и дедушке?» — спросил я наивно-материалистически. «Ну нет, — ответил он со снисходительной усмешкой, — в бабушек и дедушек я уже давно не верю, это пройденный этап. В астралы родителей меня ввела медитация из Тибета, знаешь, страна такая? Там живут далай-ламы и летучие йоги». — «А что такое астралы? Это самое, да? — «Дурак. Это то, что остается у привидений, понятно?» — «Сам дурак, так бы я и сказал. А мордитация? Колдовство, что ли?» — «Медитация?.. Ну, приблизительно. Сильный астрал может повлиять на переход из существования в существование. До этого рождения я был гималайской пчелой». — «А я кем?» — Ты?.. Трудно... Может быть, одуванчиком».

— И о переселении душ успел начитатьсь?

— Книжки работали в нем как ядерные реакторы. Очень быстро сообразив, что бесконечными «почему» от взрослых ничего не добьешься, пустился в тихое хищное путешествие по книжным шкафам. Скоротечнo обучаться не приходилось, оно было в крови — ширк-ширк! — страница за страницей, как автомат, жуткое зрелище. И пока родители успели опомниться, вся скромная домашняя библиотека была всосана в серое вещество. Впрочем, не исключено, что у Академика мозги имели какой-то другой цвет, может быть, оранжевый или синий (шучу, конечно)...

На всякого взрослого он смотрел прежде всего как на возможный источник книг и приобрел все навыки, включая лезть, чтобы их выманить, хотя бы на полчаса.

Тексты запоминал мгновенно, фотографически. «Пока еще не прочел, только запомнил, — сказал он

мне как-то об одной толстой старинной книге по хиромантии, — пришлось сразу отдать».

Кто ищет, тот найдет, и ему везло. Подвернулась, например, высшей пробы библиотека некоего Небельмесова Ксаверия Аполлинарьевича, соседа по той же квартире. Одинокий очкастый пожилой дяденька этот не спал по ночам, был повышенно бдительным, писал на всех кляузы с обвинениями в злостном засорении унитаза и прочем подобном. Притом страстный библиоман. Маленький Клячко был, кажется, единственным существом, сумевшим расположить к себе эту тяжелую личность. Сближение произошло после того, как Академик подарил Небельмесову «Житие протопопы Аввакума» с неким автографом, извлеченное в обмен на ржавый утюг из утильной лавки.

— «Житие» за утюг?..

— Да, в те времена утильные лавки были что надо, и Кляча, не кто-нибудь, открыл это золотое дно... Сам-то он, как вы уже поняли, в приобретении книг не нуждался. Они питали друг к другу обоюдную стыдливую нежность; на какое-то время Ксаверий вроде бы даже перестал склочничать. Но когда и этот источник питания был исчерпан, юная ненасытность обернулась неблагодарностью: Академик не только перестал посещать Небельмесова, но и написал на него сатирическую поэмку «Ксавериада», которую показал, правда, только мне, а потом спустил в унитаз и тем, конечно же, засорил...

— А кто вычистил?

— Я.

— ?..

— Академик руководил.

— То есть? Стоял над вами и давал ценные указания?

— Хотел сам, но я не позволил. Засорение-то, если уж вам это интересно, произошло по моей вине. Пока он читал мне свое произведение, я давился от хохота, а потом вдруг мне стало ужасно жалко Ксаверия, и я заявил, что ничего более скучного в жизни не слышал. Кляча побледнел, замигал, бросился в коридор, я за ним, он распахнул дверь уборной, бросил в зев унитаза скомканные на ходу листки, спустил воду, унитаз вышел из берегов...

...Жаркий май позвал нас в Измайлово. Мы сбежали с уроков и валялись на траве, купая в солнце босые пятки; вокруг нас звенела и свистела горячая лень.

— Нет, это еще не то... Это все только техника и слова, — говорил он с неправильными паузами, не переставая вглядываться в шебуршащую зелень, — а будущее начнется... когда люди научатся делать себя новыми... Менять лица, тела, — смотри, муравьи дерутся, — характеры, все-все-все... Уже помирились, гляди, напали на косиножку... Сами, кому как хочется. Чтобы быть счастливыми. Эта жизнь будет смешной, будет музыкой... А ты можешь быть счастливым, Кастет. Стрекозус грандиозус...

— Улетел твой стрекозявиус. Почем ты знаешь, буду или не буду?

— Ты можешь понимать. Смотри, а это богомол. Ты умеешь развиваться... А это у него рефлекс такой на опасность... А кто развивается, на того обязательно находит какая-нибудь любовь.

— Ну и зачем, сколько времени он так проваливается? А может, я не хочу развиваться. И никакой этой любви не хочу.

— Обморок, ложная смерть, вроде спячки. Притворяется неодоушевленным... Мы тоже так, в другом смысле. Ты не можешь не развиваться.

— А ты?

— Я?.. Я хотел бы свиваться.

— Свиваться?..

— Я имею в виду развиваться внутрь. Смотри, смотри, это тля...

Все, что он говорил, было забавно и по-детски прозрачно лишь до какого-то предела, а дальше начиналось: один смысл, другой смысл...

Как всем городским мальчишкам, нам не хватало простора и воздуха; зато мы остро умели ценить те крохи, которые нам выпадали. Окрестные пустыри и свалки были нашими родными местами — там мы устраивали себе филиалы природы, жгли костры, прятались, строили и выслеживали судьбу; совершались и более далекие робинзонады: в Сокольники, на Яузу, в Богородское, где нас однажды едва не забодал лось... Клячко любил плавать, кататься на велосипеде, лазить по крышам, просто гулять. Но натура брала свое: гулять значило для него наблюдать, думать и

сочинять, устраивать оргии воображения. Деятельный досуг этого мозга был бы, пожалуй, слишком насыщен, если бы я не разбавлял его своей жизнерадостной глупостью; но кое-что от его густоты просачивалось и ко мне. За время наших совместных прогулок я узнал столько, сколько не довелось за всю дальнейшую жизнь. Из него сыпались диковинные истории обо всем на свете, сказки, стихи; ничего не стоило сочинить на ходу пьесу и разыграть в лицах — только успевай подставлять мозги...

На ходу же изобретались путешествия во времени, обмена душами с кем угодно... За час-два, проведенные с Академиком, можно было побыть не только летчиком, пиратом, индейцем, Шерлоком Холмсом, разведчиком или партизаном, каковыми бывают все мальчишки Обыкновении, но еще и:

знаменитой блохой короля Артура, ночевавшей у него в ухе и имевшей привычку, слегка подвыпив, читать монолог Гамлета на одном из древнепапуасских наречий;

аборигеном межзвездной страны Эном, где время течет в обратную сторону, и поэтому эномцы все знают и предвидят, но ничего не помнят, — так было, по крайней мере, до тех пор, пока их великий и ужасный генний Окчялк не изобрел Зеркало Времени; эта игра неожиданно пригодилась мне через много лет для анализа некоторых болезненных состояний, а название «Эном» Академик дал другому своему детищу, по-серьезнее;

мезозойским ящером Куакуаги, который очень не хотел вымирать, но очень любил кушать своих детенышей, ибо ничего вкуснее и вправду на свете не было;

электроном Аполлинарием, у которого был закадычный дружок, электрон Валентин, с которым они на пару крутились вокруг весьма положительно заряженной протоники Степаниды, но непутевый Аполлинарий то и дело слетал с орбиты; эти ребяташки помогли мне освоить некоторые разделы физики и химии;

госпожою Необходимостью с лошадиной или еще какой-либо мордой (весьма значительный персонаж, появлявшийся время от времени и напоминавший, что игра имеет ограничения);

Чарли Чаплином, червяком, облаком, обезьяной, Конфуцием, лейкоцитом, Петром Первым, мнимым

числом, мушиним императором, психовизором некоего профессора Галиматьяго

и прочая, и прочая — и все это с помощью простой детской присказки: «А давай, будто мы...»

— Так вот откуда ролевой тренинг...

— Обычайший метод детского мышления, достигший у Академика степени духовного состояния. Он серьезно играл во все и просто-напросто не умел не быть всем на свете.

— А как насчет спортивных игр?

— А вот это не очень. Не понимал духа соревнования. Был в курсе спортивных событий, но ни за кого никогда не болел. Когда играл сам, выигрыш был ему интересен только как решение некой задачи или проверка гипотезы, ну еще иногда как действие, в котором возможна и красота. В футбольном нападении отличался виртуозной обводкой, часто выходил один на один, но из выгоднейших положений нарочно не забивал: то паснет назад или ждет, пока еще кто-нибудь выскочит на удар, то начнет финтить перед вратарем, пока не отберут мяч. «Ну что ж ты делаешь, мерин ты водовозный! Опять выкаблучиваешься!..» Правда, в качестве вратаря он подобного не допускал, за реакцию получил даже титул вратаря-обезьяны. А настоящим асом стал в жанре пуговичном...

— Пуговичном?..

— Да, а что вас удивило? Пуговичный футбол — прошу вас, коллега, непременно указать это в книге на видном месте — придумал и ввел в спортивную практику ваш покорный слуга, отчего несколько пострадала одежда моих родителей. В одиннадцать лет от роду на что только не пойдешь в поисках хорошего центрфорварда...

— Серьезно, так вы и есть тот неведомый гений?.. По вашей милости, стало быть, и я срезал с папиного пиджака целую команду «Динамо»?

— Кляча тоже отдал должное этому типично-обыкновененскому увлечению, но и оно у него имело не спортивный характер, а было одним из способов мыслить, каждая позиция была чем-то вроде уравниения, в которое подставлялись всевозможные символы. Однажды он даже начал развивать мне теорию Пи-футбола, как он его окрестил, толковал что-то о модельных аналогах ограничения степеней свободы, где каждый промах, если его выразить в математических терминах, дает структуру для сочинения анекдота, тематическое зерно

для сонатного аллегро или сюжет для романа. Уверял меня, будто бы именно Пи-футбол натолкнул его на идею карты...

Этот момент тоже прошу отметить особо.

Где-то с середины шестого класса он начал составлять карту связи всего со всем. Карта зависимостей, взаимопереходов и аналогий всех наук, всех искусств, всех областей жизни и деятельности, всего, вместе взятого...

Ее нужно было как-то назвать, покороче, и он решил, что название «Эном» из упомянутой уже игры — подходящее по звучанию.

Вначале Эном этот представлял собой действительно подобие карты, с расчерченными координатами, с материками и островами, с невероятным количеством разноцветных стрелок. Потом видоизменился: стрелок стало поменьше, зато появилось множество непонятных значков — шифров связей и переходов; наконец, от плоскостного изображения дело пошло к объемному — какие-то причудливые фигуры из пластилина, картона, проволоки...

Вот возьмем, например, длинноухий вопрос (его эпитет, он любил так говорить: вопрос толстый, лохматый, хвостатый — вопросы для него были живыми существами), — длинноухий, значит, вопрос: почему одним нравится одна музыка, а другим другая? Это область отчасти музыковедения, отчасти социологии, отчасти психологии... Показывал точку в системе координат, объяснял с ходу, что такое социология, то есть чем она должна быть, сколько у нее разных хитрых ветвей... В одну сторону отсюда мы пойдем к материку истории, не миновав континента философии и полуострова филологии; в другую — к океану естественных наук: биологии, физике... Математика, говорил, — это самая естественная из наук, язык Смысловой Вселенной... А вот идет дорожка к плоскогорью физиологии: чтобы разобраться, почему в ответ на одни и те же звуки возникают разные чувства, нужно понять, как человек чувствует, правда ведь? Чтобы это узнать, надо узнать, как работают клетки вообще. Механизм клетки нельзя постичь, не уяснив происхождения жизни, а для этого надо влезть в геологию, геофизику, геохимию — в общем, в конгломерат наук о Земле; ну и конечно же, никак не обойти астрономию, во всем веере ее направлений, все-таки Земля есть прежде

всего небесное тело. И вот мы уже прошли от музыковедения к проблеме происхождения Вселенной, вот такие дела...

ТЕСНОТА МИРА

— Простите Дмитрий Сергеевич, все-таки не понимаю. Почему ваш вундеркинд учился вместе с вами, в обычной школе? Неужели родителям и учителям было неясно...

— Спецшкол для профильно одаренных детей тогда еще не было, школ для глобально одаренных нет и сейчас. Универсальность не давала ему права выбора занятия, как иным не дает недоразвитость...

— А почему не перевели в старшие классы, экстерном? В институт, в университет? Ведь в исключительных случаях...

— Перевести пытались, и даже дважды. Сначала, почти сразу же, из нашего первого «Б» в какой-то далекий четвертый «А». Через две недели у матери хватило ума отказаться от этой затеи. Во-первых, ему там все равно было нечего делать. А во-вторых, четвероклассники над ним издевались. Не все, разумеется, но ведь достаточно и одного, а там нашлось целых двое, на переменах они его «допрашивали», используя разницу в весовых категориях.

В шестом решали на педсовете, исключить ли из школы за АМОРАЛЬНОСТЬ (уточним дальше) или перевести сразу в десятый, чтобы побыстрее дать аттестат. Приходили тетеньки из роно, ушли в недоумении. Отправили все-таки в десятый, к «дядям Степам», как мы их звали. Дяди Степы заставляли его решать самые трудные задачи, которые ему были так же неинтересны, как задачи шестого, а на переменах использовали в качестве метательного снаряда. Продержался недели три, потом с месяц проболел и вернулся к нам.

— И как был встречен?

— С радостью, разумеется. Еще бы, Академик вернулся. «Ну что, Кляча, уволили? Покажи аттестат». Без Академика нам, правду сказать, было скучновато.

— Но ведь ему-то, наверное, было с вами скучно отчаянно?

— Если представить себе самочувствие ананаса на овощной грядке, самолета среди самосвалов... Но на

уроках можно украдкой читать, рисовать, думать, изучать язык — к восьмому он уже читал на японском... Сочинять музыку, разбирать шахматные партии...

— Увлекался?

— Да, одно время... Представляете, как мне было обидно? В шахматы ведь научил его играть я, тогдашний чемпион класса, не кто-нибудь, а у него даже своих шахмат не было. Но я не выиграл у него ни одной партии, только самую первую едва свел вничью. Особенно неприятно было, когда он доводил свое положение, казалось, до безнадёжного, а потом начинал разгром или сразу мат. Не жертвы, а просто издевательство. Я взял с него слово не играть со мной в поддавки...

Быстро стал чемпионом школы, победителем каких-то межрайонных соревнований, получил первый разряд, играл уже вслепую, но потом вдруг решительно бросил — утверждал, что правила оскорбляют воображение, что ладья неуклюжа, ферзь кровожаден, король жалок... «Король не должен никого бить, а только отодвигать, зато после каждого трех шахов должен иметь право рождать фигуры. Пешка должна иметь право превращаться в короля...»

— Ого... А музыке его где учили?

— Дома инструмента не было, но у Ольги Дмитриевны, одной из соседок, было пианино. Дама из старой интеллигенции, иногда музицировала, попытки Шопена, Шуберта... Постучал как-то в дверь, попросил разрешения послушать. Во второй раз попросил позволения сесть за инструмент и подобрал по слуху первые несколько тактов «Весны» Грига, только что услышанной. В следующие два-три посещения разобрался в нотной грамоте, чтение с листа далось с той же лёгкостью, что и чтение книг. Ольга Дмитриевна стала приглашать его уже сама, а потом, когда она переехала, ходил играть к другому соседу, выше этажом. Играл всюду, при всякой возможности, у меня дома тоже, на нашем старом осипшем «Беккере». (Я, любя музыку и имея неплохие данные обычного уровня, был слишком непоседлив, чтобы пойти дальше Полонеза Огинского.) Импровизировать и сочинять он начал сразу же. Вскорости разочаровался в нотной системе, придумал свою — какие-то закорючки, вмещавшие, как он утверждал, в сто одиннадцать раз больше смысла на одну знаковую единицу, чем нотный знак.

Вся партитура оперы «Одуванчик» занимала две или три странички этих вот закорючек.

— Но почему же его не отдали хотя бы в музыкальную школу?

— Отдавали. В порядке исключения принят был сразу же в третий класс. Через три дня запротестовал против сольфеджио, попытался объяснить свою систему и в результате был выгнан с обоснованием: «Мы учим нормальных детей». После этого вопрос о музыкальном образовании больше не возникал, чем сам Клячко был очень доволен. Играл где попало, писал себе свои закорючки, а в школе при случае развлекал нас концертами. Его сочинения и серьезные импровизации успехом не пользовались («Кончай своих шульбертов», — говорил Яська), зато сходу сочиняемые эстрадно-танцевальные пьесы и музыкальные портреты вызывали восторг. Инструментишко в зале стоял страшненький, вдрызг разбитый. Академик его сам сколько смог поднастроил. Участвовал и в самодеятельности, в том числе и в довольно знаменитом нашем школьном эстрадном ансамбле...

— Погодите, погодите... Ваш ансамбль выступал в кинотеатре «Колизей» во время зимних каникул?

— Выступал. Начинали, как водится, с благообразных песен, кончали...

— Худенький, темноволосый, очень белокожий подросток? С отрешенным каким-то взглядом...

— Владислав Клячко — дирижер и партия фортепиано, с тремя сольными номерами.

— Как же тесен мир... Значит, и я его тоже видел. Я был среди зрителей. Он понравился тогда одной моей знакомой девочке, но они, видно, так и не встретились.

— А конференсье нашего случайно не помните?

— Смутно. Что-то серенькое, какой-то вертлявый кривляка?..

— Что-то в этом духе. Это был я.

— Вот уж никак...

— Мир действительно тесноват... А вот на эту картинку вы часто смотрите, я заметил.

(Пейзаж в изящной резной рамке у Д. С. над кроватью. Вода, сливающаяся с небом, нежный закатный свет. Каменистые берега с тонко выписанной растительностью. На дальнем берегу одинокое дерево. Человек в лодке.)

— Я полагал, что-то старое, итальянское...

— Академик написал эту картину десяти лет от роду и подарил мне ко дню рождения. Как вы понимаете, я тогда еще не мог оценить этот подарок. Мои родители не поверили, что это не копия с какого-то знаменитого оригинала.

Он не проходил через период каракуль, а сразу стал изображать людей и животных с реалистическим сходством и пейзажи с перспективой, преимущественно фантастические. Абстракции своим чередом.

— Что-нибудь еще сохранилось?

— Сейчас... Вот... Это я, набросок со спины, по памяти... Несколько карикатур... В том возрасте это был самый ценный жанр, и Кляча щедро отдал ему должное: не оставлен был без художественного внимания ни один однокашник. Афанасий-восемь-на-семь за портрет в стенгазете, над которым хохотала вся школа, пообещал бить Клячу всю жизнь, каждый день по разу, и возможно, выполнил бы свое обещание, если бы мы с Ермилой, у которого были с Афанасием отдельные счета, не устроили ему хорошее собеседование. Что касается Ермилы, то он, наоборот, требовал, чтобы Кляча непременно отобразил его в печатном органе, причем в самом что ни на есть натуральном виде... Дальше — больше: сюрреалистический рисунок обнаженной натуры с лицом классной руководительницы однажды стихийно попал на стол оригинала. Автора выявить несложно: блестящий стиль, рука мастера. Была вызвана мать, потребовали принять меры; дома вступил в действие отец, была порка. Приклеилась формулировочка: «Разлагает класс». Запретили оформлять стенгазету, и он переключился на подручные материалы: тетрадки, обертки и внутренности учебников, бумажки и промокашки. По просьбам рядовых любителей изящных искусств рисовал на чем попало диковинные ножи, пистолеты, мечи, арбалеты, корабли, самолеты...

Но особой популярностью пользовались его кукольные портреты. Представьте себе: из портфеля вынимается небольшая кукла, вроде той злополучной неваляшки, а у нее ваше лицо, ваша фигура, ваши движения, ваш голос...

— Как?

— Клей, проволока, пластилин, пакля, обрывки материи... Механический завод или батарейки, система приводов...

— А голос? Неужели они говорили, его куклы?

— Не говорили, но жестикулировали и издавали характерные звуки. Клавдия Ивановна Сероглазова, например, завуч наш, имела обыкновение, разговаривая с учеником, отставлять правую ногу в сторону, отводить левое плечо назад, голову устремлять вперед и слегка взлаивать, приблизительно вот так (...) В точности то же самое делала ее кукольная модель.

Дома делал серьезные портреты по памяти, но показывать избегал, многое уничтожал. С девяти лет бредил Леонардо да Винчи, после того как увидел в какой-то книге его рисунки; прочитал о нем все возможное, в том числе старую фрейдовскую фантазию; одно время намекал даже, что Леонардо — это теперь он, немножко другой, но...

— В тот самый период веры в переселение душ?

— Нет, попозже. Веры в переселение, думаю, тут уже не было, скорее ощущение родства, именуемого конгениальностью... Он как-то заметил, между прочим, что у каждого человека, кроме высоковероятного физического двойника, должен существовать и духовный близнец...

Я любил наблюдать, как он рождает людей: сперва бессознательные штрихи, рассеянные намеки... Вдруг — живая, точная, знающая линия... Существует, свершилось — вот человек со своим голосом и судьбой, с мыслями и болезнями, странностями и любовью. И вдруг — это уже самое странное — вдруг эти же самые персонажи тебе **ВСТРЕЧАЮТСЯ** за углом, в булочной, в соседнем подъезде — копии его воображения, с той же лепкой черт и наклонностей... Мне было жутковато, а он даже не удивлялся: «**ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРИДУМАНО, МОЖЕТ И БЫТЬ** — разве не знаешь?»

О ТИПИЧНОСТИ

...Кто-то из моих приятельниц в восьмом классе назвал его лунным мальчиком, по причине бледности. Но смеялся он солнечно — смех всходил и сверкал, раскалывался, рассыпался на тысячи зайчиков, медленно таял, — долгий неудержимый смех, всегда по неожиданным поводам, более поразительный, чем заразительный смех, за который его примерно раз в месяц выгоняли из класса.

Если пойдет в книгу, обязательно подчеркните, что это и есть ребенок **т и п и ч н е й ш и й**.

— Как понять?

— У Бальзака, если не ошибаюсь: «Он похож на всех, а на него никто». Определение гения.

— ?

— Перед вами великолепнейший экземпляр розы, тигра или бабочки такого-то вида. Экземпляр исключительной красоты, воплощение идеи вида, говорим мы, сверхтипичность. Но все прочие экземпляры оказываются на него непохожими, он несравненный.

— Определение вундеркинда, не помню чье: нормальный ребенок у нормальных родителей.

— После «От двух до пяти» Чуковского общепризнано, что каждый ребенок в свое время есть натуральный гений. У Академика это время оказалось растянутым до постоянства. Только и всего.

— Об одном моем юном пациенте родители вели записи. У отца была фраза: «Неужели посредственность?» У матери: «Слава богу, не вундеркинд».

— Чуда жаждут, чуда боятся. Но главным образом — чуда не видят.

— Вы хотите сказать, что и мы с вами в свое время были гениями, но нас проворонили?

— Я имею в виду чудо бытия, а не удивительность дарования, то есть какого-то одиого, пусть и высочайшего проявления жизни. И я против функционального подхода, против той идеи, что если ты ничего не совершаешь, ничего собою не представляешь, то тебя как бы и нет, и человеком считаться не можешь. Во всяком случае, трижды против применения этой идеи к ребенку. Одаренность для меня только повод возрадоваться жизни.

— Одну минуту, Д. С., важный вопрос. Мы все-таки говорим сейчас о сверходаренности, о феномене, о крайне нестандартном ребенке...

— Чтобы разглядеть, как под увеличительным стеклом, что стандартных нет.

НИКАКОЙ ТАКТИКИ

...Хорошо, докажу вам, что и обыкновенного в нем было чересчур много.

Кем-кем, а психологом Кляча был никудышным. Все время, покуда я его знал, в общении оставался на грани неприспособленности. Влиться в массу, создать себе в ней удобную роль или маску — то, чему обычный человек стихийно обучается уже где-то в

конце первого десятилетия жизни, — для него было, по всей видимости, непосильно. Прочел уйму книг, в том числе и по психологии, но с реальными отношениями это никак не связывалось.

— Ну это немудрено. Книги одно, жизнь другое...

— Некоторые всплески, правда, удивляли. Например, с точностью почти абсолютной мог угадать, кто из класса когда будет вызван к доске, спрошен по домашнему заданию и т. п., особенно по математике, истории и зоологии...

Легко себе представить, сколь ценной была эта способность в наших глазах и как поднимала нашу успеваемость. Как он это вычислял, оставалось тайной.

Предугадывать, когда эти же самые учителя спросят его самого, он не умел; впрочем, ему это и не было нужно.

Еще помню, как-то, в период очередной моей страдальческой влюбленности, о которой я ему не сказал ни слова, Клячко вдруг явился ко мне домой и после двух-трех незначащих фраз, опустив голову и отведя в сторону глаза, быстро заговорил: «Я знаю, ты не спишь по ночам, мечтаешь, как она будет тонуть в Чистых прудах, а ты спасешь, а потом убежишь, и она будет тебя разыскивать... Но ты знаешь, что тонуть ей придется на мелком месте, потому что ты не умеешь плавать. И ты думаешь: лучше пусть она попадет под машину, а я вытолкну ее из-под самых колес и попаду сам, но останусь живой, и она будет ходить ко мне в больницу, и я поцелую ее руку. Но ты знаешь, что ничего этого никогда не будет...»

Я глядел на него обалдело, хотел стукнуть, но почувствовал, что из глаз текут ручейки. «Зачем... Откуда ты все узнал?» — «...У тебя есть глаза».

— И вы говорите, что никакой психолог...

— А вот представьте, при эдаких-то вспышках этот чужак умудрялся многое не понимать, просто не видеть.

Не чувствовал границ своего Запятерьья. Не догадывался, что находится не в своей стае, что его стаи, может быть, и вообще нет в природе... Не видел чайными своими глазами, а скорее, не хотел видеть, что была стенка, отделявшая его от нас, стенка тончайшая, прозрачная, но непроницаемая. Мы-то ее чувствовали безошибочно.

Он был непоколебимо убежден, что назначение слов состоит только в том, чтобы выражать правду и

смысл, вот и все. Никакой тактики. С шести лет все знавший о размножении, не понимал нашего возрастного интереса к произнесению нецензурных слов — сам если и употреблял их, то лишь сугубо теоретически, с целомудренной строгостью латинской терминологии. Но кажется, единственным словечком, для него полностью непонятным, было нам всем знакомое, простенькое — «показуха».

В четвертом классе лавры успеваемости выдвинули его в звеньевые, и он завелся: у звена имени Экзюпери (его идея, всеми поддержанная, хотя, кто такой Экзюпери, знали мало) — у экзюперийцев, стало быть, — была своя экзюперийская газета, экзюперийский театр, экзюперийские танцы и даже особый экзюперийский язык. С точки зрения классной руководительницы, однако, все это было лишним — для нее очевидно было, что в пионерской работе наш звеньевой кое-что неправильно понимает, кое-не-туда клонит. После неофициальной докладной Чушкина, претендовавшего на его титул, Клячко был с треском разжалован, на некоторое время с него сняли галстук. Обвинение звучало внушительно: «Противопоставляет себя коллективу». Хоть убей, не припомню, чтобы он себя кому-либо или чему-либо противопоставлял. Народ организованно безмолвствовал. Я был тоже подавлен какой-то непонятной виной... Решился все же попросить слова и вместо защитной речи провякал вяло и неубедительно, что он, мол, исправится, образумится, дайте срок, он больше не будет. Академик заплакал. «Тут чья-то ошибка, — сказал он мне после собрания, — может быть, и моя. Буду думать».

Результаты размышления остались мне неизвестны.

Не постигал и того, почему получает пятерки. Удивлялся: даже заведомо враждебные, придирающиеся учителя (было таких только двое или трое, его не любивших, но среди них, к несчастью, классная руководительница) ставят эти самые пятерки с непроницаемой миной, скрипя сердцем (мое выражение, над которым Клячко долго смеялся), — что же их вынуждает?

А всем было все ясно, все видно, как на бегах. Да просто же нельзя было не ставить этих пятерок — это было бы необыкновенно. Учительница истории вместо рассказа нового материала иногда вызывала Клячко. Про Пелопоннесскую войну, помнится, рассказывал так, что нам не хотелось уходить на перемене.

ну. «Давай дальше, Кляча! Давай еще!» (У Ермилы особенно горели глаза.)

— А как обстояли дела с сочинениями на заданную тему?

— Однажды вместо «Лишние люди в русской литературе» (сравнение Онегина и Печорина по заданному образцу) написал некий опус, озаглавленный «Лишние женщины в мировой классике». Произведение горячо обсуждалось на педсовете. (У нас в школе было только трое мужчин: пожилой математик, физкультурник и завхоз.) Потом стал, что называется, одной левой писать нечто приемлемое. Кстати сказать, он действительно хорошо умел писать левой рукой, хотя левшой не был. А один трояк по географии получил за то, что весь ответ с ходу зарифмовал. «Что это еще за новости спорта?» — поморщилась учительница, только к концу ответа осознавшая выверт. Он усиленно замигал. «Ты, это, зачем стихами, а?» — с тревогой спросил я на перемене. «Нечаянно. Первая рифма выскочила сама, а остальные за ней побежали».

За свои пятерки чувствовал себя виноватым: не потел, не завоевывал — дармовщина. Но все же копил, для себя, ну, родителям иногда... Еще мне — показать, так, между прочим, а я-то уж всегда взирал на эти магические закорючки с откровеннейшей белой завистью, сопереживал ему, как болельщик любимой команде. Вот, вот... Ерунда, в жизни ничего не дает, но приятная, новенькая. Особенно красными чернилами — так ровно, плотно, легко сидит... Лучше всех по истории: греческие гоплиты, устремленные к Трое, с пиками, с дротиками, с сияющими щитами — и они побеждают, они ликуют! По математике самые интересные — перевернутые двойки, почерк любимого Ник. Алексанчыча... И по английскому тоже ничего, эдакие скакуньи со стремительными хвостами...

Пять с плюсом — бывало и такое — уже излишество, уже кремовый торт, намазанный сверху еще и вареньем. Но аппетит, как сказано, приходит во время еды. Хорошо помню, как из-за одной из троек (всего-то их было, кажется, четыре штуки за все время) Кляча долго с содроганием рыдал... А потом заболел и пропустил месяц занятий.

— Однако ж он был хрупок, ваш Академик.

— Да, но странно — казуистические двойки за почерк, к примеру, или за то сочинение не огорчали его нимало, даже наоборот. Пусть, пусть будет пара, хро-

мая карга, кривым глазом глядящая из-под горба! Сразу чувствуешь себя суровым солдатом, пехотинцем школьных полей — такие раны сближают с массами. Ну а уж единица, великолепный кол — этого Академик не устаивался, это удел избранных с другого конца. Кол с вожжами (единица с двумя минусами) был выставлен в нашем классе только однажды, Ермиле, за выдающийся диктант: 50 ошибок — это был праздник, триумфатора унесли на руках, с песней, с визгом — туда, дальше, в ЗАЕДИНИЧЬЕ...

НЕИСПОЛЬЗОВАННАЯ ПОБЕДА

«Да, Кастаньет, человек в высшей степени непонятен», — сказал он мне как-то после очередной драки, и это «в высшей степени» прозвучало так, что у меня на мгновение потемнело в глазах...

Как вы хорошо знаете, одно дело быть знаменитым, другое — уважаемым и третье — любимым. Я, например, и понятия не имел, что примерно с седьмого класса ходил в звездах, узнал об этом только через пятнадцать лет, на встрече бывших одноклассников, — немногие враги были для меня убедительнее многих друзей. Мой другой близкий друг, Яська, был одновременно любим за доброту, презираем за толщину (потом он стал стройным, как кипарис, но остался Толстым — кличка прилипла), уважаем за силу и смелость, кое-кем за это же ненавидим... «Репутация — это сказка, в которую верят взрослые», — как сказал однажды Клячко. Другое дело, что для каждого эта сказка значит чересчур много.

Я узнал потом, что, кроме меня и Яськи, который умудрялся любить почти всех, в Академика были влюблены еще трое одноклассников, и среди них некто совсем неожиданный, часто выступавший в роли травителя... Был и. о. Сальери — некто Одинцов, патентованный трудовой отличник, все долгие десять лет «шедший на медаль», в конце концов получивший ее и поступивший куда следует. Этот дисциплинированный солидный очкарик, помимо прочих мелких пакостей, дважды тайком на большой перемене заливал Клячины тетради чернилами, на третий раз был мною уличен и на месте преступления отлуплен. Были и угнетатели, вроде Афанасия-восемь-на-семь, гонители злые и откровенные. То же условное целое, что можно было назвать классным коллективом, эта таин-

ственная толпа, то тихая, то галдящая, то внезапно единая, то распадающаяся,— была к Кляче, как и к каждому своему члену, в основном равнодушна.

Безвыборность некоторых параметров существования ранила его жесточе, чем остальных.

Обыкновения, если помните, не слишком уж церемонна, не слишком гостеприимна: никак, например, ну никак не может пройти мимо твоей невыбранной фамилии, чтобы не обдать гоготом, чтобы не лягнуть: ха-ха, Кляча! Да еще учителя хороши, вечно путают ударение: вместо Клячкѳ, глубокомысленно уставившись в журнал, произносят: Клячко — ха-ха, Клячка, маленькая клячонка, резвая, тощенькая... В самом деле, какой же шутник придумал это Клячко, эту Клячу Водовозную, Клячу Дохлую? Это он-то, которого Ник. Алексанч прямо так, вслух, при всех назвал гениальным парнем?.. Эх, муть это все, ваша дурацкая гениальность, кому она нужна. Видали вы когда-нибудь вратаря по фамилии Дырка? А нападающего Размазюкина? А полузащитника Околелова? А песню такую старую помните: «П-а-аче-му я ва-да-воз-аа-а?»

Почему не Дубровский, не Соколов, не Рабиндранат Тагор, не Белоконь, на худой конец?

Теперь понимаю, что фамилия эта оскорбляла его всего более эстетически — он не желал и не мог с ней внутренне отождествиться, это была НЕ ЕГО фамилия.

Красавец Белоконь, звездно-высокомерный, великолепно-небрежный король — Белокоиь, в которого потом влюбилась молодая учительница английского и, как болтали злые языки, что-то с ним даже имела, какой-то поцелуй в углу, что ли, — этот всеобщий кумир и источник комплексов сидел через парту, не подозревая о своем статусе, в сущности, простодушный... И однажды Академик все-таки испытал нечто вроде горького семейного удовлетворения. Учительница физики, добрейшая и рассеянейшая пожилая дама по кличке Ворона Павловна, намереваясь проверить усвоение учениками закона Ома и глядя в некое пространство, сонным голосом произнесла: «Белоключ...», что составило синтетическую лошадиную фамилию еѳѳ, Клячи, и обожаемого Белоконя. Тут и произошла вспышка, засияла вольтова дуга родственности — оба они, под проливным хохотом, медленно поднялись... Вероника Павловна еще минут пять строго улыбалась. К доске так никто и не вышел.

Два друга — я да в меньшей степени Яська — оба мучали его неверностью, точнее сказать, многоверностью, а он был, как все гении, глубоко ревнив. Увлекал нас мощью своего интеллекта, околдовывал в тишине, но моментально терял в крикливой толкотне сверстников. При всей своей шарнирной живости совершенно не мог выносить нашего гвалта, возни, мельтешения в духоте — сразу как-то хирел, тупел, зеленел, словно отравленный, а на большой перемене пару раз тихо валился в обморок. Потом завел привычку забираться на больших переменах куда-то под лестницу последнего этажа, в облюбованный уголок, и там что-то писал, вычислял, во что-то играл сам с собой. Когда я подходил, случалось, шипел, лягался...

Альфа в положении Омеги — такая вот странность. В дружеской борьбе один на один, как и в шахматах, равных не ведал: и меня, и Яську, тяжелого, как мешок с цементом, и того же Афанасия-восемь-на-семь валял как хотел, брал не силой, даже не ловкостью — какое-то опережение... Но я уже и тогда понимал, что для с т а т у с а (слова этого у нас, разумеется, не было, но было весьма точное древнее чувство) такая борьба не имеет практически никакого значения: ну повалил, ну и ладно, подумаешь, посмотрим еще, кто кого. В серьезных стычках Кляча всегда и всем уступал, в драках терпел побои, не мог ударить ни сильнейшего, ни слабейшего, мог только съязвить изредка, но на слишком высоком уровне. Можно ли быть уважаемым, в мужской-то среде, если ни разу, ну ни единожды никому не двинул, не сделал ни одного движения, чтобы двинуть, ни разу не показал глазами, что можешь двинуть?

Клячу считали просто-напросто трусом, но я смутно чувствовал, что это не трусость или не обычная трусость — какой-то другой барьер...

На школьный двор как-то забежала серенькая, с белыми лапками кошка. Переросток Иваков из седьмого «А», здоровенный бугай, по слухам имевший разряд по боксу и бывший своим в страшном клане районной шпаны под названием «киксы», кошку поймал и со знанием дела спалил усы. Иваков этот любил устраивать поучительные зрелища, ему нужна была отзывчивая аудитория. Обезусевшая кошка жалобно мяукала и не убегала: видимо, в результате операции потеряла ориентировку. Кое-кто из при сем присутст-

вующих заискивающе посмеивался, кое-кто высказывался в том смысле, что усы, может быть, отрастут опять. Иваков высказался, что надо еще подпалить и хвост, только вот спички кончились. Кто-то протянул спички, Иваков принял. Я, подошедший позже, в этот миг почувствовал прилив крови к лицу — прилив и отлив... «Если схватить кошку и убежать, то он догонит, я быстро задыхаюсь, а если не догонит, то встретит потом. Если драться, то он побьет. Если вдруг чудо и побью я, то меня обработает кто-нибудь из киксов, скорее всего Колька Крокодил или Валька Череп, у него финка и судимость в запасе...»

И вдруг, откуда ни возьмись, подступает Клячко, с мигающим левым глазом.

— Ты что... ты зачем...

Иваков, не глядя, отодвигает его мощным плечом. И вдруг Кляча его в это самое плечо слабо бьет, и не бьет даже, а просто тыкает. Но тыкает как-то так, что спички сами собой падают и рассыпаются.

Клячко стоит, мигает. Трясется, как в предсмертном ознобе.

В этот миг я его предал.

— Собери,—лениво говорит Иваков, указывая на рассыпавшийся коробок.

— Не соберу,—говорит Клячко, но не говорит, только смотрит и почему-то перестает мигать.

Все приготовились к привычному зрелищу профессиональной расправы. *В этот миг я предал его в тысячекпервый раз.*

Иваков на четыре года старше и на 15 килограммов тяжелее. Иваков понимающе смотрит на Клячко сверху вниз. Иваков слегка ухмыляется правой одной стороной своего лица. Иваков ставит левую ногу чуть-чуть на носок. Иваков сценически медлит. Небрежно смазывает Клячко по лицу, но... Тут, очевидно, получилась какая-то иллюзия восприятия — Иваков как бы сделал, но и не сделал этого. Ибо — трик-трак — невеста откуда взявшимся профессиональным прямым слева Клячко пускает ему красную ленточку из носу и академическим хуком справа сбивает с ног. Четко, грамотно, как на уроке. Но на этот раз никто, в том числе и я, своим глазам не поверил. Да и самого Клячко в этот момент как бы не было, только траектории кулаков.

Иваков встает с изумленным рычанием. Иваков делает шаг вперед, его рука начинает движение, и кадр

в точности повторяется. Иваков поднимается опять, уже тяжело, как бы бьет, и еще раз — трак-тарарик — то же самое в неоклассическом варианте: хук в нос слева, прямой в зубы справа и еще четверть хука в челюсть, вдогон. Нокаут.

Иваков уползает, окровавленный и посрамленный. Убегает наконец и что-то сообразившая кошка. Но вот она, непригодность для жизни — с Клячко сделалось что-то невообразимое, он сам тут же и уничтожил плоды незаурядной победы, сулившей ему принципиально иной статус. Иваков-то уполз, а Кляча упал на землю, Кляча зарыдал, завыл благим матом, забился в судороге — короче, с ним вышла типичнейшая истерика и, хуже того, тут же его стошнило, чуть не вывернуло наизнанку... Все сразу потеряли интерес, разошлись. Мы с подоспевшим Яськой насилу дотащили его домой: у него подкашивались ноги, он бредил, уверял, что теперь должен улететь. «Куда?» — «В Тибет... В Тибет... Все равно...» Недели две провалялся с высоченной температурой.

Целый месяц со дня на день мы ждали расправы со стороны Ивакова и его киксов, но Иваков куда-то пропал.

МАЭСТРО ЗАЕДИНИЧЬЯ

Вовка Ермилин был старше меня года на два. В наш класс попал на четвертом году обучения в результате второгодничества. Белобрысый, с лицом маленького Есенина, худенький и низкорослый, но ловкий и жилистый, очень быстро поставил себя как главарь террористов, то бишь отрицательный лидер, свергнув с этой должности Афанасия. Перед ним трепетали даже старшеклассники. И не из-за того, что он много дрался или применял какие-то особые приемчики, нет, дрался не часто и не всегда успешно: Яська, например, на официальной стычке его основательно поколотил, после чего оба прониклись друг к другу уважением. Силы особой в нем не было — но острый режущий нерв: светло-голубые глаза стреляли холодным огнем, а когда приходил в ярость, становились белыми, сумасшедшими.

Отец Ермилы был алкоголик и уголовник; я видел его раза два, в промежутках между заключениями, — отекший безлицый тип, издававший глухое рычание. Сына и жену бил жестоко. Мать уборщица — худень-

кая, исплаканная, из заблудившихся деревенских. В комнатенке их не было ничего, кроме дивана с торчащими наружу пружинами и столика, застеленного грязной газетой. Был Ермила всегда плохо одет и нередко голоден — нынче такие дети уже не встречаются...

Странная симпатия, смешанная с неосознанным чувством вины, тянула меня к нему.

У него никогда не было ни одной собственной книги. Я давал ему читать кое-что приключенческое, но дело это шло у него с трудом. Зато я жадно впитывал его рассказы о приключениях, казавшихся мне настоящими, о тайной жизни улиц, пивных, подворотен, рассказы на жарком жаргоне, убогом по части слов, но не лишенном разнообразия в интонациях. Рассказывал, давая понять, что мне до этого не дорасти никогда...

Однажды зимой Ермила спас школу от наводнения, заткнув некоей частью тела огромную дырку в лопнувшей трубе: почти полчаса пришлось ему пробывать в неестественной позе, сдерживая напор ледяной воды. Память имел прекрасную на все, кроме ненавистных уроков, любил яркими красками рисовать цветы, пел голубым дискантом тюремные песни...

Символический эпизод: незадолго перед исключением Ермила взял да и выставил себе в табеле уйму красивейших пятерок по всем-всем предметам, в том числе и по пению, которому нас почти не учили в связи с перманентной беременностью учительницы, и по психологии, которой вообще не учили. Был, конечно, скандал и смех, но никто не услышал крика...

«А я пары получаю только потому, что... Хотя и хулиганю, и на вид дурак дураком — так я вам и сказал... Сам как-нибудь разберусь... Я только коплю злость, а вы меня продолжаете колотить, распинать своими отметками, продолжайте, я уже без этого не могу! А завтра я пошлю вас... и найду другую компанию, где меня оценят на пять с плюсом. Я уже нашел!..»

Это была, как вам понятно уже, компания аборигенов Заединичья, а именно клан колявых, известный исключительной оперативностью собирания кода и то объединявшийся, то враждовавший с киксами. У колявых этих тоже водились ножички («перья») и, кроме того, в ходу были огрызки опасных бритв. Через посредство Ермилы и я был некоторое время вхож в

это общество и посвящен в кое-какую экзотику, когда-нибудь расскажу... Сейчас же добавлю только одну деталь: Ермила, похожий, как я уже сказал, на Есенина, писал втайне стихи. Я был, наверное, единственным, кому он решился показать замызганную тетрадку... Одну минуту... У меня остались...

ВОСЬМОЕ МАРТА

Мама, мама, я всех обижаю,
мама, я никого не люблю.
Ночью сам себе угрожаю,
сам себя по морде до крови бью.

Мама, мне дали звание хулигана.
Я хуже всех, я дурак и говно.
Ихнее счастье, что нету нагана,
они все боятся, а мне все равно.

Мама, меня приучают к порядку,
завуч Клавдюха клепает чужие грехи.
Когда я умру, ты найдешь тетрадку
и прочитаешь эти стихи.

Мама, я не такой безобразник,
мамочка, лучше всех это ты.
Мама, прости, что на этот праздник
я не принес цветы.

(Грамматические ошибки опускаю. — В. Л.)

Есенина Ермила никогда не читал. Несколько раз уличаю был в кражах: воровал завтраки, самописки, карманные деньги, однажды вытащил половину зарплаты у физкультурника — то, что взял только половину, его и выдало, и спасло. Потом в каждой краже стали подозревать его, и на этом некоторое время работал какой-то другой маэстро, пожелавший остаться неизвестным.

Первым ученикам не было от Ермилы прохода; очкарика Одинцова просто сживал со свету, заставлял бегать на четвереньках. Клячу тоже доставал: дразнил всячески, изысканно материл, задевал плечом, подставлял подножки, изводил «проверкой на вшивость» и прочим подобным, сдачи не получил ни разу, и это его бесило. «Ну что ж ты, Водовоз? Хоть бы плюнул... Иди пожалуйста, а?.. У!.. Дохлый ты... воз».

И однако, когда Академик рассказывал что-нибудь общедоступное или играл на пианино, Ермила слушал жаднее всех, буквально с открытым ртом, и первый бежал смотреть его рисунки и куклошаржи. Когда же я со всей возможной убедительностью попросил его

наконец оставить Клячко в покое на том основании, что он мой друг, Ермила вдруг покраснел, чего с ним никогда не бывало, и, накалив глаза добела, зашипел:

— ...Ты петришь?.. Может, ему так надо, законно, понял?! Может, ему нравится! Может, я тоже, понял...

УСТАЛОСТЬ НА СПУСКЕ

«Кастет, прости, прошу тебя, друг единственный, пойми и прости!

Из-за меня у вас развалился вечер, я виноват, но поверь, я не хотел этого, не обиделся и не хотел обидеть, ушел просто из-за бессмысленности... Не свою музыку можно слушать какое-то время, но потом это становится исчезновением... А бутылочка с поцелуйчиками... Ты великий мастер сдерживать тошноту, только зачем, Кастет?..

Нам не узнать, как любим мы друг друга,
как не зайти за зеркало глазам,
как не решиться квадратуре круга,
как не сойтись магнитным полюсам...

Пойдем дальше, пойдем дальше вместе!.. Помнишь, ты сам заметил, что когда мы хотим быть похожими, не получается, а когда хотим отличаться, делаемся похожими?.. Друг к другу идти долго, Кастет, может быть, вечно...

Я обещал рассказать тебе тот повторяющийся сон ПРО ТЕБЯ — да, я в нем становлюсь почему-то тобой... Ты идешь в гору, к вершине — она зовет тебя, ты не можешь не идти, она тянет, все твое существо к ней стремится... Идешь с попутчиками, дорога все круче, попутчики отстают... Но еще один рядом... Ты с ним говоришь, что-то объясняешь и вдруг обнаруживаешь, что язык твой ему непонятен. Попутчик смеется и говорит: «Обрыв. Разве не видишь? Дальше некуда». Исчезает... А ты карабкаешься — дороги уже нет, только скалы и никакой растительности, и ветер проиизывает... Чтобы не было страшно, говоришь сам с собой... И вдруг правда — ОБРЫВ! ТВОЙ ЯЗЫК СТАНОВИТСЯ НЕПОНЯТНЫМ ТЕБЕ САМОМУ. Ты смеешься и плачешь, потому что Твоя Вершина осталась в недосыгаемости... И тогда... И тогда ты прыгаешь вниз, в пропасть, Кастет,— и вдруг молния, и ты летишь на ней, ты летишь на молнии — ты не падаешь, ТЫ ЛЕТИШЬ!..»

Одно из его посланий после очередной нашей ссоры. Я почти все выбрасывал, иногда даже не дочитав до конца...

К восьмому классу Академик еще не сильно вытянулся, но уже приобрел черты нежной мужественности: над детским припухлым ртом появилась темная окантовка; волна вороных волос осветила выпуклость лба; глаза под загустевшими бровями — две чашки свежесваренной мысли — обрели мерцающий блеск и стали казаться синими. При этом, однако же, несколько ссутулился, стал каким-то порывисто-осторожным в движениях...

Когда я, как бы между прочим, поинтересовался, не имеет ли он еще определенного опыта и не собирается ли перейти от теории к практике, он вскинул брови и легко улыбнулся. «Я пока сублимируюсь». — «Это еще что?..» — «Подъем духа энергией либидо». — «Либидо?..» — «Ну, влечение... Питаешься, как от батареек. Стихи, музыка, мысли... И хорошее настроенное, если справляешься». — «А если не справляешься?» — «Ну, тогда... Как можно реже и равнодушнее». — «А девочки... а женщины? Ты что, не хочешь?..» — «Ну почему же. Только со своей музыкой, не чужой. Имею в виду маловероятную любовь». — «Маловероятную?..» — «Примерно один шанс из миллиона. А все прочее сам увидишь... Безумная скука». — «Вообще-то да, в основном гадость. А все-таки... А вот иногда во сне...» — «Физиология, не волнуйся. Там, во сне, если только не боишься, можешь узнать очень многое...»

Я еще просил его иногда кое-что переводить с запятерского. Один раз, помню, назойливо пристал с требованием объяснить, что такое «гештальт». Как раз в это время я увлекся лепкой. Могучая тяжесть растопыренной ладони творца, погружающейся в первозданную глину...

— Гештальт — это вот, а?.. Берешь кусок гипса, здоровый такой — хап, а он у тебя под пальцами — бж-ж, расплывается, а ты его — тяп-ляп, и получается какая-нибудь хреновина, да? Это гештальт?

— Ну ты где-то интуичишь... Организация восприятия... Любая хреновина может иметь гештальт, может и не иметь, но если изменить восприятие... Возможность смысла, возможность значения, понимаешь? В структуралистской логике...

Он прервался и жалобно на меня посмотрел.

И вдруг я осознал: все... Тот самый обрыв. Я больше не мог за ним подниматься. Я устал, задыхался, катился вниз, а он **УСТАВАЛ СПУСКАТЬСЯ**. Играл нам общедоступные шлягеры, а меж тем в висках его, выпуклых шишковатых висках с радарными ушей, звучали инструменты, которых нет на земле. Все дальше, все выше — он не мог этому сопротивляться...

...Но там, наверху, там холодно. Там — никого. Только призраки тайных смыслов и вечных сущностей, там витают они в вихрях времен и пространств... Там космически холодно и страшно палят сонмы солнц, никому не ведомых, и от одиночества в тебе застревает страх...

Скорее же вниз, на землю, в Обыкновению, в семейный уют! Пойдем в кинотеатр «Заурядье» — хоть все видано-перевидано, зато тепло от людской тесноты и мороженое эскимо...

Всякий обыкновенец, не отдавая себе в том отчета, прекрасно чувствует, с ним собеседник внутренне или нет. Отсутствие не прощается. Почему-то вдруг, когда все мы стали стараться прибавить себе солидности, именно Академик продвинулся в отчебучивании разных штук, словно бы отыгрывал недоигранное: то вдруг вскочит на стол, выгнет спину и мерзейшим образом замяукает, то преуморительно изобразит происхождение человека из червяка, или наоборот...

К нему перестали приставать бывшие доводилы, зато появилось нечто худшее — спокойное отчуждение.

Он пытался объяснить...

Как раз где-то в то время его озарило. Обрушилось, навалилось:

НЕ ВЕДАЕМ, ЧТО ТВОРИМ —

моя теперешняя формулировка, вернее, одна из классических. А у него, всего лишь подростка, — вундеркиндство было уже ни при чем — это было мыслесостоянием, мысле-ощущением, всеохватным, невыразимым, паническим. Все вдруг начало кипеть и тонуть в голове, какой-то всемирный потоп:

НЕ ВЕДАЕМ, ЧТО ТВОРИМ!

СЛЕПЫ!

СЛЕПЫ ИЗНУТРИ!

НЕ ВИДИМ СЕБЯ!

Волны самочувствия, ткань общения — сплошная стихия, в которой барахтаемся, топя себя и друг дру-

га,— вот так как-то могу это выразить теперь за него, менее чем приблизительно...

А между тем — и это пронзило! — существует и
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОЗРЕНИЯ —
МОЖНО! —

видеть, понимать, совершенствовать! Можно видеть и можно ведать! И как можно скорее надо это у-видеть, у-ведать, скорее!..

Несмотря на страсть к объективности, он был уверен, как все мыслящие мальчики, что лишь он один озарен высшим светом, что это предчувствие, предзнание, предсовершенство (как легко заменить «пред» на «бред») явилось ему в порядке исключения, а не правила. Темная вселенская ответственность возлегла на его плечи...

Ему казалось, и не без некоторых оснований, что все уже г о т о в о, что вот тут, в этой шишковатой коробочке, уже имеется пленка, на которой все-все отснято, все «почему» и «как» — только проявить... Казалось, что даже с непроявленной пленки можно кое-что прочесть: если хорошенько всмотреться туда, внутрь, то видны какие-то летучие линии и значки, что-то вроде нотной записи, бегущей по экрану, то самое, что при бессоннице или температуре, если только чуть-чуть надавить на закрытые веки, превращается в волшебный, управляемый легчайшими прикосновениями калейдоскоп,— сказочная, несравненная мозговая живопись... Всецветное царство наук и искусств, ясно-виденне, будни будущего...

— В психиатрии подобные состояния называются, если не ошибаюсь, философской интоксикацией.

— Да, все известно... Но в данном случае диагнозом и не пахло, хоть я и сам в качестве психоэксперта Обыкновении (а мы все эксперты с пеленок) склонен был кое-что заподозрить...

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Юлий Борисович Линцов (назовем его так) заведовал некой кафедрой некоего института. Это был крупный специалист в одной из областей математической логики, автор нескольких монографий, обладатель титулов, премий и прочая. Юлий Борисович успевал всюду, ориентировался и был на виду. Один раз выступил с популярной лекцией в Политехническом музее. Читал он замечательно — во всяком случае, Ака-

демик, бывший среди немногих его внимательных слушателей, ушел в полном восторге. Линцов с той поры не сходил с его уст. Через какого-то взрослого знакомого математика сумел достать из научной библиотеки чуть ли не все его работы и прочитал от корки до корки.

Я, понятно, мог этому только отдаленно сочувствовать, пожалуй, даже слегка ревновал. Один раз за игрой в Пи-футбол это прорвалось.

— И чего ты нашел в своем этом Хренцове?.. Погоди, сейчас мой удар, был угловой. Тьфу... Чего он там тебе такое открыл?

— Шесть — один. Объяснить сложно, специальная терминология. Линцов — личность, понимаешь? Личность в науке. Аут.

— А что, остальные там в вашей науке без личностей, что ли?

— Проявить самобытность — тебе пенальти — достаточно сложно. А он сумел. Семь — один.

— Ну и что? Ты тоже проявляешь самобытность. Я тоже проявляю самобытность. Семь — два.

— Не жульничай, положение вне игры. Слушай, Кот, а ты мне подал идею.

Его идеи всегда возникали по каким-то невысказанным поводам, по непостижимым касательным, скакал, как блохи, куда-то вбок.

На этот раз идея была простенькая и бредовая: собственной персоной явиться к Линцову. На работу. Поговорить.

Обоснование звучало так: **ЛУЧШЕ ОДНАЖДЫ, ЧЕМ НИКОГДА** — мне понравилось.

Дней десять Клячко, не разгибая спины, сидел и строчил, вычеркивал и строчил, рвал бумагу и снова строчил — такого с ним никогда не бывало, он работал всегда сразу набело.

ОН СОСТАВЛЯЛ ВОПРОСЫ.

Когда все было наконец готово, он, страшно мигая, протянул мне аккуратно исписанный лист бумаги и попросил прочесть.

Семь вопросов. Первые три и последний состояли сплошь из абсолютно непонятных мне формул.

— Это пропусти, пропусти! — закричал Кляча, увидев мою реакцию. — Вот это, ты только это... Смешно, а?..

Из всех сил заскрипев извилинами, я прочел следующее. (За точность воспроизведения не ручаюсь.)

...ИСЧЕРПЫВАЕТСЯ ЛИ ВЫСШАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЗГА ПОСТАНОВКОЙ И РЕШЕНИЕМ ПРОБЛЕМ?

...ИМЕЮТ ЛИ СМЫСЛ ПОПЫТКИ ОБОСНОВАНИЯ ЭТИКИ ТЕОРИЕЙ РАЗОМКНУТЫХ (СВЕРХЦЕЛЕВЫХ) ИГР?

...ЕСТЬ ЛИ ПУТИ К СОЗДАНИЮ ЕДИНОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ГИПОТЕЗЫ МУ... МУЛЬТИ... МО... МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ СМЫСЛОВОЙ ВСЕЛЕННОЙ?

— Ну как, а? Смешно?..

— Гм. Ну что... Все бэ-мэ. (Более или менее.) Бэ-мэ нормально. В целом, — сказал я важно.

Ему пришлось приходить к Линцову несколько раз, из которых добиться аудиенции удалось только дважды.

Первый раз (по его неохотному описанию).

— ...Юлий Борисович, если можно... Минимальное время... Письменно или устно, как вам удобнее...

— Хорошо, я посмотрю, оставьте секретарю. Приходите на той неделе. Во вторник. Нет, в пятницу... Нет, в пятницу заседание кафедры... Алло. Сейчас, извините. Позвоните секретарю во вторник с утра. Будьте здоровы, молодой человек.

Второй раз. (Я ждал за дверью и от нечего делать подслушивал.)

— Ну заходите, что же вы... А вы к кому?.. Здравствуйте. Садитесь. Уважаемый... Алло. Да, добрый день, добрый день, дорогой мой Олег Константинович! Спасибо, и вас так же! И вас с тем же!.. И вам того же!.. Ну конечно, чудесно... Переносится симпозиум? Да-а-а... Спасибо, спасибо. И вам спасибо... Еще раз спасибо. Всего, всего вам самого-самого наилучшего... Так вот, молодой человек. Понимаете ли... Алло. Да. Не знаю, не могу сказать. Занят. Тоже занят. В пятницу. Всего хорошего. Значит, так, юноша. Алло. Слушаю вас... Сню минуту... Маргарита Антоновна! Маргарита!.. Риточка, ну что же вы... Референт Николая Тимофеевича... Алло, да, да, конечно, материал давно подготовлен, мы ждали только вашего... Обязательно. Сделаем. Большое вам спасибо... Итак, мальчик, ты, собственно, по какому по... А? Да... Сейчас, минуту... Риточка, принеси, пожалуйста, материал этого... гражданина. Ну вот. Да-да, я помню. Молодой человек, вы не представляете себе степени моей занятости. Отвечать на ваши вопросы... Ну хорошо, допустим... А это

что? Ага, ясно. Ваши вопросы сформулированы... Э-э... Не совсем адекватно... Вот здесь кое-что... Хотя и свидетельствуют о вашем обостренном интересе к ряду проблем дискордантного преобразования... Алло. Я... Почему же раньше не позвонила?.. Не слышу тебя... Алло! Ты можешь погромче?.. Нет, не совсем удобно... Хорошо, попробую... А? Ты еще будешь дома? Дома будешь? Я тебе перезвоню... Да... У вас, несомненно, есть кое-какие задатки, молодой человек, но вы слишком тихо говорите, надо развивать голос, это жизненно важно. Если вы будете серьезно работать в какой-либо актуальной области, из вас, будем надеяться, со временем выйдет какой-нибудь толк. А это... Возьмите. Будьте здоровы, молодой человек.

СТРАННЫЙ ПРЫЖОК

...Был теплый мартовский день, налетал шалый ветерок, отовсюду текло и капало. Мы встретились, как обычно, у ворот дворика дома № 6, в Телеграфном, — отсюда начинался наш традиционный маршрут: за угол, по Сверчкову, Потаповскому и на Чистые.

Но на этот раз он не пошел, а встал на месте, неподвижно опустив руки.

— Кстонов, слушай. Можно, я спрошу тебя?..

Кстоновым он назвал меня в первый раз.

— Ну.

— Ты скажи... Ты знаешь, зачем ты живешь?

— Чего-чего?

— Зачем ты живешь?

— Ты что, охренел?

— ЗАЧЕМ ТЫ ЖИВЕШЬ?

— Да чего ты?.. Ну, чтобы стать... Чтобы было весело... Тьфу, да чё ты пристал?.. А ты знаешь?

— Не знаю.

— Ну и...

— Я всегда думал, что знаю. Потерял.

— Ну ты вообще... Ты даешь. А моя Катька вот знает. (Так звали мою тогдашнюю кошку.) Чтобы лопать сырую рыбу. Чтобы гулять, хе-хе, чтобы котята были. Мурлыкать чтобы. А ты не знаешь, хе...

— Я НЕ ЗНАЮ.

— Ну ты...

Я вдруг осекся. Глаза Академика со страшной силой упиралась в меня и светились отчаянием.

— Клячко,— я попытался взять его за рукав, но рука моя как-то сама собой отошла обратно,—слышь... Пошли. Пошли попиликаем. (То есть на нашем языке понграем в Пи-футбол или еще как-нибудь поразвлекаемся.) А?.. Опять бабка спать не дала?

«Ничейная бабуся» уже второй месяц была очень плоха, и по ночам кричала на одной ноте.

— Она вчера умерла.

Повернулся и побежал. Перед поворотом за угол переулка споткнулся, но не упал, а подлетел как-то вверх, вскинув руки с растопыренными пальцами, и в этом странном прыжке исчез за углом.

С месяц после того мы еще виделись и разговаривали как обычно, но обоим было до головной боли ясно, что этому уже не продолжиться. Что-то между нами разрушилось.

...Пропал внезапно, без подготовки. Утром мать нашла на столе записку:

ДО СВИДАНИЯ. НЕ ИЩИТЕ.

Я ВАС ЛЮБЛЮ. Я НЕ...

Дальше что-то зачеркнутое.

Исчез в домашней одежде, ничего с собою не взяв. Обнаружили потом, что куда-то девалась всегда бывшая среди немногих его личных книг «Карта звездного неба» и последняя из объемных моделей Энома.

Обрывки разговора, подслушанного возле учительской.

Мария Владимировна. А если самоубийство?

Николай Александрович. Не думаю. Какая-нибудь авантюра...

— Одиночество... Никто его по-настоящему не знал. Мерили общими мерками...

— А что было делать, как подойти? Иногда мне было просто стыдно с ним разговаривать.

— Старший друг, хотя бы один...

— При таком-то уровне? Старше всех нас, вместе взятых.

— Ну, не скажите...

Следователь приходил в школу, беседовал и со мной, я из этой беседы мало что запомнил. «Любил ли он ходить босиком?» — «Да, очень». — «Водился ли с подозрительными личностями?» — «Да. Водился». —

«С какими?» — «Ну вот со мной». — «А еще с какими?» — «Не знаю». — «Как ты можешь не знать, а еще друг. Вспомни». — «Ни с кем он не водился».

Еще пару раз я приходил к нему домой. Почерневшая мать, с сухими глазами, беспрерывно куря, не переставала перебирать его одежонку, тетради, рисунки...

«Владик. Владик. Ну как же так. Владик...» Отец, абсолютно трезвый, сидел неподвижно, упершись в костыль. «Сами. Искать. Упустили. Пойдем. Сами...» — «Куда ж ты-то... Куда ж ты-то...»

Его лабораторно-технический скарб, находившийся под бабусиным топчаном, был весь вытасчен и аккуратно разложен на свободной теперь поверхности. Сестры переговаривались полупшепотом и ходили на цыпочках. Я сидел, мялся, пытался что-то рассказывать о том, как с ним было интересно, какой он...

Самое страшное — употреблять глаголы в прошедшем времени.

В последний день занятий, после последнего урока, когда я, отмахнувшись от Яськи, в дремотной тоске брел домой, кто-то сзади тронул меня за плечо.

Я сперва его не узнал. Передо мною стоял Ермила, уже больше года как исключенный из школы. Он мало вырос за это время — я смотрел на него сверху вниз. Бело-голубые глаза глядели тускло и медленно, под ними обозначились сизоватые тени.

— Его, понял?

Он протягивал мне измятую кепку. Я не сразу ее узнал, но сразу, как от удара током, куда-то вверх подскочило сердце.

— Ты его видел?..

— Я взял, ну.

— Почему?..

— В раздевалке куклу гоняли, тогда и взял, понял?

— А почему... Почему не отдал?

— Теперь отдаю, законно.

— А почему мне?

— Вы с Клячей корешки — так, нет? Ты это, понял... Носи. Пока не придет.

— А ОН ПРИДЕТ?

— Куда денется. Кляча — голова на всех, понял.

— А ГДЕ ОН?

— Откуда знаю? Придет, законно.

— Придет?..

— Носи, ну. Побожись.

—...(Соответствующий жест, изображающий вырывание зуба большим пальцем.)

— Ну законно. Давай.

Сунул мне под дых корявую грабастую лапку, повернулся и — как краб, боком, — в сторону, в сторону... Больше я его никогда не видел.

Что же касается Клячко, то...

Не стану утомлять ваше любопытство, читатель. Я был до крайности удивлен и взволнован, когда Д. С. сообщил мне, что Владик К. жив и ныне.

— Оставьте пленку, не надо. Другая история.

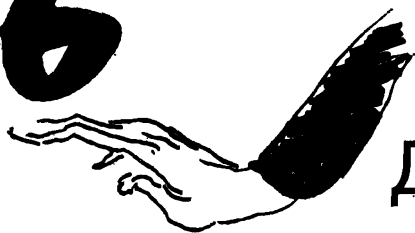
— Но ведь...

— Разве не интересно само по себе, какие бывают дети? Разве весь смысл их в том, чтобы становиться взрослыми? Суть в том, что ребенок тот был и есть, хотя мог бы и потеряться...

— А кепка?

— Как видите, осталась невостребованной... У него теперь другая фамилия, взятая им самим, *смешная*...

6

ПОСОЛ РЫБЬЕЙ ДЕРЖАВЫ

ИЛИ ОПЬЯНЕНИЕ ТРЕЗВОСТЬЮ

Опыт археопсихологической реконструкции одной грустной истории

Надо бдительно ловить себя на лжи, клеймя одетый в красивые слова эгоизм. Будто самоотречение, а по существу — грубое мошенничество.

«...Мальчик мой, если бы я знал... Только счастья хотел тебе, но если бы знал... Сколько лет жил тобою, сколько ночей писал эти письма, не зная кому...

Теперь ты передо мной — незнакомый навеки...»

Отец — сыну. Из неполученного письма

1. ПОЧВА

С детства питаю слабость к нравоучительным афоризмам. Имея один-два под рукой, чувствуешь себя обеспеченным. Вот этот, например:

в делах нужна изящная простота

квинтэссенция научной организации труда — висит девизом у меня над столом, над грудой карандашей, ластиков, ручек, писем, телефонных счетов, записных книжек, рукописей с многоэтажными вставками —

...изящная простота, которая достигается внимательностью, а отнюдь не кропотливым трудом.

Честерфилд. Письма к сыну.

Конспект: знаменитый английский политический деятель и публицист XVIII века лорд Филип Дормер Стенхоп, граф Честерфилд, полжизни писал письма своему сыну. Письма эти были впоследствии многократно изданы, разошлись по миру как признанный шедевр эпистолярного творчества и афористики; в равной мере как непревзойденный образец жанра родительских наставлений, возникшего еще в библейские времена. И конечно, как документ эпохи.

Поглядишь на теперешних отцов, и кажется, что не так уж плохо быть сиротой, а поглядишь на сыновей, так кажется, что не так уж плохо остаться бездетным.

С трудом удерживаюсь, чтобы все не списать. Но во-первых, книга чересчур объемиста; во-вторых, это было бы грабежом; в-третьих,

разве кто-нибудь следует советам, которые на основании своего горького опыта дают другие?!

И может быть, причина этого именно в небрежности к разговору с собой...

С читателем, у которого эта книга есть и не сиротеет непрочитанной, сладиться просто: называй номера страниц, строчка такая-то. Но следует считаться прежде всего с неимущими, ради них и позволим себе роскошь обильных выдержек, с дорисовкой кое-каких подробностей на правах вживания.

Единственное сомнение: стоит ли отвлекаться от множества нынешних историй, живых и болящих, ради углубления в какую-то одну, поросшую быльем?

Если бы не уверенность в сходстве...

Маленькие секреты обычно переходят из уст в уста, большие же, как правило, сохраняются.

Сколько пробелов в памяти человечества?.. Сколько судеб, сколько жизней и смертей, сколько ужасов и чудес погружено в невозвратное забвение?..

Вопрос, на который, быть может, ответят когда-нибудь Всеведущие из других миров или наши потомки, столь же мало похожие на нас, как мы на пресмыкающихся.

Меньше всего известна история детства.

Я ни разу не видел, чтобы непослушный ребенок начинал вести себя лучше после того, как его выпорют.

Читаешь ли Библию, Плутарха или сегодняшние хроники — кажется, будто в этом мире живут и тво-

рят безумства одни только взрослые особи, сразу таковыми и делающиеся; будто детства либо и вовсе нет, либо так, довесок, недоразумение. Только последние полтора века его, наконец, открыла художественная литература; только чуть более полвека назад соизволила заметить наука.

Завеса небрежения и беспомощности.

Между тем детство отнюдь не только неискоренимо-неудобственный придаток мира больших. Не только пробирка для выращивания членов общества.

Детство имеет свою неписаную историю, несравненно более древнюю и фантастичную, чем все истории взрослых, вместе взятые, свои законы и обычаи, свой язык и свою культуру, идущую из тысячелетия в тысячелетие.

Сколько веков живут игры, считалки, дразнилки, песенки? Сколько тысяч лет восклицаниям и междометиям, несущим больше живого смысла, чем иные оратории и эпопеи?..

Вот пришел Телевизор, пришел Компьютер — и кажется, навсегда должны сгинуть прятки, казаки-разбойники, «дождик-дождик, перестань»...

Нет!

Детство останется.

Мало тех, кто способен проникнуть вглубь, еще меньше тех, кому хочется это делать.

Итак, грядет восемнадцатый век Европы, известный под титулом века Просвещения.

Еще помнится Средневековье; еще совсем недалеко Ренессанс; еще правят миром тронные династии — короли едва ли не всех европейских держав приходятся друг другу кровными родственниками, что не мешает, а, наоборот, помогает грызться за земли и престолонаследие; еще многовластна церковь и крепок кастовый костяк общества: простолюдины и аристократы — две связанные, но не смешивающиеся субстанции, как почва и воздух... Еще немного, и Вольтер скажет свое знаменитое: «Мир яростно освобождается от глупости». Какой щедрый аванс.

Теперь мне не надо делать никаких необыкновенных усилий духа, чтобы обнаружить, что и три тысячи лет назад природа была такою же, как сейчас; что люди и тогда и теперь были только людьми, что обычаи и моды часто меняются, человеческая же натура — одна и та же.

Нет еще электричества. Транспорт только лошадиный. Средств связи никаких, кроме нарочных и дилижансовой почты. Самое страшное оружие — пушки с ядрами.

Что еще добавим для общего пейзажа?.. Мужчины надевают на головы завитые парики и мудреные шляпы, пудрятся, ходят в длинных камзолах, в цветных чулках и туфлях с затейливыми пряжками, бантами, на высоких каблуках, а притом при шпагах. У женщин невообразимые многоэтажные юбки, подметающие паркет, а на головах — изысканнейшие архитектурные сооружения.

Изящный цинизм великосветских салонов. Лакейство — профессия, требующая многолетней выучки. Отсутствие фотографий, зато обилие картин. Очень маленькие тиражи книг.

В этих декорациях, в этом мире, кажущемся нам теперь таким припудренно-ухоженным, неторопливым и безобидно-игрушечным, рождается отец, Филип Стенхоп I. (Первым величаем его условно: перед ним было еще несколько родовитых предков, носивших то же имя.) И будет еще Филип Стенхоп II, Честерфилд-сын.

Сколько я видел людей, получивших самое лучшее образование сначала в школе, а потом в университете, которые, когда их представляли королю, не знали, стоят ли они на голове или на ногах. Стоило только королю заговорить с ними, и они чувствовали себя совершенно уничтоженными, их начинало трясти, они силились засунуть руки в карманы и никак не могли туда попасть, роняли шляпу и не решались поднять...

А Филип Стенхоп I будет беседовать с королями многими, сгибаясь, где надо, в поклоне, где надо приседая или лобызая конечность, но всегда сохраняя непринужденное достоинство и осанку. Да, таким будет он, этот складный живчик с выпуклым лбом и прыгающими бровями. Глаза золотистые, во взгляде беглая точность.

Нет, не красавец, ростом выйдет значительно ниже среднего и получит от своих политических соперников прозвище низкорослого гиганта и даже карлика-обезьяны. Зато какая порода и какая энергия. Сильные тонкие руки, созданные для шпаги и ласки. Всю жизнь он будет удлинять ноги с помощью языка и любить крупных дам. Этот пони обскочет многих.

Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я считал для себя позором, если другой мальчик выучил лучше меня урок или лучше меня умел играть в какую-нибудь игру. И я не знал ни минуты покоя, пока мне не удавалось превзойти моего соперника.

Еще всмотримся... Два портрета: один в возрасте молодой зрелости, медальонный профиль; другой — кисти Гейнсборо — анфас, в старости, под париком.

Молодой: яркая мужественность. Крутая мощная шея легко держит объемистый череп. Затылок в виде молотка, как уверяет Лафатер, — знак здоровой энергии и честолюбия. Благородное небольшое ухо, которому суждено оглохнуть. Решительно вырывающийся вперед лоб и крупный горбатый нос образуют почти единую энергичную линию, обрывающуюся целомудренно укороченной верхней губой, и тут же опровергающий выпад нижней: укрупненная, явно предназначенная для поцелуев, она образует в углу ироничный и хищноватый загиб, сохраняющийся и в старости, но уже в совершенно ином значении... Твердый подбородок, немного утяжеленный, как и полагается породистому англосаксу, и впалые, как бы не существующие щеки — действительно, зачем они изысканному джентльмену. Все это вместе, однако, вообще перестает существовать, когда обращаешь внимание на просторно сидящий под густой бровью глаз. А на него нельзя не обратить внимание: он громадный и удивительно живой, с почти удвоенными по величине веками — глаз женственный, наивный и неизлечимо печальный.

У старика остаются одни только эти глаза, уже все увидевшие.

Милый мой мальчик, ты теперь достиг возраста, когда люди приобретают способность к размышлению. Должен тебе признаться (я ведь готов посвятить тебя в свои тайны), что и сам я не так уж давно отважился мыслить самостоятельно. До шестнадцати или семнадцати лет я вообще не способен был мыслить, а потом в течение долгих лет просто не использовал эту способность.

Хлеб психоаналитика — травмы детства. У кого их не было?.. Все детство — сплошная травма, непрерывный ушиб души. Отец, бог-отец, к которому на всех парах несется душа мальчишки (сотвори меня, только так, чтобы я об этом не догадывался), этот отец был

унылой придворной личностью английского образца: чопорен, холоден, отчужден. Под стать и мамаша. Веселый, здоровый, чуткий детеныш, стало быть, не познал родительской заботы и ласки; в нежном возрасте при такой страстной жизненности ему было некого любить, некого ревновать. Все это хлынет потом, поздней волной, обращенной вспять...

Подкинули к одной из аристократических бабок. Роль отца исполнял гувернер-француз. Классическое образование: языки древние и новые, история, философия. Вот и семнадцатилетний дипломированный цитатоизрекатель, прилежно мстящий недостающим дюймам.

Традиционный вояж — «большая поездка» на континент, где юноша по всем правилам возраста, пола и положения ударяется в кутежи, карты et cetera. Но родина останавливает: прислали известие о смерти королевы — начинается очередная околорестольная заваруха. Скорее домой, играть в настоящую мужскую игру — политику. Едва вернулся, сработала пружина родовых связей: получил звание постельничего при его высочестве принце Уэльском. В 21 год Филипп Стенхоп I уже член палаты общин и произносит первую речь в парламенте.

Молодые люди обычно уверены, что достаточно умны, как пьяные бывают уверены, что достаточно трезвы.

Щелчок по носу в палате пэров, еще несколько многообещающих пинков — и подобру-поздорову...

Побитых великосветских мальчиков из британской столицы направляли об ту пору в другую столицу — Париж, на повышение квалификации. Тайм-аут годика на два.

Автозарисовка того времени (из письма гувернеру):

Признаюсь, что я держу себя вызывающе, болтаю много, громко и тоном мэтра, что когда я хожу, я пою и приплясываю, и что я, наконец, трачу большие деньги на пудру, плюмажи, белье, перчатки...

«Блажен, кто смолоду был молод»...

Знание людей приобретается только среди людей, а не в тиши кабинета... Чтобы узнать людей, необходимо не меньше времени и усердия, чем для того, чтобы узнать книги, и может быть, больше тонкости и проницательности.

А если хочешь действовать и побеждать, мало только узнать людей. Нужно впечатать это знание в свои нервы, в мускулы, в голос, нужно превратить его в артистизм, в совершенное самообладание, для которого необходимо еще и хорошо знать себя.

Употреби на это все свои старания, милый мой мальчик, это до чрезвычайности важно; обрати внимание на мельчайшие обстоятельства, на самые незаметные черточки, на то, что принято считать пустяками, но из чего складывается весь блистательный облик настоящего джентльмена, человека делового и жизнелюбца, которого уважают мужчины, ищут женщины и любят все.

В нижних слоях тогдашних обществ мы бы, пожалуй, без особого труда узнали и нынешний стадионный люд, но в верхах столкнулись бы с немалой экзотикой.

Танцы и комплименты были тем, чем стали ныне годовые отчеты: понравиться — значило преуспеть. Какой-нибудь неловкий умник, ичаянно уроинивший котлету на герцога, мог смело прощаться с карьерой поколения на три вперед.

Гильотина, говаривали врачи, — лучшее средство от перхоти.

Хорошие манеры в отношениях с человеком, которого не любишь, не большая погрешность против правды, чем слова «ваш покорный слуга» под картелем.

Картель, напомню на всякий случай, — краткое письменное приглашение на дуэль.

Помни, что для джентльмена и человека талантливого есть только два образа действия: либо быть со своим врагом подчеркнуто вежливым, либо сбивать его с ног.

...мне очень хотелось бы, чтобы люди часто видели на твоём лице улыбку, но никогда не слышали, как ты смеёшься. Частый и громкий смех свидетельствует об отсутствии ума и о дурном воспитании.

Все это Честерфилд напишет сыну, уже осев в Лондоне, в своём знаменитом особняке, выстроенном по собственному проекту, в обители, полной книг, изысканной роскоши, избранных гостей и нарастающего одиночества... А пока — пьянство жизни.

Ездит по всей Европе с дипломатическими миссиями и для собственного удовольствия. Подолгу живет в

Париже, совершенствуется во французском, в танцах, в манерах, в искусстве обходительной болтовни — настолько, что превосходит своих мэтров и может давать им самим уроки стилистики и бонтона. Пописывает стишки, почитывает книжки, заводит дружбу и переписку с просвещеннейшими умами века — Монтескье, Вольтером... Среди них он свой, и уже навечно.

Наследство и титул лорда. Двор, интриги, политика, еще раз политика. Были моменты, когда он решал, быть войне или нет, и кому править какой-нибудь Бельгией. Был министром, государственным секретарем, выступал с отточенными памфлетами, произносил в парламенте речи, одну превосходней другой, некоторые вошли в историю нации, уникально уладил дела в Ирландии — ни до, ни после него такое никому больше не удавалось...

Ни один из анахоретов древности не был так отрешен от жизни, как я. Я смотрю на нее совершенно безучастно, и когда я оглядываюсь назад, на все, что я сам видел, слышал и делал, мне даже трудно поверить, что вся эта пустая беготня, и суматоха, и светские развлечения когда-то действительно существовали; кажется, что все это только снится мне в мои беспокойные ночи.

Но это уже в 65, и не сыну, а епископу Уотерфордскому.

2. ПОСЕВ

В те времена простолюдины женились рано, средний класс — как попало, аристократы — поздно. Великосветский брак — мероприятие публичное и далеко идущее, надо все сообразовать. Перед тем же не грех погулять, тем паче ежели развлечения не портят репутацию и сочетаются с деятельностью на благо отечества.

Я утверждаю, что посол в иностранном государстве никогда не может быть вполне деловым человеком, если он не любит удовольствия. Его намерения осуществляются наилучшим образом на балах, ужинах, ассамблеях и увеселениях, благодаря интригам с женщинами.

Все так и шло, по классическим образцам; так было и в Гааге, где Честерфилд посольствовал, уже будучи мужчиной за тридцать, с большим светским опытом. Не иметь любовных связей в его положении было

неприлично и подозрительно. Эксцессы не одобрялись, но донжуанству аплодировали.

С сожалением оглядываюсь я на крупную сумму времени, которую я промотал в мои молодые годы, ничего не узнав и ничем не насладившись. Подумай об этом, пока не поздно, и умей наслаждаться каждым мгновением; век наслаждений обычно короче века жизни, и поэтому человеку не следует ими пренебрегать.

Представляем: Элизабет дю Буше. Француженка, какхх уже давно нет: невинная, добродетельная, застенчивая. Портрет не сохранился, дат жизни нет, поэтому позволим себе думать, что она была светлой шатенкой, легко красневшей, с глазами серо-голубыми, чуть близорукими, с чертами немного расплывчатыми, с фигурой слегка полной, но гибкой. Несомненно, была моложе своего возлюбленного лет на пятнадцать и на столько же сантиметров повыше.

Родители ее были бедными протестантскими эмигрантами, неудачники, не прижившиеся в родном краю, расчетливом и чванливом, они надеялись отыскать приют в добродушной веротерпимой Голландии и нашли его. Но что такое чужбина, даже и самая гостеприимная? Удешаженная финансовая проблема и никаких надежд на благосклонность судьбы.

Родной язык в таких случаях — самый верный капитал. Дочь пошла в гувернантки в семейство богатого коммерсанта, где заменила мать двум сироткам. Вдовец Вассенаар, отец этих девочек, держал салон, увлекался политическими играми и был вхож в самые влиятельные круги. Он и пригласил к себе в дом судьбу Элизабет в лице очень галантного, очень очаровательного... Да, так именно она и сказала о нем по-голландски приятелю хозяина, другу дома. Не совсем правильно, хотя и буквально: «Очень очаровательный английский посол». А как знает французский — лучше французов!

Она не знала, что с этим самым другом-приятелем Стенхоп Честерфилд после первого их знакомства заключил маленькое пари. Речь шла всего-навсего о сроке соблазнения.

Впрочем, может быть, это была просто сплетня, которой потом, как болтали уже другие сплетники, воспользовался тот самый дотошливый Ричардсон, автор знаменитого душещипательного романа о соблаз-

нении Клариссы. Может быть, никакого пари не было, а на самом деле...

На самом деле, когда Элизабет обнаружила признаки беременности, ее незамедлительно уволили, благонравные родители едва не сошли с ума, а затем...

Этот момент не стоит домысливать, изложим лишь факты.

1) У Элизабет дю Буше хватило духу родить ребенка, хватило, наверное, и отчаяния.

2) У тридцативосьмилетнего Честерфилда хватило не знаем чего — может быть, совести или заботы о своем имени — не отвернуться от Элизабет с младенцем, не бросить в кошмар отверженности, что было вполне в духе времени, а взять под свое покровительство. (Это, впрочем, тоже одобрялось модой.) Увез в Англию, поселил в лондонском предместье, назначил пенсией. О женитьбе на безродной гувернантке не могло быть и речи. Уже был задуман и вскоре осуществлен безлюбный брак с незаконной дочерью короля. Жил он с этой преважной леди вполне по-английски, отдельно.

3) В библиотеке своего нового дома с кааноническими колоннами, над камином, под фризом с латинской надписью:

*то благодаря книгам древних, то благодаря сну
и часам праздности вкушаю я сладостное забвение
житейских забот*

лорд повесил превосходный портрет Элизабет, написанный по его заказу лучшим пастелистом Европы; портрет портила слишком помпезная рама.

Мне бы хотелось, чтобы чайный прибор, полученный от сэра Чарлза Уильямса, ты подарил своей матери...

Ты должен не только испытывать к ней почтение, но и помнить, как ты обязан ей за заботу и ласку, и поэтому пользоваться каждым случаем, чтобы выразить ей свою признательность.

4) Незаконному сыну дал свое родовое имя и всю жизнь воспитывал и продвигал в свет как законного.

3. ПОЛИВ

Мужчины, точно так же, как женщины, следуют голосу сердца чаще, чем голосу разума. Путь к сердцу лежит через чувства: сумей понравиться

чьим-то глазам и ушам, и половина дела уже сделана.

Крошечное существо с палевыми кудряшками и оливково-золотистыми глазками... Личико, не расположенное улыбаться, вдруг осветилось лучом солнца, скользнувшим под жалюзи, от этого ручки сами собой потянулись к кому-то Большому, стоявшему над колыбелькой, захотелось сморщиться и запищать, но лучик так щекокнул ресницу, что пришлось сперва чихнуть...

Зажглось дно океанское. Вспыхнула горячая смесь восторга и жажды жалости. «Это я. Боже, ведь это я!..»

Лорд сдержал себя, но все решено.

Сэр,

молва о Вашей начитанности и других Ваших блистательных талантах дошла до лорда Орери, и он выразил желание, чтобы Вы приехали в воскресенье пообедать вместе с ним и его сыном, лордом Ботлом. Так как из-за этого я буду лишен чести и удовольствия видеть тебя завтра у себя за обедом, я рассчитываю, что ты со мною позавтракаешь, и велю сварить тебе шоколад.

Не всякий восьмилетний получает по вечерам такие строчки.

Маленький Филип уже бегло читает не только на английском. Прекрасная память, схватывает на лету.

Пожалуйста, обрати внимание на свой греческий язык: ибо надо отлично знать греческий, чтобы быть по-настоящему образованным человеком, знать же латынь — не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий.

Отец и сын живут порознь, но разве главное — близость пространственная? Филипу II сказочно повезло. Обеспеченная мамаша, бонны и слуги, блестящий, уверенный папа-лорд... Встречи сына с отцом праздничны: прогулки верхом по Гайд-парку, беседы у камина, игры в саду. Не проходит недели, чтобы мальчик не получал в фамильном конверте с лиловой лентой написанное четким великолепным почерком...

Не думай, что я собираюсь что-то диктовать тебе по праву отца, я хочу только дать тебе совет, как дал бы друг, и притом друг снисходительный... Пусть мой жизненный опыт восполнит недостаток твоего и очистит дорогу твоей юности от тех шипов и терний, которые ранили и уродовали ме-

ня в мои молодые годы. Поэтому ни одним словом я не хочу намекнуть на то, что ты целиком и полностью зависишь от меня, что каждый твой шиллинг ты получил от меня, а ни от кого другого, и что иначе и быть не могло...

«Не хочу намекнуть» — ?..

Тут стоит приостановиться и принять во внимание, что граф Честерфилд за свою жизнь написал около трех тысяч писем, часто весьма пространных. Круг его адресатов был и широк количественно, и превосходит качественно. Можно думать, что сыну он писал не только из воспитательской надобности и отцовской любви, но и просто потому, что любил писать и делал это прекрасно — потому что жил в своих письмах... Искренней и полней, чем на деле, хотел я сказать.

Нет, не просто быть искренним и в письме.

Сыну было написано более пятисот писем, сохранились не все. В последнем русском переводе, над которым сейчас сижу, опубликовано лишь 89. Но и это огромно: разворот целой эпохи, целый культурный мир.

Государственные деятели и красавицы обычно не чувствуют, как стареют.

Образец афористики, из хрестоматийных. Блеск. Замечено походя... Так же вот и Сенека писал свои бессмертные «Нравственные письма к Луцилию». Кто такой этот Луцилий, которого он там между делом увещевает, поругивает, вдохновляет?.. Спросите у историков Рима. Через посредство этого абстрактного парня мы теперь можем вспомнить, что помирать не страшно, что нет смысла ни злиться, ни огорчаться, ни радоваться, ибо ничто не стоит того...

Примерно в том же положении всенаглядной безвестности оказался перед лицом истории Филипп Стенхоп II.

Как он жил за сверкающей тенью родителя, этот человек, каким был? Что чувствовал, что скрывал? От чего страдал?..

Попробуем восстановить — по крупницам — портрет.

В лице твоём есть и мужество, и тонкость...

Его глаза года в полтора изменили свой цвет, стали серо-зелеными, приблизились к материнским. Брови густые, но совсем иной формы, чем у отца, расплывчато-кустоватые. Движения неуверенно-порывистые, как у жеребенка. Взгляд уходящий... Рано начал говорить, спешил выразить первые мысли, и вдруг стал

заикаться, потом это прошло, но остался неуправляемо быстрый темп речи, смазанность дикции, проглатывание целых слов — причина долгих папиных огорчений. Воображение неумное: то он королевский кучер, то солдат конной лейб-гвардии, то Генрих Наваррский...

Ему долго не хотелось играть в себя.

А папа-лорд и сам хорошо играет, и откровенно не любит тех, кто играет плохо. Смотри, сынок, — видишь? — вот идет Мистер-Как-Бишь-Его: направляясь к миссис Забыл-Как-Звать, толкает мистера Дай-Бог-Памяти, запутывается в своей шпаге и опрокидывается. Далее,

исправив свою неловкость, он проходит вперед и умудряется занять как раз то место, где ему не следовало бы садиться; потом он роняет шляпу; поднимая ее, выпускает из рук трость, а когда нагибается за ней, шляпа падает снова. Начав пить чай или кофе, он неминуемо обожжет себе рот, уронит и разобьет либо блюдечко, либо чашку и прольет себе на штаны. То он держит нож, вилку или ложку совсем не так, как все остальные, то вдруг начинает есть с ножа, и вот-вот порежет себе язык и губы, то принимается ковырять вилкой в зубах или накладывать себе какое-нибудь блюдо ложкой, много раз побывавшей у него во рту. Разрезая мясо или птицу, он никогда не попадает на сустав и, тщетно силясь одолеть ножом кость, разбрызгивает соус на всех вокруг и непременно вымажется в супе и в жире... Начав пить, он обязательно раскашляется в стакан и окропит чаем соседей... Сопит, гримасничает, ковыряет в носу или сморкается, после чего так внимательно разглядывает свой носовой платок, что всем становится тошно...

Из области отрицательных примеров — живописно, не правда ли? Курс комильфо начинается с положения вилки и кончается положением в обществе. Эти чада набираются откуда угодно чего угодно, только не хороших манер. Вот и наш вдруг изрек за ужином в присутствии фаворитки премьер-министра миледи Ж.: «У всякого скота своя пестрота». Успел пообщаться с конюхом.

О том, чтобы ввести тебя в хорошее общество, я позабочусь сам; ты же позаботься о том, чтобы внимательно наблюдать за тем, как люди себя

там держат, и выработать, глядя на них, свои манеры. Для этого совершенно необходимо внимание, как оно необходимо для всего остального: человек невнимательный не годен для жизни на этом свете.

Как раз с вниманием-то дела из рук вон. Три года пришлось втемяшивать, что эту злосчастную вилку надо держать — какой рукой?.. А ножик?! Опять наоборот! Даже ложку и ту умудряется через раз брать левой, а не правой, а если правой, то мимо рта.

Когда ты учился в школе, ты был самым большим неряхой...

Вот тебе на! На последней странице отменного сочинения колоссальная клякса. Новые штаны всегда чем-то вымазаны. То опрокинет вазу, то загасит локтем свечу.

Я нашел в тебе лень, невнимание и равнодушие, недостатки простительные разве только старикам... Тебе, по-видимому, не хватает той животворной силы души, которая побуждает и подзадоривает большинство молодых людей нравиться, блистать, превосходить своих сверстников...

По сероватым щекам блуждают водянистые прыщики. Брожение подростковых соков иных превращает в ртуть, а иных в свинец, этот же какой-то...

Ты неловок в своих движениях и не следишь за собой, мне жаль, что это так; если все будет продолжаться в том же духе и дальше, ты сам потом пожалеешь об этом.

Уже давно жалеет. И рад бы быть ловким — да как?.. Билли Оерри успевает три раза подпрыгнуть над мячом и два раза ударить, а ты только еще примериваешься. И внимательным быть, наверное, здорово — только как, как, как? — быть внимательным?! Где оно, откуда его взять, это внимание, как поймать, за какой хвост?! А когда папа начинает сердиться, а он сердится очень тихо и очень страшно — ничего не говорит, улыбается, только глаза чернеют, — тогда вообще...

Мсье Боша упоминает о том, как ты был встревожен моей болезнью и сколько выказал трогательной заботы обо мне. Я признателен тебе за нее, хотя, вообще-то говоря, это твой долг (...)
Прощай и будь уверен, что я всегда буду горячо

любить тебя, если ты будешь заслуживать эту любовь, а если нет, тотчас же тебя разлюблю.

Трудно, очень трудно понять, как папа к тебе относится, и что такое «заслуживать».

Помни, что всякая похвала, если она не заслужена, становится жестокой насмешкой и даже больше того — оскорблением. Это риторическая фигура, имя которой ирония: человек говорит прямо противоположное тому, что он думает (...) Тебе снова предстоит взяться за латинскую и греческую грамматики; надеюсь, что к моему возвращению ты основательно их изучишь; но если тебе даже не удастся это сделать, я все равно похвалю тебя за прилежание и память.

Итак, значит, если тебе что-то не удастся, папа имеет право тебя высмеять и оскорбить?..

Ты так хорошо вел себя в воскресенье у м-ра Бодена, что тебя нельзя не похвалить.

Это правда или риторическая фигура?..

Умей и впредь заслуживать похвалу человека, достойного похвалы. Пока ты будешь стараться этого достичь, ты получишь от меня все, что захочешь, а как только перестанешь, больше ничего уже не получишь.

А если будешь стараться и все равно ничего не выйдет?..

Обещания твои очень меня радуют, а исполнение их, которого я от тебя жду, порадует еще больше. Ты несомненно знаешь, что нарушить свое слово — безрассудство, бесчестие, преступление.

Тогда лучше не давать слова, не обещать. Но ведь папа требует, папа так требует обещаний...

Мне хочется, чтобы даже в пич и крикет ты играл лучше любого другого мальчика во всем Вестминстере.

...может ли быть больше удовольствия, чем иметь возможность всегда и во всем превзойти своих сверстников и товарищей? И равным образом возможно ли придумать что-либо более унижительное, чем чувствовать себя превзойденным ими? В этом последнем случае ты должен испытывать больше сожаления и стыда, ибо всем известно, какое исключительное внимание было уделено твоему образованию и насколько у тебя было больше возможностей, чем у твоих сверстников.

Но это же немыслимо, это до отчаяния безнадежно. Превзойти Билли, превзойти Джонни, превзойти всех! Что делать, что?..

А вот что: отключиться. Удрать! И от грамматик, и от танцев, и от крикетов и питчей, пропади они пропадом, и от мсье Боша, и от...

И от себя.

Забиться, уплыть, уплыть и забиться...

С теплым куском пудинга в кармане опять топает на Монмут-стрит, улицу старьевщиков, в лавку хромого зайки Сиверса, где за рядами бокастых бокалов, brutальных бронзовых статуэток, позеленелых подсвечников, истрескавшихся питейных рогов, дырявых шкатулок и прочей рухляди, в полутемном углу, в большом светло-мутном аквариуме...

Рыбки — хобби хозяина. С тех пор как Филип случайно увидел их, какая-то неодолимая сила влечет к ним снова и снова; а Сиверс-то уж, конечно, радуется, не нахвалится, лопочет, что рыбы гораздо умней чело-веков. Черный Испанец уж тут как тут, танцует, расправив панбархатное опахало, а Красная Уния уныло уткнулась в угол, не желает отведать ни крошки, только торжественно-грустно, как знаменем, поводит ало-золотистым хвостом... Часами Филип созерцает своих любимиц, дышит их жабрами, чувствует чешу-ей, что-то шепчет...

Однажды, после долгих колебаний, он наконец решился...

Ты говоришь очень быстро и неотчетливо, это очень неудобно и неприятно для окружающих, и я уже тысячу раз тебе это старался внушить. Мне часто приходилось видеть, как судьбу человека раз и навсегда решали первые произнесенные им в обществе слова...

...попросить отца помочь ему устроить дома аквариум. «Зачем?» — «Чтобы разговаривать с рыбами». — «С рыбами?.. Ты уже изучил рыбий язык?» — «Да». — «В таком случае тебе надлежит отправиться послем в Рыбью Державу».

К разговору не возвращались. Но вскоре чуткий па-па обратил внимание, что мальчик начал не слишком одухотворенно потеть. Замечание было сделано в фор-ме деликатного, интимно-дружеского совета почаще пользоваться духами. Подарил изящный резной фла-

конец старинной работы, приобретенный еще во времена гаагских гастролей. «Пользуйся этим, мой дорогой, и ты будешь свеж, как альпийская фиалка. Рыбки на суше, обрати внимание, не всегда сладко пахнут».

Помнишь ли ты, что надо полоскать рот по утрам и каждый раз после еды? Это совершенно необходимо. ...Смотри, чтобы чулки твои были хорошо подтянуты, а башмаки как следует застегнуты, ибо человек, который не обращает внимания на свои ноги, выглядит особенно неряшливо... Я требую, чтобы утром, как только встанешь, ты прежде всего в течение четырех-пяти минут чистил зубы мягкой губкой, а потом раз пять-шесть полоскал рот. Надо, чтобы кончики ногтей у тебя были гладкие и чистые, без черной каймы, какая обычно бывает у простолюдинов. Должен сделать тебе еще одно предостережение: ни в коем случае не ковыряй пальцем в носу и в ушах, это отвратительно до тошноты. Тщательно чисти уши по утрам и старайся хорошенько высморкаться в платок всякий раз, когда к этому представится случай, но не вздумай только потом в этот платок заглядывать...

Ну довольно, давайте о чем-нибудь посерьезнее. Вспомним, как мужественно, хотя и безуспешно, боролся папа-лорд с государственной коррупцией, против чемпиона и рекордсмена взяточников Роберта Уолпола, всесильного премьер-министра, у которого и парик не мог скрыть внешности борова. Как геройски защищал лучших людей страны, в их числе великого Филдинга, посвятившего ему свою комедию «Дон-Кихот в Англии». Громкая эта защита обернулась, правда, принятием закона о театральной цензуре, запретившей не только Филдинга, но и всю левую драматургию до времен Шоу. Зато какая страница в истории битв за свободу и просвещение, и какая слава имени Честерфилда. Это он, и никто иной, основал храбрейший из тогдашних британских журналов, которому дал название «Здравый смысл».

Чем бы тебе ни приходилось заниматься, делай это как следует, делай тщательно, не кое-как. Углубляйся. Добирайся до сути вещей. Все сделанное наполовину или узнанное наполовину вовсе не сделано и вовсе не узнано — даже хуже, ибо может ввести в заблуждение...

...Нет такого места или такого общества, откуда ты не мог бы почерпнуть те или иные знания — стоит лишь захотеть. Присматривайся ко всему, во все вникай...

На десятки ладов. И какой же родитель, какой воспитатель не повторил бы это и тысячу раз своему воспитаннику, и себе самому.

А вот это — разве не стоило бы повесить себе на шею и повторять как заклинание:

Душа требует серьезных и неустанных забот и даже кое-каких лекарств. Каждые четверть часа, в зависимости от того, проведены они хорошо или плохо, принесут ей пользу или вред, и притом надолго. Душе надо тоже много упражняться, чтобы обрести здоровье и силу.

...Присмотрись, насколько отличаются люди, работавшие над собой; от людей неотесанных, и я уверен, что ты никогда не будешь жалеть ни сил, ни времени на то, чтобы себя воспитать.

Замечательно.

А вот иная мелодия, от письма к письму, в разработках:

Счастлив тот, кто, обладая известными способностями и знаниями, знакомится с обществом достаточно рано и может сам втереть ему очки в том возрасте, когда чаще всего, напротив, общество втирает очки новичку!

...Постарайся быть умнее других, но никогда не давай им это почувствовать.

Откровенно практично. А сколько еще пронизательных разъяснений, сто очков вперед примитивному мистеру Карнеги, открывшему эти эмпирии два века спустя. Тоже своего рода прочистка носа. Заметим, однако, что вышеприведенное наставление по уходу за сим отверстием в смысле буквальном было адресовано уже не девятилетнему сопляку, а доставлено с нарочным восемнадцатилетнему кавалеру.

Вот и традиционная «большая поездка». Уже скоро четыре года, как Филипп Стенхоп II, коичив школу и отзанимавшись с лучшими частными преподавателями по языкам, логике, этике, истории, праву, а также гимнастике, танцам, фехтованию и верховой езде, путешествует по Европе в сопровождении мистера Харта, папиного сорадетеля, преданнейшего добряка, сочинителя назидательно-сентиментальных стишат. Он пожил уже в предостойной Швейцарии, в глубокомыс-

леинной Германии, в поэтичной Италии. Недолгие возвращения на родину, свидания с родителями — и снова в путь. Все обеспечено, всюду наилучший прием, представления ко дворам, развлечения и балы, все к услугам — позавидуешь, право.

Было бы, однако, преувеличением думать, что турне это складывалось из сплошных удовольствий.

Твои невзгоды по дороге из Гейдельберга в Шафхаузен, когда тебе пришлось спать на соломе, есть черный хлеб и когда сломалась твоя коляска — не что иное, как надлежащая подготовка к более значительным неприятностям и неудачам (...) пример несчастных случайностей, препятствий и трудностей, которые каждый человек встречает на жизненном пути. Разум твой — экипаж, который должен провести тебя сквозь все.

Метод «слоеного пирога» — как верно, как мудро. Да, воспитание юноши должно быть насыщено и приключениями, и суровой муштрой, и знаниями, и удовольствиями, и опасностями. Самостоятельность — да, но...

должен тебя предупредить, что в Лейпциге у меня будет добрая сотня шпионов, которые будут невидимо за тобой следить и доставят мне точные сведения обо всем, что ты будешь делать, и почти обо всем, что будешь говорить. Надеюсь, что, получив эти обстоятельные сведения, я смогу сказать о тебе то, что Веллей Петеркул говорит о Сципионе: что за всю жизнь он не сказал, не сделал и не почувствовал ничего, что не заслужило бы похвалы.

В чем-чем, а в недостатке внимания этого папу не упрекнешь. Очень увлекательно — шпионить за чувствами.

Запомни твердо: если ты приедешь ко мне и у тебя будет отсутствующий вид, то очень скоро отсутствовать буду и я, и в буквальном смысле, просто потому, что не смогу с тобой оставаться в одной комнате;

и если, сидя за столом, ты опять начнешь ронять на пол ножи, тарелки, хлеб и так далее и целых полчаса будешь тыкать ножом в крылышко цыпленка, а рукавом за это время очистишь чужую тарелку, мне придется выскочить из-за стола, я от этого могу заболеть...

Вот такова-то она, отцовская доля. А где же мама? Упоминается крайне редко и сдержанно («подари ей чайный сервиз» — просьба к четырнадцатилетнему). Она была не из того круга, который мог преподать высший этикет. А опытный папа-лорд наглядился на сынков вроде отпрыска лорда Хрю и леди Сюсю, сэра Тьфу, которому

внушили, что не он создан для мира, а мир для него,
и который

всюду будет искать то, чего нигде не найдет: знаки внимания и любви от других, то, к чему его приучили папенька и маменька (...) Пока его не проткнут шпагой и не отправят на тот свет, он, верно, так и не научится жить.

Ты никогда не сможешь упрекнуть меня ни в чем подобном. У меня не было к тебе глупого женского обожания: вместо того, чтобы навязывать тебе мою любовь, я всемерно старался сделать так, чтобы ты заслужил ее. Мне мало одной любви к тебе, мне хочется, чтобы ты мог нравиться и мне, и всему миру. Я ничего для тебя не пожалею, у тебя не будет недостатка ни в чем, если только ты этого заслужишь; поэтому знай, что в твоей власти иметь все, что ты захочешь.

Не забудь, что я увижусь с тобою в Ганновере летом и буду ждать от тебя во всем совершенства. Если же я не обнаружу в тебе этого совершенства или хотя бы чего-то очень близкого к нему, мы вряд ли с тобою поладим. Я буду расчленять тебя, разглядывать под микроскопом и поэтому сумею заметить каждое крохотное пятнышко, каждую пылинку (...) Никогда не забуду и не прощу тебе недостатков, от которых в твоей власти было уберечься или избавиться. Мое дело предупредить тебя, а меры ты принимай сам.

Почему-то после таких вот вдохновительных обещаний у Филипа усиливается неприятная уже ему самому потливость, начинается неудобство в горле, покашливание, а то вдруг открывается настоящая лихорадка... Жаловаться — не по-мужски, тем паче не по-английски, но все-таки один раз он сообщил отцу через посредника, что чувствует себя не совсем хорошо. В ответ была прислана рецептура нежнейших слабительных.

...Итак, наконец, галантная Франция, наставница наслаждений, царица мод.

Париж — это как раз такой город, где ты лучше всего на свете сможешь соединять, если захочешь, полезное с приятным. Даже сами удовольствия здесь могут многому тебя научить.

С тех пор как я тебя видел, ты очень раздался в плечах. Если ты не стал еще выше ростом, то я очень хочу, чтобы ты поскорее восполнил этот пробел. Упражнения, которыми ты будешь заниматься в Париже, помогут тебе как следует развиться физически; ноги твои, во всяком случае, позволяют заключить, что это будет так. Упражнения эти заставляют сбросить жир...

Ты настолько хорошо говоришь по-французски и ты так скоро приобретешь обличье француза, что я просто не знаю, кто еще мог бы так хорошо провести время в Париже, как ты...

Помни, что эти месяцы имеют решающее значение для твоей жизни: обо всем, что бы ты ни стал делать, здесь узнают тысячи людей, и репутация твоя прибудет сюда раньше, чем ты сам. Ты встретишься с нею в Лондоне.

Вершится судьба... Папа-лорд пребывает в убеждении, что хорошо воспитанный француз, с его непринужденным изяществом, если только к этому добавить толику английского здравого смысла и чуть немецкой учености, являет собой пример совершенства человеческой породы.

Итак, продолжение образования с переводом из абстрактной формы в конкретную, начало карьеры. Папин сценарий проработан вдоль и поперек, на постановку не жалеется ни денег, ни связей. Стать государственным мужем Филип, впрочем, пожелал сам.

Вот как это было достигнуто:

коль скоро ты не склонен стать податным чиновником государственного казначейства и хочешь получить место в Англии, не сделаться ли тебе профессором греческого языка в одном из наших университетов? Если тебе это не по душе, то я просто не знаю, что тебе еще предложить... Мне хотелось бы слышать от тебя самого, чем ты собираешься стать.

Тонко, демократично, никакого давления. Обратим, кстати, внимание на это «чем», а не «кем». Не описка. Слова «профессия», «ремесло» в высших кругах тех

времен не употреблялись. Аристократ не отождествлял себя со своими делами: у него не профессия, а занятия, поприща. Их может быть много, а может не быть вовсе — отнюдь не позор. «Делать то, о чем стоило бы написать, или писать то, что стоило бы прочесть». Главное занятие человека светского — быть собой. Но каким собой!..

Ты решил стать политиком — если это действительно так, то ты, должно быть, хочешь сделать-ся моим преемником. Ну что же, я охотно передам тебе все мои полномочия, как только ты меня об этом попросишь. Только помни, что есть некоторые мелочи, с которыми нельзя будет не посчитаться.

Что за мелочи?..

Преследуй определенную цель (...)

никогда не говори о себе (...)

будь не только внимателен ко всякому, но и делай так, чтобы собеседник твой почувствовал это внимание (...)

мягко по форме, твердо по существу (...)

изучай и мужчин и женщин (...)

если хочешь заслужить расположение короля, потакай его слабостям (...)

имей доброе имя, много раз обманывать невозможно (...)

научись казаться свободным и праздным именно тогда, когда дел у тебя больше всего.

Превыше всего нужно иметь открытое лицо и скрытые мысли

— и так далее, подробности в первоисточнике и в первоисточниках первоисточника, из коих не на последнем месте известный труд синьора Макнавелли.

Непросто получается... Чуть раньше мы поместили друг возле дружки некоторые обращения папы к сыну, раскиданные там и сям, и попытались услышать голос Филипа-большого ухом Филипа-маленького. Возник страшноватый образ родителя-манипулятора, требующего процентов с воспитательского капиталовложения. Но это эффект монтажа — мы только догадываемся, что такой монтаж происходил в душе сына. Этот внутренний монтаж, собственно, и есть душевная жизнь.

Я перечитал письма Честерфилда не один раз, и всякий раз относился к нему по-иному: то с восхищением, то с возмущением, то со скукой, то с захватыва-

вающим интересом. Не сразу понял, что это зависело от того, чьими глазами читал, как монтировал. Легко сделать выборки, свидетельствующие, что лорд Честерфилд только тем и занимается, что учит своего сына быть благородным рыцарем. Между тем кое-кто из первых читателей свежензданных «Писем к сыну» вознегодовал во всеуслышание, что в них проповедуется всего-навсего мораль потаскухи. И это правда. Но не вся правда, вот сложность!.. Будь «всего-навсего» — вряд ли бы эти письма разошлись по всему миру и дожили до нас...

Милый мой мальчик, я считаю сейчас дни, которые остаются до встречи с тобой, скоро я начну считать часы и наконец минуты, и нетерпение мое будет все расти...

Мне придется не раз выговаривать тебе, исправлять твои ошибки, давать советы, но обещаю тебе, все это будет делаться учтиво, по-дружески и втайне ото всех; замечания мои никогда не поставят тебя в неудобное положение в обществе и не испортят настроения, когда мы будем вдвоем. Ты услышишь обо всем от того, кого нежная любовь к тебе сделала и любопытнее, и проницательнее...

Прощай, дитя мое. Береги здоровье, помни, что без него все радости жизни — ничто.

Воспитательское иезуитство?.. Нет, это искренность. Это любовь.

Коль скоро это может оказаться полезным для тебя, я охотно признаюсь, как бы мне это ни было стыдно, что пороки моей юности проистекали не столько от моих естественных дурных склонностей, сколько от глупого желания быть в представлении окружающих жизнелюбцем. Всю свою жизнь я ненавидел вино, и однако мне часто случалось выпивать: порою с отвращением, с неизбежно следовавшим за тем на другой день недомоганием — и все только потому, что я считал, что умение пить — это необходимое качество для настоящего джентльмена...

Я считал, что игра — это второе необходимое качество жизнелюбца; и поэтому, начав с того, что стал предаваться ей без всякого желания, отказывался ради нее потом от множества настоящих удовольствий и загубил тридцать лучших лет своей жизни.

Я дошел даже одно время до такой нелепости, что научился сквернословить, дабы украсить и дополнить блистательную роль, которую мне хотелось играть...

Так вот, соблазненный модой и слепо предаваясь наслаждениям мнимым, я терял подлинные: я расстроил свое состояние и расшатал здоровье — и этим, должен признаться, я понес заслуженное наказание за свои поступки.

Пусть же все это послужит тебе предостережением: умеи выбирать наслаждения сам и никому не позволяй их себе навязывать...

Ис-поведь, про-поведь... Где-то между этими плюсными вершинами занимает свое местечко и немудреный житейский совет — хорошо утоптаный, слегка заболоченный холмик...

Совет по части наслаждений прекрасен, признание трогательно, а тревоги излишни. Тени собственных недогоревших страстей. Опасаться эксцессов нет оснований. Филип — юноша редкостно добродетельный, честный, может быть, даже слишком. Много знает, может быть, слишком много. Воздержан, благожелателен и не вспыльчив, хотя и производит поначалу впечатление чересчур резкого и решительного. Он всего лишь застенчив. Пробуждает самые добрые чувства, граничащие со скукой.

Между человеком, чьи знания складываются из опыта и наблюдений над характерами, обычаями и привычками людей, и человеком, почерпнувшим всю свою ученость из книг и возведшим прочитанное в систему, столь же большая разница, как между хорошо обвезженной лошадью и ослом.

Папа-лорд сияет, как дитя, всякий раз, когда кто-нибудь из парижских знакомых передает ему добрые вести о приятном впечатлении, произведенном сыном. Молодой человек так учен, так безукоризненно воспитан, любезен, бывает даже остроумен. Иногда, правда, задумчив и безучастен, а то вдруг принимается безудержно спорить и бурно краснеет. Право, у этого очаровательного юного англичанина совсем нет пороков, это что-то неслыханное, он даже не имеет любовниц, но никаких других странностей нет, кроме разве того, что немного сутулится и всегда отказывается от рыбных блюд...

Чертовы лстецы, кто же из вас упустит возможность поиграть на родительской слабости. Папа сияет, но только секунду, а искушенный граф Честерфилд, сдержанно благодаря, шутит, что после обучения танцам его сын научился не только стоять, но и стоять прямо. Переводит разговор на другую тему.

Поздним вечером он пишет Филипу еще одно страстное наставление. Уж кто-кто, а он знает, что его ненаглядный сынок по-прежнему:

ленив и расхлябан,
невнимателен и беспорядочен,
неряшлив, неаккуратен, плохо следит за своей
одеждой,
забывчив, рассеян,
безынициативен и недогадлив в общении, особенно с дамами,
простодушен до глупости, прямолинеен до грубости,
манеры имеет посредственные, если не хуже,
танцует неизящно,
говорит торопливо, невнятно, сбивчиво, хотя и
лучше, чем раньше,
пишет...

О-о-о!.. В одном из писем сдержанный папа устроил чаду настоящий разнос по поводу едва различимой подписи под каким-то банковским счетом — он разглядел ее только с помощью лупы и даже попытался во гневе скопировать — не получилось! Кровь ударила в глаза. Не может, не имеет права так жалко, безлико, уродливо, так ПО-РЫБЬИ расписываться сын британского лорда, первого ума королевства.

А что сказал бы психолог?..

Эта придушенная самоуничтожающаяся подпись посреди воспитательского монолога — единственный образчик прямой речи сына, воспроизводящийся в «Письмах».

Есть, правда, еще один, написанный шестнадцатилетним юношей по-латыни, из учебного сочинения о войне:

**КОГДА ЖЕ ВРАГ УГРОЖАЕТ НАМ ВСЕМИ
УЖАСАМИ, СОПРЯЖЕННЫМИ С МЕДЛЕННОЙ
ЛИБО БЫСТРОЙ СМЕРТЬЮ... БЫЛО
БЫ ВЕСЬМА РАЗУМНО ПОДУМАТЬ, КАК
ЕГО УНИЧТОЖИТЬ, ЕСЛИ ОН НЕ УМЕРИТ
СВОЕЙ ЯРОСТИ. В ТАКИХ СЛУЧАЯХ ДО-
ЗВОЛЕНО ПРИМЕНЯТЬ ТАКЖЕ И ЯД.**

Что это вдруг, откуда эдакая зменная психология...
Лорд встревожен и возмущен:

не могу понять, как это употребление яда может быть причислено к законным средствам самозащиты. Гораздо лучше умереть, чем совершить низость или преступление. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

И далее еще на нескольких страницах объясняет, что нельзя отступаться от принципов, что бы нам ни угрожало и к какой бы казуистике ни прибегали люди недостойные, вроде автора знаменитого пособия для иезуитов, озаглавленного «Искусство делать что угодно из чего угодно».

Затем с подавленной горечью упрекает:

письма твои... до крайности лаконичны, и ни одно из них не отвечает ни моим желаниям, ни назначению писем как таковых — быть непринужденной беседой между двумя друзьями, находящимися поодаль друг от друга. Коль скоро я хочу быть для тебя не столько отцом, сколько близким другом, мне хотелось бы, чтобы в своих письмах ко мне ты более подробно писал о себе и о мелочах своей жизни. Начиная писать мне, вообрази, что ты сидишь со мной за непринужденной беседой у камина... Дай мне возможность больше узнать о тебе. Ты можешь писать мне все без утайки и рассчитывать на мою скромность...

Кончается это письмо небольшой инструкцией по дипломатическому шпионажу:

главная задача дипломата — проникнуть в тайны дворов, при которых он состоит... Добиться этого он может не иначе как приятным обхождением, располагающими манерами и подкупающим поведением... Здесь в известном смысле полезными могут быть женщины. От фаворитки короля или жены или фаворитки министра можно почерпнуть немало полезных сведений, а дамы эти с большой охотой все рассказывают, гордясь, что им доверяют. Но в этом случае нужно в высокой степени обладать той обходительностью, которая неотразимо действует на женщин...

Итак, стало быть, поступай с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, и шпионь, хотя ты вряд ли хочешь, чтобы за тобою шпионили. Нельзя применять яд, это низко, можно обойтись подкупающим поведением. Лицемерь благородно, лги искренне.

Остается гадать, слышал ли Филип в папиных наставлениях эти ядовитые противоречия, видел ли, как их видим мы, или лишь чувствовал... А сам папа?..

Милый друг,

самые замечательные писатели бывают всегда самыми строгими критиками своих произведений: они пересматривают, исправляют, отделяют и шлифуют их, пока не убеждаются, что довели их до совершенства. Мое произведение — это ты, а так как плохим писателем я себя не считаю, я становлюсь строгим критиком. Я пристально вникаю в мельчайшую неточность или недоделанность, для того чтобы исправить их, а отнюдь не выставлять напоказ, и чтобы произведение сделалось в конце концов совершенным...

Папины выходные туфли имеют потайной каблук, увеличивающий рост, но дома, запершись, лорд ходит босиком, в халате на голое тело. Затем и нужна маска, чтобы быть самим собой у камина. Хищные змеи и слизняки повсюду, и чем ближе к трону, тем пакостнее, но не становиться же из-за этого богомольным отшельником, не посыпать голову пеплом и не лишать себя вечернего выезда и шоколада со сливками по утрам. Приходится общаться и с гиенами, и с обезьянами, ибо в той же клетке живут и Рафаэль, и Дидро. Изменить мир могут лишь сумасшедшие, но не в лучшую сторону.

Мне хочется, чтобы ты достиг совершенства, которого, насколько я знаю, никто еще не достигал... ни на чье воспитание не было затрачено столько сил, сколько на твое... Временами я надеюсь и предаюсь мечтам, временами сомневаюсь и даже боюсь. Уверен я только в одном — что ты будешь либо величайшим горем, либо величайшей радостью...

Вот, вот оно — ОЦЕНОЧНОЕ СВЯЗЫВАНИЕ.

Если ты хочешь кем-то быть в свете — а если у тебя есть характер, ты не можешь этого не хотеть, — все это должно быть с начала и до конца делом твоих рук, ибо весьма возможно, что, когда ты вступишь в свет, меня на свете уже не будет...

Творец не подозревал, что заслоняет свое творение и от зрителей, и от себя.

Я всегда стараюсь думать, что ты вполне благополучен, когда не узнаю ничего, что бы меня в

этом разубедило. Кроме того, как я часто тебе говорил, **МЕНЯ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ БЕСПОКОИТ, ХОРОШО ЛИ ТЫ СЕБЯ ВЕДЕШЬ, ЧЕМ ХОРОШО ЛИ ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ.**

4. УРОЖАЙ

Бой часов Вестминстерского аббатства.

Крадется зима.

Длинные письма, которые я так часто посылаю тебе, нисколько не будучи уверен в том, что они возымеют свое действие, напоминают мне листки бумаги, которые ты еще недавно — а я когда-то давно — пускал на ниточке к поднявшимся в воздух змеям. Мы звали их «курьерами»: иные из них ветер уносил прочь, другие рвались об веревку, и только немногие подымались вверх...

Чем заниматься, какие думы думать, когда дни и ночи зверски болят ноги, еще вчера с таким изяществом скользившие по паркетам; когда суставы закованы в ледяные кандалы и не перестает ломить позвоночник; когда мощный мозг вдруг оказался узником, заключенным в камеру пыток и приговоренным к неминуемой казни...

Вчера, только еще вчера фехтовал как бог и брал первые призы на бешеных королевских скачках, а сегодня и с элегическими прогулками по Гайд-парку навек покончено: ни с того ни с сего упал с лошади... Что за издевательство — громоздить этот мешок с подагрой по парадной лестнице.

Драгоценнейший дар молодости — иллюзия вечности, проще говоря, глупость, но какова расплата. А еще проклятая глухота, вот истинное наказание божье. За грехи, да, за те отвратительные попойки. Первый приступ был как контузия от пушечного выстрела — вдруг наутро после трех подряд картежных ночей в Ганновере, где арманьяк смешивали с бургундским и — страшно вспомнить — с баварским пивом. В этот день нужно было обедать с испанским консулом — и вот на тебе, в каждом ухе по звенящему кирпичу. Спасла только великосветская выучка — улыбки, готовые фразы, импровизация. К вечеру отлегло; но с тех пор год от года какая-то часть звуков извне таяла навсегда, а звуки изнутри прибывали...

Теперь уже не послушать ни любимого Корелли, ни оперы, ни сладкозвучных речей дорогих французов.

Визиты сокращены до минимума. Камердинер Крэгг, докладывая, больше не орет во всю глотку, склоняясь к самой физиономии, что было весьма неприятно, а пишет, но каким убийственным почерком...

Венецианский резной стол с бронзовым литьем и чернильным прибором приходится пододвигать все ближе к камину.

Милый друг,

я считаю, что время мое лучше всего употреблено тогда, когда оно идет на пользу тебе. Большая часть его — давно уже твое достояние, теперь же ты получаешь все безраздельно. Решительная минута пришла; произведение мое скоро представит перед публикой. Одних контуров и общего колорита недостаточно, чтобы обратить на него внимание и вызвать всеобщее одобрение, — нужны завершающие мазки, искусные и тонкие...

Я удалился от дел вовремя, как насытившийся гость, или, как еще лучше говорит Поп, пока тебя не высмеют юнцы. Мое угасающее честолюбие сводится единственно к тому, чтобы быть советником и слугою твоего растущего честолюбия. Дай мне увидеть в тебе мою возродившуюся юность, дай мне сделаться твоим наставником и, обещаю тебе, с твоими способностями и знаниями ты пойдешь далеко. От тебя потребуются только внимание и энергия, а я укажу тебе, на что их направить...

Первые два года пришлось побегушничать при посольстве в Брюсселе. Ничего, будь ты и принцем, начинать надо снизу, понюхать черную работу... Горечь в том только, что пока успеваешь помудреть, времена меняются, вчерашний выигрыш становится проигрышем. Лесть, интрига и подкуп всесильны всегда и всюду, но если раньше с этими горгоньими головами соперничали, вопреки всему, дарования, то теперь все забито развратной бездарью, везде восседают неучи из сановных семейств, у которых за душой ничего, кроме происхождения.

А у нас как раз этот пункт подмочен — единственный, но удобный повод для сведения счетов. Георг II, король по недоразумению, двадцать лет дрожал за долю наследства от любовницы своего производителя, с чьей незаконной дочкой нам довелось породниться. И вот этот мелкий хлыщ, которого после похорон

хвалили за то, что он умер —

под предлогом не чего-либо, а незаконнорожденности, отказал нам в должности резидента при австрийском дворе. Но мы не пали духом, мы вступили в парламент, и что ж из того, что наш первый спич оглушительно провалился. Пять минут сплошные запинки («Выплюньте рыбью кость!» — крикнул с третьего ряда подонок Уолпол-младший), затем кашеобразная галиматья — и — уже под добивающие иронические хлопки — нечто среднее между членораздельной речью и барабанной дробью. Ничего, мальчик мой, я начинал не лучше...

Не собираясь делать тебе комплименты, я с удовольствием могу сказать тебе, что порядок, метод и большая живость ума — вот все, чего тебе недостает, чтобы сделаться видной фигурой. У тебя гораздо больше положительных знаний, больше способности распознавать людей и гораздо больше скромности, чем обычно бывает у людей твоего возраста, и даже, могу с уверенностью сказать, значительно больше, чем было у меня в твои годы. Преследуй свою цель упорно и неутомимо, и пусть всякая новая трудность не только не лишает тебя мужества, но, напротив, еще больше воодушевит...

...Нет, с парламентом ни в какую: за два-три дня до предстоящего выступления теряется сон, появляются какая-то сыпь, отечность, лихорадит...

Нервы, уговаривает себя лорд, но, мальчик мой, если б побольше страсти, здоровой злости!.. Сказывается пассивность твоей натуры и моя ошибка в первые годы, когда я в нетерпении требовал от тебя слишком многого...

Лорд это понял с запозданием, при разговоре с Джаспером, лучшим из королевских егерей. Беседа шла о пойнтерах. Честерфилд спросил, отчего у герцога Мальборо, страстного дрессировщика, охоты всегда бывали неудачными. Джаспер ответил: «Смолоду задерганная собака крайне неохотно поднимает дичь, милорд».

Что же, укрепимся, отложенное не потеряно. Цезарь начинал завоевание Рима с провинций, а мы перебьемся еще немного на скромной должности в Гамбурге, поупражняем речь, будем громко читать стихи.

У тебя есть основания верить в себя и есть силы, которые ты можешь собрать. В ведении дел ничто не обладает таким действием и не приносит

такого успеха, как хорошее (хоть и скрытое от других) мнение о себе, твердая решительность и неодолимая настойчивость. Если один способ оказывается негодным, пробуй другой...

Ну вот и первый прыжок повыше: назначение экстраординарным посланником в Дрезден. Мальчик не сдался, борется, опыт поражений пошел на пользу. А как развился, какой утонченный ум и глубокие суждения. Привел как-то замечательный афоризм:

**КОГДА ДУША ЖИВЕТ НЕ ПО-БОЖЕСКИ
(или «не по-своему»? — не расслышал) —
ТЕЛО ЛЮБЫМИ СПОСОБАМИ СТРЕМИТСЯ
ИЗГНАТЬ ЕЕ ВОН, КАК ИНОРОДНЫЙ
ПРЕДМЕТ —**

кто же, кто это сказал... Какими способами...

Да, немалое наслаждение — теперь уже единственное — беседовать, спорить, болтать, хоть и через тридевять земель, о делах текущих, о новостях и сплетнях, о перспективах, которых нет, о людях с их глупостями и гнусностями, обо всей этой карусели, которая вдруг снова гонит по жилам замерзшую кровь и обретает азартный смысл... Увы, почерк тридцатилетнего мальчика по-прежнему мелкозубчат и водянист, а перо не слишком-то щедро...

Вежлив, заботлив, но скрытен, по-прежнему скрытен. Хоть бы раз поделился чем-нибудь из того, что можно доверить интимному другу. Как ни намекал, ни выпрашивал, иной раз даже в форме чересчур вольных советов и пикантных признаний — в ответ стена. Неужели до сих пор монашеское существование?..

Сегодня утром я получил от тебя письмо, где ты упрекаешь меня, что я не писал тебе на этой неделе ни разу. Да, потому что я не знал, что писать. Жизнь моя настолько однообразна, что каждый последующий день недели во всем похож на первый. Я очень мало кого вижу и ничего не слышу в буквальном смысле...

...Что это... зачем... почему эта вода, мутная вода, и откуда рыбы, белые рыбы с пустыми глазами... почему бьют часы, не слышу, не должен слышать... почему так ускорился этот бой, неужели сломались...

Еще темно...

Последние два твоих письма чрезвычайно меня встревожили. Мне кажется только, что ты, как то свойственно больным, преувеличиваешь тяжесть твоего состояния, и надежда эта немного

меня успокаивает. Водянка никогда не наступит так внезапно (...)

В последних моих четырех письмах я послал тебе нюхательный порошок герцогини Сомерсет. Помог ли тебе этот порошок?

Сырым хмурым утром 18 ноября 1768 года, через два дня после того свидения, камердинер Крэгг вошел в кабинет графа, против обыкновения, без вызова колокольчиком. Протянул записку:

МИЛОРДА ПРОСЯТ ПРИНЯТЬ МИСС СТЕНЕП

...Что за Стенеп... Невозможно как обнаглели эти торговцы. Попросите не беспокоить.

Крэгг удалился, отвесив поклон.

Минут через двадцать явился снова.

**МИСС СТЕНЕП СУПРУГА СЭРА ФИЛИПА
ИМЕЮТ СООБЩИТЬ**

Бой часов Вестминстерского аббатства.

*Стенхоп-младший — Стенхопу-старшему
(ненаписанное письмо)*

Папа, прости,

знобит, должно кончиться,

не огорчайся,

я никогда

не показывал тебе свой аквариум, прости,

ради бога,

я не читаю твои письма, я больше не могу,

их читает Юджиния, она ими восхищена,

законченная система воспитания, говорит она,

да, законченная,

ты не знаешь Юджинию, это моя жена;

она не из аристократок, прости,

у тебя два внука,

папа,

ты меня любишь,

но если бы раньше, если бы раньше

ты узнал меня, папа,

я тоже не знаю тебя, не знаю,

ты предостерегал меня от ошибок, но не дал,

не дал мне меня,

сперва я боялся, что ты разлюбишь,

потом стал бояться твоей любви,

а страшнее всего были твои похвалы

и скрываемые разочарования,

я не мог двигаться, ты связал меня,
кровный друг, благодетель, каждый шиллинг, да,
каждый шиллинг, но
ни в одной твоей строчке я не нашел,
как мне быть,
ты не заметил, что я левша,
ты только всаживал в меня это внимание, это
внимание,
все кончилось раньше начала,
потому что это был сон, я был рыбой в духах и
видел осьминога с твоим лицом,
он давил меня глазами, твоими, моими, твоими,
я давно догадался,
всю жизнь ты просил у меня прощения
за то, что родил, но зачем же, зачем
ты заставил меня жить правой стороной,
я жил ею для тебя одного,
а для себя только левой,
папа,
прости

Каждое утро по улицам Лондона медленно едет известная всем карета. Две белые и две караковые шагают устало и безучастно, им давно уже пора на покой, но возле Гайд-парка одна из белых, бывшая верховая, все еще волнуется, ржет, пытается повернуть... «Граф Честерфилд репетирует свои похороны!» — всякий раз гаркает некий болван из профессиональных зевак.

Невдомек ему, что эту свою последнюю шутку бросил сам граф кому-то из визитеров. Но так и бывает, шутки возвращаются к своему автору, когда он их не слышит.

Лорд Шафтсбери рекомендует разговор с собой каждому писателю, а я бы рекомендовал его каждому человеку. У большинства людей нет времени, и только у немногих есть склонность вступать в этот разговор, больше того, очень многие боятся его (...) Глухота моя дает мне более чем достаточно времени для такого разговора с собой, и мне это принесло огромную пользу...

«Мальчик мой, — шепчет граф, — милый мой мальчик...»

Уолпол-младший — маркизе Д.

«Я прочел полностью письма милорда Честерфилда, которые составляют два пухлых тома в четверку и из которых полтора тома наводят страшную скуку, так как заключают в себе нескончаемые повторения. Это план воспитания, начертанный им для своего незаконного сына, и в этом плане нет ни одной мелочи, которую бы он забыл... Это дитя было толстой грубой свиньей, которую он усиливался отшлифовать, чтобы превратить ее в придворного, человека удачливого и милого, что ему не удалось. Половина последнего тома содержит в себе очень приятные письма, в которых он говорит о наших делах и о нашем обществе...»

Нам осталось добавить совсем немного. Филип Стенхоп II прожил ровно столько, сколько отец до его зачатия: 37 с небольшим. Умер от чахотки. После смерти сына граф Честерфилд прожил еще около пяти лет. До последнего своего дня он был в полной памяти, успел завершить мемуарные очерки, продолжал переписку. К его адресатам прибавилось и неожиданно обретенное семейство наследников — вдова сына и внуки, один из которых тоже получил родовое имя Филип. Юджиния и мальчики иногда виделись со стариком, что, как хочется думать, приносило ему утешение. Когда же лорд отправился вслед за сыном, начали свою внедомашнюю историю эти письма... Юджиния была первой их издательницей. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» — как истинно философски сказано.

7

ОТКУДА Я ВЗЯЛСЯ

**И не только
об этом**

Смерть, животные, деньги, правда, бог, женщина, ум — во всем как бы фальшь, дрянная загадка, дурная тайна.

Почему взрослые не хотят сказать, как это на самом деле?

Есть ли у вас план, как возносить ребенка с младенчества через детство в период созревания, когда, подобно удару молнии, поразят ее менструации, его эрекции и поллюции?

Да, ребенок еще сосет грудь, а я уже спрашиваю, как будет рожать, ибо это проблема, над которой и два десятка лет думать не слишком много.

Здравствуйте.

Хочу спросить у вас, как мне быть.

Когда мне было пять лет, я спросил у мамы, откуда я взялся. Она ответила: «Я купила тебя в роддоме». Я спросил: «А что такое роддом? Такой магазин?» — «Да, — ответила мама, — это такой магазин». — «Где покупают детей, да?.. А сколько ты за меня заплатила?» — спросил я. «Очень дорого. Сто рублей». — «Значит, я стою сто рублей!» — обрадовался я. «Теперь ты стоишь еще дороже». — «Сколько? Тысячу, да?» — «Да». — «А почему?» — «Потому что ты вырос». — «А ты сколько стоишь?» — «Не знаю, — сказала мама. — Не помню, спроси у бабушки». — «Она тебя тоже в роддоме купила?» — «Да».

Я решил спросить обязательно, было очень интересно узнать, сколько стоит моя мама. Но

бабушка была в деревне. Поэтому я на другой день спросил у папы, сколько рублей он стоит. Папа удивился и рассердился: «Что ты болтаешь. Человек не стоит нисколько рублей, человек бесценен. Это только рабов покупали за деньги». — «Значит, я раб», — сказал я. «Почему?» — удивился папа. «Потому что меня купили за сто рублей. А теперь могут продать за тысячу». «Что за глупости? Кто тебе сказал такую ерунду?» — «Мама». — «Мама?.. А-а. Понятно».

Потом однажды мы пошли с папой в «Детский мир» покупать для меня машинку. Там было много разных красивых машинок, и папа объяснял мне, что их привозят сюда с фабрик, их там делают и затрачивают на это много материалов, потому они и стоят так дорого. Я спросил: «На меня тоже затратили много материалов?» — «На тебя? Да», — сказал папа. — «Много». — «А-а», — сказал я, — «понятно». — «Что понятно?» — встретился папа. «Понятно», — сказал я, но сам не понимал, что понятно. Вспомнил, как папа сказал, что мама сказала мне ерунду насчет этих рублей. И спросил: «А на какой фабрике меня сделали?» Папа долго думал. Потом сказал: «На картонной. То есть... на космической». — «В космосе, да?» — «Ага». — «Значит, меня привезли из космоса?» — «Да». — «А тебя?» — «И меня». — «И всех людей оттуда привозят?» — «Да. Но сначала они попадают в животики». — «В какие животики?» Тут папа вдруг покраснел и рассердился: «Хватит! Пристал опять! Со своими дурацкими вопросами!.. Вырастешь, узнаешь! Смотри, какая машинка».

Летом меня отправили в деревню к бабушке. И я, конечно, сразу же спросил у нее: «Бабушка, а за сколько рублей ты купила маму?» Бабушка засмеялась: «Ни за сколько, Роденька. Я ее в капусте нашла. Бесплатно». — «А мама сказала, что ты ее купила в роддоме». — «Правильно, Роденька. Это я ее уж потом в роддом снесла и купила. Оформила за руб двадцать. А сначала в огороде, в капусте». — «Только руб двадцать? Так дешево?..» — «Да, Роденька, раньше все дешевле было, не то что теперь. Все нынче подорожало». — «А откуда она в капусту попала? Из животика, да?» — «Да ты что, господь с то-

бой. Это кто ж тебя научил? Стыд-то какой. В капусту, Роденька, деточек аист носит». — «С космической фабрики?» — «Какой такой фабрики?.. Научают детей черт знает чему, прости господи. От бога, миленький мой, от бога». — «Бабушка, бога нет, я уже знаю, нам в детском саду сказали. Бог был раньше, а теперь нет. И аистов тоже нет. Люди делаются на фабриках в космосе, из космоса попадают в животики, из животиков в капусту, а из капусты в роддом».

Бабушка начала креститься и почему-то заплакала. И я тоже захотел плакать. Обидно мне стало, что мама у меня такая дешевая.

Потом, когда я пошел в школу, я спросил во дворе у Витьки Штыря, командира нашей крепости (ему было уже одиннадцать), за сколько его купили. Витька посмотрел на меня, прищурился и сказал: «Ща по хлебалу. Ты откуда взялся? Из о-бэ-хэ-эс?» «Не, — ответил я, — я из роддома. Меня там купили. А сделали на фабрике, в космосе». — «Ха-ха-ха-ха!.. Во дает, а. Ты чё, глупый, что ли? Взрослых слушает, сказочки завиральные. Не знаешь, как детей делают?» — «Как?» — «Вот так: тюк — и готово. Понял?» — «Вот так?..» — «Ну. А ты как думал». — «Бесплатно?» — «Ха-ха-ха-ха! За это даже деньги дают, кто больше всех намастюрит».

Я чуть не заплакал опять. Я понял, что я глупый, что взрослые врут и что все это очень скучно. Как раз в этот день папа учил меня, что врать нельзя никогда, потому что любое вранье обязательно разоблачается.

Штырь мне потом еще много чего порассказал. В общем, все оказалось просто, так просто, что я ему не хотел верить.

Когда мне исполнилось девять лет, я пошел в кружок юных натуралистов. Я очень люблю животных, особенно хомячков. И птиц тоже люблю, и рыб, и лягушек. Там, в кружке, я увидел, как звери и птицы рожают детенышей, как выкармливают. Я узнал, что все живые существа происходят друг от дружки, от самцов и самок. Это называется «спаривание». Наш руководитель Виталий Андреевич, биолог, рассказал нам, что это самая главная тайна природы. И у человека это

главная тайна. Но у человека это называется не «спаривание», а «любовь».

Я спросил: «Виталий Андреевич, у нас в классе уже четыре любви. Это очень плохо?» — «Ну почему же. Это не плохо». — «А как же, ведь теперь они должны рождать детей». — «Почему, вовсе не должны». — «Ну как же, они ведь живые существа». — «Человек живое существо не такое, как остальные. Человеку любовь нужна не только чтобы рождать детей. У человека много разных видов любви. Вот ты, например, любишь маму и папу, правда?» — «Да, — сказал я, — конечно». И тут же почувствовал, что соврал. Или сказал не всю правду...

Я уже не знал, люблю я их или нет. После того как понял, что они меня обманывают, я перестал им верить. А как любить, если не веришь?

Об этом я и хотел спросить.

Когда от преследователя убежать невозможно, страус прячет голову в песок. Хищник может откусить его тело, зато голова в безопасности.

— Врешь ты, все врешь!

— Ха-ха, во дурак-то! Чик-чирик! Понял, как?

— Сам дурак! Врешь!

— Ну на что спорим, а? Тебя когда спать загоняют? Не поспи час, ну два. Знаешь, как можно? Заварки чайной наглотайся. Они у тебя в другой комнате, рядом, да? А ты ухо к стенке... Ревешь? Ты чего?

Боре М. было уже двенадцать, когда он с исчерпывающими подробностями узнал, как получают дети. Вот так запоздание.

Родителей боготворил. Вместе строили парусник... И вдруг этот Санька прицепился с вопросами. И выяснилось, что он ничего не знает. И тогда Санька все рассказал, и как рассказал...

Две недели не сомкнул глаз. Наконец однажды ночью не выдержал, спрыгнул с кровати...

Ожог. Заболел психически.

«Хотели его уберечь... Сохранить чистое отношение... Когда три годика было, сказали, что из цветочка вырос. И в шесть лет то же самое: что в лесу бывают такие цветочки, самые красивые, из которых вырастают маленькие человечки. Больше не спрашивал. Ду-

мали, будет проходить в школе биологию, сам поймет, — объясняла мать. — А теперь не может нам простить...»

Здесь лишь вышел на поверхность глубокий внутренний слом, происходящий всякий раз, когда терпит крах детская вера, не укрепленная связью с истиной; когда затаившееся неведение казнится наконец безжалостной жизнью.

Так «святой ложью» якобы защищая детскую чистоту, на самом деле защищаем только свою собственную трусость и недалекость. А чистоту ребенка, во всей беспомощности, бросаем на растерзание грязи самой жестокой, лжи самой лживой, имеющей вид правды, — дикорастущей пошлости.

Не счесть жертв страусиной защиты.

Но как не лгать?.. Как рассказать, с какими подробностями?.. Один спросит и через секунду не помнит, а другой так дотошен, так неукротимо догадлив...

Семилетняя допытывается:

— Ну а все-таки, ну расскажи, как это получилось? А где я была раньше, в папе или в тебе? Да я уже знаю про пчелок. И про кошек, и про собак... А как папина клеточка прибежала к тебе? А откуда она знала, куда бежать? Ты подсказывала? А если бы заблудилась?..

Через три года открылась:

— Я все доузнала сама, от подружек. Ты не хотела говорить со мной как с большой.

Тринадцатилетняя:

— Я хочу стать врачом по генам, чтобы переделать людей. Чтобы не было некрасивого.

Пятнадцатилетняя (о взрослых):

— Они смотрят на нас грязными глазами.

Как мы не отвечаем на их вопросы. Из старых вариантов — три основных вида пресечения.

Пресечение простое. «Отстань. Не приставай. Негогда. Не видишь, занята. Поди погуляй. Не задавай глупых (неприличных, некрасивых) вопросов».

Реакция: «Задам, но не вам».

Пресечение со ссылкой на возраст. «Тебе еще рано это знать. Вырастешь — узнаешь. Много будешь знать, скоро состаришься».

Реакция: «Долго ждать. Выясню сам».

Пресечение со следствием. «А почему это тебя вдруг заинтересовало? Такая странная тема, а? Такая ерунда, гадость такая!.. Кто это тебя... навел на размышления, а?!»

Реакция: «Очень интересная гадость».

Из нынешних — три вида отзывчивости.

Отзывчивость не по делу. «Хвалю, приветствую и поздравляю. Весьма знаменательно, весьма, надо сказать, своевременно у тебя возник данный вопрос, а учитывая потребность современной молодежи во всесторонних знаниях, он не мог не возникнуть. Как известно, знание — сила, а в человеке все должно быть прекрасно, все без исключения, и душа, и это, как его... Ну... Итак, рассмотрим прежде всего нравственные аспекты...»

Реакция: «Когда же ты перестанешь так нудно врать».

Отзывчивость грустная. «Эх, что же поделаешь... В аиста, значит, не веришь? Ни в огород, ни в магазин?.. Пропащее вы поколение, не убережешь вас от информации. Про червячков уже знаешь? Ну так вот, и у человечков, к сожалению, так же...»

Реакция: «А почему к сожалению?»

Отзывчивость информативная. «Хи-хи-хи, ха-ха-ха, хо-хо-хо! А ну-ка выйдем из кухоньки, чтобы бабушка не слыхала, я тебе кое-что, хе-хе-хе, для начала...»

Реакция: «Тьфу».

«Я не хочу быть человеком. Я хочу быть наоборот», — сказал мне один шестилетний. «А почему?» — «Потому что человек делается неправильно». — «Что неправильно?»

Посмотрел на меня иронически и дикторским голосом произнес два непечатных слова.

Одно время довелось вести рубрику «Интимное воспитание» (предложил такое название вместо обесславленного полового) в журнале «Семья и школа». Попытка расширить знания о развитии детей, в том числе сексуальном, о психологии пола и отношения к полу. Решился и на некоторые предложения — как вести себя тем, кто хочет, чтобы психосексуальное развитие ребенка протекало без травм, чреватых душевной инвалидностью, а иной раз и гибелью. Как рассказывать правду...

Пришла уйма писем.

«...Если бы я получила эти знания вовремя! Не было бы искалеченных судеб — моей и моих детей...»

«...Возмутительно и чудовищно! Спокойно относиться к тому, что ребенок созерцает голое тело?! «Любовные сцены» собак и кошек, эту мерзость — да еще объяснять?! Рассказывать ребенку, что он произошел от зародышей? Да еще при этом указывать на живот?! А на какое место живота, позвольте узнать?.. Может быть, еще раздеться и продемонстрировать, как это делается?!»

«...Наконец-то поддержка... Пишите, пожалуйста, больше для наших родителей и учителей. Они нам не верят, они нас боятся. Не хотят с нами разговаривать по-человечески, для них все это как пугало огородное...»

«...Что же, нам, по-вашему, спокойно смотреть на то, как «общаются» между собой 12- и 13-летние? Может, скажете еще: создавать им условия поиграть «в маму и папу», оставлять вдвоем в комнате, а самим уходить? Научить пользоваться презервативами?...»

«...А все, наверное, потому, что их самих воспитывали под прессом, сами несчастные. Ничего, кроме подозрений и фальшивых нравоучений. А потом удивление: почему так много одиноких, почему одни делаются душевнобольными, а другие идут на разврат и преступления...»

«...Раньше меньше грамоты разводили, зато семьи были крепче. А теперь развелись дармоеды-социологи, доктора наук, жрут хлеб народный, по телевизорам выступают, разврат несут, мнение свое навязывают, проститутки моральные...»

Может быть, и не стоило приводить эти выдержки (еще не самые красноречивые), но ведь это и есть реальность психологии пола.

В состоянии ли привить здоровое отношения к полу родитель, педагог, воспитатель, сам такого отношения не имеющий? Бушующая кривологика...

Авгиевы конюшни тысячелетий. На памяти человечества нет ни одного поколения, которое бы не жаловалось на падение нравов последующего. Кризис половой морали копился исподволь, долгие века, и теперь, когда окончательно утрачивают силу средства подавления, насильственные и авторитарные, просто нет пути совладать с темной звериной силой, кроме знания — открытого, всестороннего. Гласность, да.

Пока нет проблем. Спрашивают: когда же и как его начинать, это интимное воспитание?

Ответ: еще до рождения.

Сосунок, младенец. Можно еще ползать и ходить вполне голеньким. Сама невинность, сама чистота.

Утверждать, однако, что пола в это время еще не существует, — значит, по меньшей мере, выдавать желаемое за действительное.

Пол действует с момента зачатия, и уже в материнской утробе мальчики ведут себя иначе, чем девочки.

Другое дело, что пол пока еще не двигатель жизни, а, как тяжелая фигура в шахматной партии, участвует в игре скрыто. «Секса» нет, но есть разлитой эротизм, пронизывающий тельце ребенка и окрашивающий некоторые картинки в тона, вполне узнаваемые. Бессознательное влечение к телу, объятиям, к ласке. Потребность качаться, ритмически двигаться...

Невинно, естественно — как и желание любящих взрослых, особенно женщин, — ласкать, тискать, тормошить, обнимать, прижимать к себе маленького. Так все и должно быть. Желательно лишь не переходить меру — быть несколько сдержаннее, чем побуждает чувство, избегать ласк слишком жарких и длительных. (Дети и сами чуть позже начинают их инстинктивно избегать.)

Естественно и любопытство малышей к собственному телу. Удивительно, как и все остальное. Все в какие-то мгновения приковывает внимание... Не ужасаться, не одергивать, не «давать по рукам»!

Период самоисследования необходим. Если кажется, что слишком увлекся, — мягко отвлечь.

Бессознательный онанизм — явление той же природы, что неотвязное сосание пальца. Ребенок не знает, что это плохо, а узнавая (обычно сразу же в форме наказания), не понимает, почему. Сразу конфликт, чреватый далекими последствиями, риск тяжелых пси-

хоневрозов в будущем. Боль и страх лишь усиливают влечение, притом его извращая.

Не раздувать проблему. Пройдет, не сразу, но пройдет, само собой. Не стискивать одеждой, не по-нуждать долго сидеть и лежать, не перекармливать, не перегревать.

Простора, движения, воздуха, разнообразия!

«В папу и маму». Где-то с двух-трех лет подходит к концу привилегия младенчества — свободная нагота. Начинается эпоха приличий.

Момент, обычно ускользающий от внимания: как ребенок реагирует на первые наши требования обязательно надевать штанишки, ни в коем случае не показывать то, что нельзя, не смотреть на то, что нельзя.

Соглашаясь, даже радостно соглашаясь («я уже большой», «я как взрослая»...), все же затаивает и какой-то неясный вопрос, на который будет искать ответ. «Запретный плод» уже появился.

С четырех-пяти — всем известная игра «в папу и маму». При случае и взаимоисследование: посмотреть, а что там, а почему...

Ничего особенного: интерес угасает очень быстро, за секунды. Некоторая недовыясненность: почему у мальчиков так, а у девочек так.

Игры «в папу и маму» — первые зачаточные пробы будущих взрослых ролей. Почти сразу же позабудутся, но через какие-то следы в глубинной памяти, возможно, помогут необходимому далеко потом... Секса здесь не больше, чем в игре в прятки.

Посмотрите, как и детишки постарше спокойно бегают голышом на пляже, совершенно забыв и о своей и о чужой наготе. Когда плод не запрещен, и интереса нет. Считать преходящее детское любопытство к половым органам проявлением «испорченности» могут только испорченные воспитатели. Оголтелая подозрительность действительно может испортить многое. Внушаемость такова, что и молчаливый взгляд, переполненный взрослой мерзостью, может заморозить душу на годы.

Разоблачения и репрессии — психотравмы на всю жизнь, риск остаться без внуков.

«А что же?.. А как же, если?..»

Неодобрение может выразить спокойное: НЕКРАСИВО — как некрасиво и ужасно глупо, скажем, вы-

совывать друг перед другом языки или плевать. Некрасиво — и все.

На досуге не забудем вовлечь в игры с другим направлением.

Железа целомудрия. Ребенок не сознает, что ищет истину, а испорченные воспитатели этого не замечают.

Замечают только нездоровое любопытство.

Не замечают чистоты. Не видят **САМОЗАЩИТУ ЧИСТОТЫ**. Упрямую, иногда до отчаяния, решимость не впускать в себя ничего сверх того, что способна без искажений вместить душа. Ведь почти у всех первая, мгновенная реакция — отодвинуться...

Чтобы стать цветком, нужно побыть бутоном.

Завтра увидим, как расцветут, как все по-другому, но повторится... Но когда же это завтра, где же оно?.. И наимудрейшему родителю не избавиться от иллюзии, что ребенок всегда будет таким, каков в сей момент.

Никогда не женится, не родит. Никогда не расстанемся... Неужели вырастет борода?

Каждый проходит стадию, когда все, чему в недалеком будущем суждено заговорить, запеть, застонать, а то и взорваться, — молчит, как бы стараясь убедить в своем отсутствии.

У одних до 12—13, у других до 16—17 господствует гормональная железа детства, вилочковая, лежащая неприметно в верхней части грудной клетки и сотворяющая все характерные детские свойства: и эту мартышечью непоседливость, и нетерпеливость, и кажущуюся невнимательность. Наводнения любопытства, пожары воображения... Железа игры, железа целомудрия. Препятствует росту опухолей.

Эта самая железка притормаживает и половое развитие. И правильно делает, ибо, прежде чем расцвести, надо не только вырасти, но и собрать кое-какие сведения об этом мире.

У нас, в Бывандии. (Справка из подслушанного разговора.)

— Откуда я взялся?

— А сам не знаешь?

— Не знаю.

— Забыл сказку?

— Какую?

Не в Папандии,
не в Мамандии,
не в какой-нибудь Дедобабандии,
нет, не там
и не сям,
где не синлось ни котам,
ни гусям,
в небывайской стране Небываидин,
в забывайской стороне,
в открывайском окне
дома номер мильон
проживает почтальон
Фантазей,
сам король почтальонов — Фантазей,
почтальон почтальонов — Фантазей,
Фантазе-е-ей-Вообразей,
жить не мо-, не мо-, не может без друзей.

И стало ему однажды без тебя скучно. И взял
Фантазей да и вообразил тебя, своего лучшего друга.
И пришла к нам в Бывандию

телеграмма:
ПАПА ЗПТ МАМА
СРОЧНО ДЕЛАЙТЕ ВАСЮ
НЕ ТО ОТДУБАСЮ

Не простая телеграмма, а срочная, вроде молнии,
очень точная. Сам понимаешь, задание пришлось вы-
полнять.

— И вы меня сделали?

— Как видишь. Еще не совсем.

— А из чего вы меня сделали?

— Сначала не из чего было делать, кроме как из
себя. Потом нашлось кое-что другое.

— А как это — из себя?

— Из зародышей, совсем маленьких. Их даже не
видно. Почти так же, как цветки делают новые цвет-
ки. Сначала Папа-цветок отдает цветку-Маме свой за-
родыш. Иногда этот зародыш пчела или шмель пере-
носит, а иногда и сам долетает, по воздуху. И соеди-
няется с зародышем цветка-Мамы. Получается общий
и начинает в цветке-Маме расти. А потом — на землю
и растет дальше. И вот это уже и есть цветок-Сын или
цветок-Дочка... Расцветает, когда вырастает. И тоже
сделает вместе с другим цветком новый цветок.

— Я был зародышем?

— Да. Ты был сначала целыми двумя зародыша-
ми, они соединились, и ты стал таким веселым заро-
дышем, из которого вырастает человек.

— И у меня будут зародыши?

— Будут, когда совсем вырастешь и расцветешь. Но тогда еще придется тебе самому доделываться. А посмотри, видишь? Бабочка с другой бабочкой красиво летают! Это они танцуют, это их свадьба, праздник, они счастливые... Их тоже выдумал Фантазей.

— А почему, когда жарко, люди снимают с себя все, а трусы не снимают? Зачем штаны?

— Понимаешь, тут у нас в Бывандии очень много привычек и правил. Ходить в штанах — это такая привычка, такое правило. Все бывайцы так ходят и хотят, чтобы все так ходили. А кто правил не соблюдает, на того они сердятся или смеются над ним, стесняются или боятся... Правда, и в Бывандии есть такие места, где, наоборот, правило у всех ходить голышом, и там сердятся, когда кто-то это правило нарушает. А еще и такие, где, например, считается неприличным есть — все едят тайком друг от друга и ужасаются, когда кто-то заметит. Нам с тобой это кажется глупым, а тем бывайцам не кажется, они не верят, что можно есть, не стыдясь. Очень разные и очень смешные бывают правила и привычки в Бывандии!..

— А почему маленьким можно ходить на пляже голышом, а большим нельзя?

— С самых маленьких соблюдения правил еще не требуется, потому что тут, в Бывандии, они еще не освоились. Они еще и говорят-то на небывайском языке. Ты тоже сначала на нем говорил.

— А ты?

— И я. Мы из одной сказки. Она еще не окончена...

Готовиться к встрече. «Откуда берутся дети?» — «Зачем одеваемся?» — «Зачем звери соединяются?» — «Зачем люди женятся?» — «Что такое любовь?» — «Зачем меня родили? Зачем живут люди?..»

Не должно быть стереотипов. Шестилетнему иначе, чем двухлетнему. Девочке иначе, чем мальчику. Опережающему в развитии иначе, чем ровесникам.

Нельзя угадать, как ребенок воспримет наши ответы, куда поведет его дальше отсутствие знания и понятий, присутствие любопытства и фантазии, стихии собственной жизни.

А в то же время, от того, как будем отвечать, как настраивать, зависят развитие, здоровье, судьба...

Не объяснения, а разговор. Не инструкции, а общение. Не секспросвет, а высшая творческая задача.

Пять пожеланий:
никаких «святых лжей»;
не пресекать вопросов;
не стараться объяснить сразу все;
не чувствовать себя виноватыми перед детьми за
способ их сотворения;
думать. Ведь мы и сами почти ничего не знаем.

...Шла война. Моряку было четыре года. Папы с ним не было уже второй год, лица его он не помнил. Открытие: вдруг увидел свою маму. СВОЮ.

В доме жила дворняжка Норка, чуть больше кошки, но, учитывая тогдашний рост Моряка, существо вполне основательное.

Собачоика эта стала моим первым врагом. Все последующие были чем-то похожи.

На всю жизнь запомнилась ее оквадраченная морда и выпуклые, ржаво-черные контролерские глазки, в которых посверкивало раз и навсегда готовое обвинительное заключение.

Она претендовала на маму. Завела демонстративную привычку забираться к ней на колени, подхалимски крутилась вокруг да около, встречала и провожала. Когда же подходил я — не подпускала, ворчала, скалилась, один клык сверкал слева направо, другой — справа налево.

Отлично понимала, что первенство в хозяйкном сердце принадлежит не ей, и, считая меня по рангу за величину низшую, искала поводы свести счеты.

Одной из форм мести было недопущение меня в Подстолье — страну страшно важную, когда под стол ходишь пешком.

И вот как-то сидел Моряк за обеденным столом, и случилось ему поерзать, а стул, он же Морская Лошадь, задумчиво заскрипел. Из Подстолья раздалось: «Р-р-р...» Эксперимент повторился. «Пр-р-рекр-рати, говор-рррю!..» Прекратил, но из самолюбия решил, что имею пр-р-раво болтать ногами. «Р-р-р-ав!!!» — острая боль... Прокушен был ботинок и палец до кости. Наказали не Норку, а Моряка. Отругали: «Зачем дразнишь собаку?»

Собакобоязни не развилось, но еще года три после того не мог равнодушно видеть рядом с мамой какое животное, даже курицу. Ревновал к подругам, боялся, что маму отберут, что меня оттеснят, забудут да еще ни за что ни про что укусят...

УВАЖАЕМЫЙ ДОКТОР,

моему сыну 15 лет. Когда ему было три с половиной, мы развелись с его отцом. Ушел к другой, и после нескольких попыток вернуться больше с нами никогда не общался... Вот с тех самых пор у сына и началось ко мне странное отношение.

В четыре с половиной объявил, что на мне теперь женится он. Начал ревновать. Всякое появление в доме мужчины — скандал, слезы, истерика. В семь лет намерение «жениться» было забыто, но ревность не кончилась, даже усилилась. По этой причине я не смогла во второй раз выйти замуж за очень хорошего человека. И до сих пор он всегда напряжен в отношениях с любым мужчиной, даже вне связи со мной. Следит, чтобы я ни с кем не встречалась, нигде не задерживалась...

Как он будет вести себя со своей будущей женой? Наверное, замучает ее. Такого ревнивца никому не пожелаю. Не патология ли? Что с ним делать? Как мне вести себя?

(!) *.

Не было ли момента, когда сын мог испугаться, что Вас потеряет?

Может быть, расставание с отцом натолкнуло его на опасение, что ему придется расстаться и с Вами? Не пожелал ли из-за этого закрепить «право собственности» на Вас? При такой установке всякое существо, как-то отождествляемое с собой, автоматически воспринимается как соперник.

Не случилось ли сыну стать свидетелем Ваших сцен с мужем, предшествовавших расставанию?.. Не было ли с Вашей стороны слишком поспешных попыток выйти замуж или хотя бы такого желания, которое могло показаться сыну угрожающим?..

Дети иногда фантастично чутки даже к мимолетным настроениям взрослых, могут и многое измышлять, но редко совсем без повода...

Для ребенка бесконечно важна уверенность, что мы принадлежим ему как ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, да, всецело и навсегда. И вот откуда эти проекты жениться на маме, выйти замуж за папу (последнее, впрочем, реже, и никогда, если папа пьет).

* (!) — здесь и далее вместо имени адресата. — В. Л.

Уверенность в безраздельном, вечном владении, подтверждения уверенности — зачем, почему?

Потому, что ребенок начинает ее терять.

Уже смутно чувствует, безотчетно догадывается:
НА САМОМ ДЕЛЕ это не совсем так...

А наш выбор — «между львом и крокодилом». Поддерживая собственнические притязания, создаем множество проблем и себе и ему, включая и его будущие интимные и семейные отношения. Не поддерживая, пресекая, отрывая от груди, рискуем оставить в отчаянии внутреннего сиротства...

Если у Вас с сыном отношения искренние, уже можно с ним об этом поговорить.

Загородный дом творчества. Приятно и поучительно разделять трапезы с собратом-писателем.

— Над чем работаете?

— Пишем с коллегой книгу «Нестандартный ребенок».

— Вот как?.. Интересно. Я тоже кое-что по детской тематике...

— Сказки? Стихи?

— Сейчас главное — публицистика.

— Что именно, не секрет?

— Пишу статью против совместного обучения. Да, считаю, что надо срочно восстановить раздельное. Вы шокированы. Вы будете спорить.

— Могу только поспорить, что у вас не сын. У вас дочка.

— Да, в первом классе. А как вы догадались?..

На следующий день он пришел расстроенный.

— Что-нибудь случилось?

— Так и знал... Позвонил домой, и вот такое...

— Да что?

— Влюбилась, влюбилась, дрянь эдакая. Представляете?! Влюбилась в четвероклассника. Придется ехать в Москву...

— Взаимно?

— Что вы, он ее и в глаза не видел. Да и она его всего раз, в коридоре... Извините, спешу...

Слегка успокоился после того, как узнал, что дочка поостыла к своей пассии в школьной раздевалке. Два раза толкнул, на ногу наступил. Дерется с девочками, а больших мальчишек боится.

— И все-таки я за раздельность. Ну не с первого,

а так примерно с пятого класса, чтобы не было этого... Вы понимаете?

— Понимаю. Прямо из женского монастыря — замуж, и заодно запретить разводы.

— А что ж, я бы и запретил.

— А я бы еще ввел брачные экзамены. Аттестат на право. Тридцать три предмета, не меньше.

— А что? На право вождения автомобилей экзамены сдаем, видите ли, а на право вождения жизни?! Провалились — ступайте вон, готовьтесь на следующий год. Да, вот так!

— Боюсь только, что придется одновременно срочно создавать сеть спецдетсадов для внебрачных детей.

— Ах ты черт... Не говорите мне этого! Вы садист!

Антимиры. Так было испокон веков и так будет, пока существуют род женский и род мужской. Перед броском друг к другу две половины человечества должны накопить силу взаимного притяжения, а для этого временно размежеваться.

Невзирая на совместность обучения, Природа делает свое: приблизительно до восьмого класса девочки дружат преимущественно с девочками, мальчики с мальчиками. Стихийные стайки и дружащие парочки, как правило, однополы. (Из этого правила есть, однако, серьезные исключения.)

Влечение с обратным знаком — так можно, пожалуй, отвлекаясь от исключений, определить основное отношение полов друг к другу до созревания.

Хочешь не хочешь, а в каждом классе и в каждом дворе образуется при одном явном еще и по два тайных мирка, отделенных друг от друга незримыми, а часто и вполне видимыми перегородками. Вон к той крепости за пустырем, сделанной из обгорелых ящиков и железяк, ни одна из окрестных красавиц и близко не подойдет, зато вот на эту скамеечку, что поближе к дому, ни один уважающий себя мальчишка не сядет.

При всех успехах мирного сосуществования в мирах этих возникают свои устремления, свои жаргоны и микрокультуры.

Каждый ребенок неосознанно, но неотступно решает одну из важнейших стратегических задач целой жизни — отождествление со своим полом. От этого будет зависеть и отношение к противоположному. И отношение к родителям, и к будущим собственным детям... И выбор профессии, и многое другое.

Ядерное испытание. Вот и препубертат — предпоростковый возраст. Вот-вот начнется...

У каждого по своему графику. У некоторых девочек — уже в 11. Одни мальчики в 13—14 уже с усиками, другие еще цыплятами идут в армию.

Если спросить себя, если вспомнить, чего мы сами ждали, чего желали бы от родителей, от старших касательно этих дел, если попытаться снова погрузиться туда, в наши глупые трудные времена...

Вдруг оказываешься, как во сне, в какой-то темной пещере, несущей тебя то ли вверх, то ли вниз... Не понимаешь, что с тобой делается, — то натянут как струна, то как мешок с кирпичами...

Мы не сознавали, что это времена трудные и глупые — все времена такие. Мы не знали, чего хотим от старших, кроме безнадежного: чтобы не мешали...

Вот сейчас ясно — хорошо было бы, если б вовремя предупредили, спокойно объяснили... Поведали бы не только об этом, но и вообще... О любви, о себе, о жизни... Только без навязываний, без поучений! Только не считая за маленьких!..

Элементарная наблюдательность плюс воспоминание о себе многое подскажут. Конечно, желательно знать. Но еще желательней — осознать, чего не знаешь и по сей день, а теперь наблюдаешь, как очередное ядерное испытание.

Только взрыв этот уже не в тебе, а в том, кто получился из твоего...

Приходят месячные, должны приходить — что это такое? Почему и зачем? И из врачей мало кто знает, что это наследие дальних времен, когда мы были океанскими жителями, существами, чье тело строилось и жило по приливно-отливным ритмам. Заметна и сейчас связь с лунными фазами...

Ничего не знаем о смысле оволосения, кроме того, что это вторичный половой признак. Не знаем, почему и у мальчиков на некоторое время твердеют и болят грудные железки, а иногда и вспухают. Действует какой-то гормон, но зачем?..

А откуда вдруг эротические сновидения? Как случается во сне то, чего в жизни не было, быть не может, чего и вообразить невозможно?..

Поллюция — буквально значит «загрязнение», «осквернение», а ведь это лишь выход семени, чистой природы, подобной цветочной пыльце. Да, начинается цветение — природное существо имеет все основания

радоваться, ликовать, а у нас муки стыда, смятение, ужас... Почему в самый неподходящий момент эрекция?..

Пол родителя, пол ребенка. Естественно, когда мать посвящает дочь, отец — сына. Но дело не в том, кто, а в том, как. Если нет уверенности, лучше попросить кого-то, кому доверяем. Маловероятно, чтобы даже знающий и тактичный отец, будь он и врачом, смог преподать дочери некоторые гигиенические навыки. Но мать — здесь сама природа дает больше свободы — вполне может, в меру своей осведомленности, рассказать сыну и о мужской физиологии, и о женской. Важно лишь принять это не как тяжкую обязанность, а как святое право. И не ограничиваться только физиологией.

Если удастся хоть раз спокойный разговор — это вход в дружбу на новых основах.

Не задаваться целью научить, повлиять, направить — это происходит тем верней, чем меньше намеренности.

«Как подойти, с чего начинать?.. Жутко трудно! Какой-то барьер... Как же я могу все рассказывать, я, именно я?.. Почти как рассказывать о неизбежности смерти».

Да, барьер, притом двусторонний. Даже великовозрастный ребенок более всего стесняется таких разговоров именно с собственными родителями. Боится вопросов, боится нравучений, боится и неуклюжих, убийственных откровений. Есть у каждого, повторим, глубочайший инстинкт нравственного самосохранения. Это именно он делает невозможным и для взрослого представить тайну собственного рождения как простой плотский акт, хотя все вроде бы ясно.

Не «ясности» ищет душа в этом знании, а посвященности.

Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего. Десятилетний может оказаться более образованным в вопросах пола, чем мы с вами.

При вопросах, ставящих в тупик, лучший ответ: «Мне об этом нужно узнать точнее, подумать. Потом поговорим». Авторитет и доверие ущерба не потерпят, напротив, и драгоценные вопросы не пропадут.

Придется только выполнить обещание. И не откладывая надолго.

Кое-что о зрелищах. Разговор шел об обычных трудностях учебы, о вполне ординарной лени, о стандартном непослушании, когда вдруг мать как о самой собой разумеющемся сообщила:

— Мы с Андреем уже полтора года не разговариваем.

— Почему?

— Он оказался таким... Ужасно. Не знаю, как рассказать.

— Как было.

— Не могла себе представить, что мой сын окажется таким... ненормальным... Таким подлецом... Вы не можете себе вообразить. Кошмар, стыд. Ну, короче говоря... Он подсматривал.

— Что подсматривал?

— Как я мылась в ванной.

— ...

— Да. Через застекленное окошко из туалета. Теперь его замазали.

— Погодите, не понимаю. Сколько ему лет, вы сказали?

— Скоро четырнадцать.

— И уже полтора года не разговариваете?

— Как можно после такого о чем-нибудь говорить?

— И это единственное его прегрешение?

— По-вашему, этого недостаточно?

— Я хотел спросить, провинился ли он перед вами еще в чем-нибудь, из-за чего стоило бы полтора года не разговаривать? И как вам это удастся?

— Да нам, в общем, и не о чем. Кроме еды, уроков...

— А раньше было о чем?

— Раньше я думала, что у меня растет друг.

Она считала сына не менее чем извращенцем.

Вопрос, иногда задаваемый: нужно ли оберегать ребенка от невольных зрелищ взрослой наготы, в том числе и родительской?

Ответ: не в большей мере, чем от зрелища вашего плохого настроения.

Двойной счет. Незабываемо это событие, когда наше невинное чадо в первый раз приносит домой со двора или из садика нечто благоуханное.

Реакции взрослых — от смеха до ремня. Но так или иначе в бытность детьми мы узнаем, что бывают

слова обыкновенные, хорошие, и бывают плохие, и что говорить эти плохие слова — значит быть плохим и делать плохо другим.

А значит — НЕЛЬЗЯ.

А ПОЧЕМУ?..

Почему нельзя произносить и писать слова, обозначающие всем известные части тела и действия, с ними связанные? Интересны не сами эти части и действия — ерунда, а вот интересно, почему же НЕЛЬЗЯ?! Почему, как так выходит, что слова эти — ужасные, оскорбительные, непристойные?.. Кто придумал эти негодные слова и зачем? А на заборах, на стенах зачем пишут?.. Не-цен-зур-ные. А что это значит?..

Почему другие слова, обозначающие *то же самое*, писать и говорить можно? Слово «спаривание», например, считается приличным, употребляется в учебниках. А ведь?..

Почему, почему?..

Не всякий взрослый ответит на эти вопросы. Далеко не всякому они и приходят в голову. Взрослые просто хорошо запомнили, выучили, какие из придуманных ими слов говорить можно, а какие нельзя. Но иногда забывают...

Среди дошколят в дворовых компаниях и в детских группах вспыхивают время от времени эпидемии примитивного сквернословия, быстро гаснущие, родители иногда не успевают даже заметить...

Из рассказа одного повзрослевшего.

— Воспитали меня прекрасно: на классической музыке, на литературнейшей речи, на математической строгости в моральных вопросах. Никогда ни одного недостаточно интеллигентного слова в семействе не проскользнуло. А вот теперь небольшим начальником на участке работаю, и такая кругом математика, что хоть с заткнутыми ушами ходи. Самое интересное: люди в большинстве неплохие, отчасти даже культурные. Что делать прикажете? Протестовать? Изобличать, жаловаться? Перевоспитывать? Были попытки. С единственным результатом: утратой доверия, от чего страдают и производственные показатели. В радиусе двух метров от моих ушей воздерживаются, но не далее. И волей-неволей задумался: может, воспитали меня чересчур стерильно? Может, я чего-то в этих людях не постигаю, им это зачем-то нужно? А что, если попробовать, так сказать, овладеть предметом?..

Раз попробовал: муть, дрожь под ложечкой. Попробовал еще раз: стошнило...

Матерщина — изнанка общественного лицемерия.

В пятом классе на одной парте могут оказаться отменнейший специалист по непечатному лексикону и строжайший пурист, краснеющий при одной мысли о слове, совпадающем по звучанию с уменьшительным обозначением попугая. К седьмому или десятому может произойти внезапный обмен ролями.

Я знал одного десятиклассника, физически развитого, энергичного парня, не дававшего спуска никому, кто позволял себе грязно выражаться в присутствии особ женского пола. Вступал в рукопашные с целыми компаниями. И он же, этот рыцарь, в обществе однокашников, если только поблизости не было женских ушей, матерился без удержу, не стесняясь и взрослых.

Спросил как-то, почему такое рассогласование.

— Мы мужики. Между нами можно.

— А почему между ними, я имею в виду женщин, нельзя?

— Ну... Так принято.

— Почему?

— Им не нравится. Оскорбляет.

— А нас почему не оскорбляет?

— Да вообще-то... И женщины тоже, некоторые... Знаете, какие есть?..

Я знал, что он был слабенький, пока не занялся спортом, его дразнили, обижали; что у него запойный отец; что дома часто бывают неэстетичные сцены; что он с горькой нежностью любит свою неразумную мать; что к натурам аналитическим не относится...

— Не думал, зачем это тебе?

— Да как-то... Без мысли.

— Чему-нибудь помогает?

— Да вроде бы... Ну, свободней... Ничего такого, без мысли. А еще когда злишься, как выхлопной газ выходит. Разрядка, ну.

— А фальши не чувствуешь?

— Как?..

— Двойной счет. При дамах чистенькие, между собой грязненькие.

— Не думал об этом...

«Без мысли» — вот, наверное, основное.

Сквернословящих можно приблизительно разделить на две массовые категории. Одна — те, для которых мат служит по преимуществу выхлопной трубой

разного рода чувств. Злоба, досада, смятение, растерянность... Есть и те, которые таким способом, за неимением иных, выражают одобрение, восторг, изумление, даже нежность. Как бы искренность, как бы свобода...

Другая категория — матерящиеся всего лишь по той причине, что такой стиль принят в среде их общения. Без мысли и даже без чувства. Всего лишь сигналы связи, знаки отождествления: «Мы свои». Визитные карточки.

Интересно, что действительно аморальные люди, развратники даже в матерящейся среде не сквернословят почти никогда. Для большинства сквернословящих мат внутренне не связан с тем, к чему буквально относится и что задевает в тех, кто ощущает его как нечто отвратительное. Всего лишь способ общения и самовыражения, подобно «оздоровительному мероприятию» свиней — грязевым ваннам. Даже когда очевидно намерение оскорбить, нецензурные слова используются не в их исконном значении (слово «сука» с этой точки зрения очень показательно), а в символическом.

Одна из загадок человеческой психологии. Ключ к ней таится в древних табу — в «общественном подсознании», наследуемом нами от тех времен, когда речь была средством магии. Потребность в таких табу, как и в словесных визитных карточках, кочует из рода в род и связана со всегдашней нашей потребностью отличать своих от чужих. Кстати сказать, далеко не во всех языках «неприличие» связано с полом и телесными отправлениями; что «грязно», а что «чисто» зависит от сложившейся системы условностей. История языка открывает нам, что слова и целые обороты попадают под табу не сразу, а в результате долгого и сложного дрейфа значений, смещений смысла. (Как, например, ругательство на букву «б», ранее бывшее совершенно рядовым словом.) Происходит и обратное: запрещенные слова таинственным образом реабилитируются, получают прописку в словаре...

Далеко не все ясно здесь; но, думается, уже любопытно — для тех, кто, желая противостоять речевой грязи, хочет иметь опору в понимании, а не только в своих оскорбленных чувствах.

Нравоучение — жанр, в котором еще никто не преуспел.

Как можно дальше. «Как бы вы сформулировали свое пожелание относительно ЕЕ личной жизни?» — спросил я как-то несчастливую маму одной дочки.

— Чтобы счастливей, чем я.

— А что для этого делаете?

— Учю быть осторожной.

Шестнадцатилетняя дочка, хорошенькая, уже три года страдала невротическими спазмами кишечника, возникавшими всякий раз, стоило ей оказаться вблизи представителей противоположного пола. На дискотеке, в кино, повсюду...

В назидательных схемах — все по расписанию, все как надо. В жизни — как есть.

Многие современные дети до 14—15 лет приобретают ту или иную ступень эротического опыта, от поцелуев и далее. Некоторые мальчики и еще больше девочек к 16 годам не имеют невинности.

Вовсе не предрешено, что наш ребенок окажется в числе подтвердителей тенденции. Всего лишь вероятно. Обратная вероятность тоже сравнительно высока.

Главный вопрос родителя: к какой же из этих вероятностей готовиться? Чему быть, тому не миновать? Или предупреждать, контролировать, смотреть в оба?

Ответ в каждом случае почти стопроцентно предпрешен эмоциями, мне не известей еще ни один, когда возымели бы силу какие-либо аргументы.

Десятилетняя Надя занималась «этим» с мальчиком чуть постарше. Кто-то увидел, сообщил матери.

Вера, одиннадцати лет, вместе со своей подружкой-однолеткой — то же самое с компанией сверстников.

У всех троих врачебными осмотрами было установлено, что ничего физиологически необратимого не случилось. Но психологически необратимое у двоих случилось.

Надю мать изругала последними словами, прокляла и жестоко избила.

Мать Веры заметила, что девочка не спит ночами, то и дело с тревогой ощупывает свой живот. «Что с тобой?» — «Мама, я теперь умру. Я беременная». (Кто-то из той же компании успел поведать, что от «этого» получается беременность, а что такое беременность, недообъяснил.) «Мы с Тонькой... с ребятами на пустыре...»

Мать осталась внешне спокойной, постаралась успокоить и дочь. Повела к врачу. Страх «беременности» возвращался еще в течение нескольких месяцев, потом

прошел. Имела, однако, неосторожность — из самых добрых побуждений — уведомить мать подружки. Реакция была той же, что и у матери Нади.

Вера развивалась дальше нормально, впоследствии — счастливое замужество. Подружка же, как и Надя, благодаря «принятым мерам» осталась душевно искалеченной, выросла психическим инвалидом.

Смотреть в оба? Да. Но как можно дальше.

Уважаемый доктор,
нашей дочери сейчас 12 лет. Два года назад летом она отдыхала с бабушкой в Н-ске. И там нашелся один «очень симпатичный человек» (так писала бабушка в письмах), уже в возрасте (как оценила бабушка, за 50 лет), назвавшийся учителем, которому очень понравилась Оля. Он с ними гулял, купался, покупал Оле конфеты, и бабушка много раз оставляла девочку с ним. Он их даже провожал и подарил Оле свою фотографию. А когда они сели в самолет, Оля призналась бабушке, что он учил ее ругаться матом, показывал свои половые органы и т. д. и сказал, что убьет ее, если она расскажет об этом бабушке.

Я думаю, что Оля рассказала далеко не все, она очень скрытная. Мы, как могли, обсудили это дело, и так как делать было нечего, сказали Оле, что это плохой человек и надо его забыть. Олю ничем не пугали, не наказывали и не выпрашивали подробности.

Нам с мужем казалось, что ребенок все забыл...

И вдруг сегодня опять зашла речь о том давнем случае. Я поняла, что все это время девочка мучилась и пыталась что-то понять и осознать, но ничего не говорила. Вдруг спросила: «Что такое онанизм?» Я ей ответила, как смогла, в общих чертах и сказала, что это бывает в определенном возрасте и потом пройдет, что она встретит хорошего человека, выйдет замуж и все будет хорошо, а того типа надо забыть.

Оля сказала, что она тоже этим занимается. Я спросила: «Как? Что именно ты делаешь?». Она сказала: «Ничего. Просто лежу одна сама с собой». На этом разговор закончился. Но я чувствую, что у ребенка травма, что это беда, и не

знаю, как мне быть. Может, надо показать врачу? Какому? Гинекологу? Психиатру?
Правильно ли мы себя ведем?

(1)

Мне понятно Ваше состояние. Того мерзавца придушил бы своими руками...

Ведёте Вы себя почти правильно. Но вместо «*надо забыть*» лучше спокойное «*забудется*».

Сейчас самое главное — по возможности успокоиться Вам самой (мне тоже очень трудно не сказать «*надо*») и вычеркнуть из своего сознания слово «*беда*». Беды нет. Только неприятность, последствия которой минуют тем скорее, чем тверже Вы будете в этом убеждены.

Имейте в виду, что ребенок воспринимает не только прямые обращения и разговоры, но все, что у нас внутри, весь подтекст. От Вашего настроения многое зависит. Поэтому, как ни трудно, забывать Вам придется вместе с девочкой.

Онанизм действительно пройдет. Возможно, он и не связан с той психотравмой, а если и связан, ничего рокового в этом нет.

Не надо тащить к врачам — фиксация внимания, опасность дополнительных травм. Сейчас девочка доверяет Вам, хотя и замкнута, и это самое главное, что поможет дальше. Будут еще, вероятно, случаи поговорить...

Все происшедшее — история не такая уж редкая. Те или иные травмы и временные отклонения у детей, в том числе психосексуальные, в нашем нестерильном мире практически неизбежны, а любящие взрослые на то и существуют, чтобы их понимать и, по крайней мере, не усугублять.

Два голоса. Примерно каждый четвертый из молодых пациентов начинает исповедь сразу с этого. (Или чуть позже.)

Почти никто не знает, что родоначальник проблемы, библейский грешник Онан, жестоко наказанный, делал не совсем то и не из тех побуждений. Кому до него теперь дело. А вот проблема...

У нее достаточно много жертв, у этой проблемы. Впадают в депрессии и ипохондрии. Презируют и убивают себя.

Убедить, что это не вреднее, чем грызть ногти, не

всегда удастся. Не помогают ни прозрачные подобию в поведении животных, ни уверения, что это не грешнее, чем так называемая нормальная половая жизнь без любви и без цели продолжить род.

Онанизм эпизодический, отводной клапан естественного напряжения, обычно не занимает мыслей и не отягощает совесть. Длительный же, регулярный вызывает эту вот уגיעеинность.

Причины и следствия меняются местами. Убеждение в своей порочности и неполноценности препятствует интимным отношениям, давит виной и страхом. Отсутствие отношений фиксирует онанизм.

«Смогу ли отвыкнуть, избавиться... Смогу ли иметь детей?.. Смогу ли...»

Последствий никаких, кроме самовнушенных. Нормальная — и все, все сможешь.

Никакой грязи и вины на тебе нет: влечение твое, абсолютно естественное, лишь временно замкнулось, может быть, и по причине своей повышенной интенсивности, которой не стоит стыдиться.

Голос твоей природы. В человеке нет ничего грязного, кроме того, что он сам делает грязным своим невежеством.

Но ты спрашиваешь: почему же все-таки это так мучительно стыдно? Почему смутно чувствовалось с самого начала, что от этого лучше воздерживаться?

И этот стыд — тоже *голос твоей природы*. Этот голос требует от слепого влечения — разомкнуться, прозреть, чтобы освободить дух и слиться с рождающей жизнью любовью. Требует от тебя управлять влечением, драгоценную его силу устремлять на прекраснейшее. Все в человеке необходимо, но высшее должно властвовать, целое — управлять частями. И мучаешься ты всего более от того, что неясно и искаженно слышишь этот свой высший голос. Тебе чудится, что он обвиняет и угрожает, а он просто зовет...

Никаких «последствий». Ни преступного, ни страшного для здоровья нет; но лучше воздерживаться, чтобы быть энергичнее, жизнерадостнее, крепче духом. Придет и состояние, когда воздерживаться будет легко; и придет тем быстрее, чем спокойнее ты в это поверишь.

*Уважаемый доктор,
мне нужен совет, это вопрос жизни и смерти.*

Я испытываю влечение к людям своего пола. (...) Когда мне было 16 лет, я ждал очередь к окулисту в поликлинике, а рядом был кабинет сексопатолога. Я подумал: «Мне же туда нужно идти». Но не смог, как же мог я сказать врачу о своей болезни? Ведь это же стыдно, какими глазами посмотрит на меня врач? Что скажет? Да не посадят ли меня еще в тюрьму?

Обратиться все же решил. Врач сказал, что мне мало чем можно помочь и выписал бромкамфору. Я заплакал...

В первый раз я влюбился в детском саду в мальчика из своей группы. Тогда я еще не знал, что это влюбленность. В школе один раз я влюбился в девочку-одноклассницу в третьем классе, но потом снова влюблялся в мальчиков, сначала только платонически, но потом по-другому.

Не знаю, как закончить это письмо. Объясните мне, пожалуйста, в чем причина моего порока и как же переделать свою натуру? Стоит ли дальше жить?

(1)

Главное твое страдание сейчас от того, что ты мало знаешь, а что знаешь — далеко от истины.

Как во все времена среди правшей рождались, рождаются и будут рождаться левши, так всегда и повсюду рождается некий процент людей с влечением не к противоположному полу, а к своему. (А у некоторых оба влечения совмещаются.)

Вариант человеческой природы; и если мы не понимаем, зачем он природе нужен (очевидно, не для размножения), то это еще не значит, что мы должны определять его только как болезнь или порок. Не так уж мало людей твоего типа отличаются повышенными способностями, вносят огромный вклад в культуру, творят прекрасное и прекрасны сами. Не будем называть имена...

Любовь к кому бы то ни было, какая угодно — не порок вовсе: осуждать чувства не вправе никто. Порочны только действия, если затрагивают других, оскорбляют их чувства. Такие действия могут производить и люди с обычным типом влечения. Но чувства, какие угодно, — личное дело, и стыдиться здесь нечего.

Сосредоточь силы не на непосильной переделке

своей натуры, а на одухотворении. Особенности твоих чувств твою душу не исчерпывают. Влечение — только часть человека, и от тебя зависит, стать ли его рабом, прислужником, роботом — или подняться выше.

Тэта, Омега и остальные. *Уважаемый Недосягаемый!*

Вам пишет обыкновенная закомплексованная уродина. Случай не такой уж тяжелый, ведь эта «уродина» прекрасно знает, что у нее отличная фигура, красивые, хотя и небольшие, раскосые глазки, очаровательная ямочка на подбородке, длинная шейка. Я этому верю, когда мне говорит об этом мама, я даже вижу это, когда подхожу к зеркалу. Но куда же все это девается, когда я в школе, на дискотеке, когда наконец я вижу человека, который мне нравится? Я мгновенно превращаюсь в уродину. Я ощущаю себя длинной, тощей или, наоборот, коротконогой, жирной. То вдруг у меня маленький, до слез маленький бюст, то вдруг кажется, что все-все-все, кроме мамы, меня ненавидят. Вот недавно с пятой уже подружкой разругалась. Я никогда не дружила с мальчиком, и у меня есть опасения, что я вообще останусь старой девой. А нравятся мне буквально все. И стоит кому-нибудь уделить мне хоть вот столечко внимания, я в него чуть ли не влюблена и уже представляю, как мы с ним гуляем по парку или как он пригласит меня танцевать.

Знаете, мне уже 16 лет, я в 9-м классе, отличница, за это меня презирают. А сейчас я Вам назову точную цифру, сколько раз меня приглашали танцевать. Так: 21 раз, 12 человек. (В том числе и одноклассники, и вся шухоботь). Скажите, это нормально? И то, что я в таком возрасте еще не сбилась со счета? Один раз меня провожали домой с дискотеки, но трудно назвать такую девушку, которую этот человек еще не провожал.

Я пробовала развивать общительность при помощи телефона, но мама закатила мне такое! Говорит, это подсудное дело. Может быть, я не совсем правильно это делала?

Кстати, о маме. Только она говорит мне, что я красивая, умная, что у меня в жизни все правильно, что любовь придет, что бюст (пардон)

со временем будет. И если я еще не повесилась с тоски, то это ее заслуга.

Чего я от Вас-то хочу?! Ведь это не Вы, а Д. С. Кстонов имеет заочных пациентов. Я не знаю, не знаю, но помогите же мне! Хотя чем Вы можете мне помочь? Словом? Неустанные мамин уговоры на меня почти не действуют. Только я сама смогу победить свою неуверенность в себе, свою закомплексованность, ведь смогу, ведь да? Ведь я не безнадежная?

Напишите мне (о боже, как я обнаглела, до меня ли Вам?!), как сделать так, чтобы нравиться молодым людям, быть притягательной. (Причем во мне почти нет так называемого секса.) Вы знаете, ведь Вы же психолог и мужчина, в конце концов. Откликнитесь на мою просьбу! Если для этого Вам будут нужны дополнительные сведения о моем характере и вообще, то я Вам кучу писем накаताю...

— Уже откликнулись? — спросил Д. С., отложив письмо к горке того же профиля.

— Скажите, что такое «шухоботь»?

— Кажется, то же самое, что и «шушера». А что такое «шушера», я не знаю.

— Как вы полагаете, правильно ли ведет себя мама?

— Добросовестно поддерживает дочкину самооценку...

— ...В том числе и эту самооценку...

— Да. Это правильно?

— Другого варианта не видится.

— Я бы еще посоветовал завести собаку.

— Можно представить, сколько времени дитя проводит в обществе зеркала.

— Думаете, намного больше, чем те пять подружек, с которыми разругалась?

— Но может быть, тех мамы не посадили с такой самоотверженностью на свое психологическое иждивение?

— Есть и папа, но и его недостаточно.

— Что и заставляет обратиться к мужчине, в конце концов.

— Ваш диагноз, прогноз?

— Здорова, неглупа, с юмором, эгоисточка. Типичное возрастное и средовое. Характер Тэта (см. гл. IV—

В. Л.), с кокетливыми попытками приближения к Омеге. Всего вероятней, к моменту выхода нашей книги маме придется уже поддерживать самооценку внучки...

Айсберги доверия. Вдруг грянет и в тринадцать, и в десять (а то и в шесть, как у Д. С.) любовь — самая настоящая, самая жестокая, самая безнадежная, даже если взаимна...

Научить, помочь, облегчить?..

Дай бог не покалечить.

Вот только сейчас и мы решаемся вслух признаться, когда наших родителей давно нет.

О моей любви узнал тогда только один мальчик, одноклассник, который был тоже влюблен в эту девочку. Не знаю, как он, но я выжил только благодаря этой взаимной исповеди.

Доверительность отношений — лучшее, на что можно надеяться. Но и в океане Доверия много айсбергов. Опасностью может стать и чрезмерное доверие к нам ребенка ко времени, когда ему уже пора выходить на поединок с судьбой в собственных доспехах.

Как раз когда есть доверие, а значит, и внушаемость, и зависимость, самое разумное и самое трудное — попридержать суждения, оценки, прогнозы, даже ясные, как дважды два. Загнать под замок советы. Посадить на цепь сопереживание... Трудно, невероятно трудно! Но хоть на десятую исполнимо...

Большинство предсказаний сбывается не потому, что они верны, а потому, что им верят и стараются опровергнуть.

* * *

— Думаешь, опять собираюсь воспитывать? Хватит, воспитывай теперь ты меня, если сможешь.

Серьезно, прошу помочь. Без тебя не справиться. Понимаешь, мне нужно себя понять. А чтобы себя понять, нужно вспомнить...

Мешает моя взрослость, моя, понимаешь ли, окостенелая личность.

Хочу вспомнить себя в твоём возрасте. Все, все, ничего не упуская, не обходя и самых секретных секретов, которые скрывались и от себя. Вот-вот, это... Себя ведь и боишься больше всех, и меньше всех знаешь. Я себя и сейчас не знаю, просто чуть больше опыта.

Если бы можно было всевременно поговорить со знающим добрым другом... Старшие редко понимают, как трудно младшим, потому что не хотят помнить, какими были.

Хочу вспомнить свою любовь. Да, в твоём возрасте у меня была уже любовь. Вспомнить, чего приходилось стесняться, бояться, тайно желать...

Помоги мне вопросами. Спрашивай.

Может быть, легче будет задать вопросы, если представишь себя, например, доктором? Или моим родителем?.. Такое представить трудно?.. Ну а будто ты просто мой друг, старший друг. А я мучаюсь, жажду спросить, но стесняюсь, боюсь, что осмеешь, застыдишь или, что всего хуже, начнешь читать проповедь...

...Вспоминаю... Сначала только любопытство, ещё непонятно к чему. Хотелось только узнать, выяснить... Но почему-то уже было страшно, какое-то волнение... Как будто спало внутри неведомое существо и стало потихоньку просыпаться...

Первый опыт: несвоевременно, неуместно, не так, как представлялось... Тревога: не так, как полагается, ненормально!.. Теперь-то я знаю, что тревога эта обычна, что бывает она у всех, во всяком случае у каждого, в ком растёт не только животное. В тебе просыпается зов следующих поколений, быть может, несравненно более совершенных, чем ты, — как не бояться?.. Это была тревога за Тебя!

Но тогда эта причина, самая сокровенная, не сознавалась. Крутились неотвязно только самые пошлые глупости: «А что, если узнают? А как теперь я выгляжу, какое произвожу впечатление? Что сказать и что делать, если...»

— А у тебя как? — хотелось спросить кого-нибудь. — И у тебя тоже?..

Никто не объяснил, что эти желания чисты и святы, потому что это главное влечение жизни — жить, продолжаться — влечение, без которого не было бы ни тебя, ни меня, никого. Зато более чем хватало внушений, что это стыдно. Если бы знать, что врачи считают ненормальным как раз отсутствие влечения. И что это тоже не так!

Если бы объяснили, что у каждого своя жизненная стезя, своё время, своя тайная мудрость, своя норма!..

— Помнишь, ты спрашивал меня: «Зачем меня родили? Зачем живут люди, зачем человек? И вообще все — зачем?..» А я обещал подумать. Я и раньше думал об этом, еще когда был таким же, как ты. Многих спрашивал...

— Теперь знаешь?

— Еще не все.

— А немножко знаешь.

— Вот слушай... Это тоже сказка, но не совсем...

Жила-была Капля. Жила в ржавом кране, таилась себе потихоньку за переключателем, и пока кран не открылся, безмятежно спала.

Но вот однажды непонятная сила устремила Каплю куда-то — куда-то — куда-то...

Стоп!

Закрылась задвижка. А Капля повисла между краном и неизвестно чем. Висит и висит. Ну так что же?.. Обычное для всякой капли, не слишком завидное положение так вот висеть. Между тем сзади уже давно в нетерпении колыхались другие капли: «Эй, кто тут последний? Чья очередь?» — «Последних нет, дура. Есть только следующие!» — «Эй, ты там, не задерживай! Капай!» — «Ой! Молекулу отдавили!» — «Не капайте на мозги!..»

Капля задумалась.

«Кап иль не кап — вот в чем вопрос. Упасть вниз было бы, конечно, по всем правилам, но что дальше?.. А дальше вон — черная дыра! Канализация... А ведь я бы могла быть Росинкой, сиять, отражая солнце на каком-нибудь чудесном цветке... Я бы могла быть брызгой Ниагарского водопада — летела бы, целуясь с воздухом и искрясь, бесконечно летела бы... Господи! Если уж падать, то хоть с дождем на поле, чтобы подпитать какую-нибудь травинку! Или хоть в лужу, чтобы произвести пузырь — кратковременный, но потрясающий! А туда... Нет! Нет! Не хочу!! Не могу!!! А-а-а-а...»

Нет, не упала наша Капля, не упала, а... Испарилась. Ну, а что уж там приключилось с ней дальше, не ведаем.

Только одно скажу тебе по секрету. Мир задуман для Красоты. Капля тоже.

Стало быть, все позволять? Ни за что: из скучающего раба мы сделаем изнывающего со скуки тирана.

Книгу с названием «Скука» я приобрел в букинистическом. «Это надо же — так назвать», — подумал, увидев. «Психологическое исследование» — подзаголовок.

Книга эта вышла в свет еще перед первой мировой войной. Автор взял на себя труд расклассифицировать все виды скуки, как-то: скука в городе и в деревне; скука вялых и темпераментных женщин, скука мужчин, молодых, старых, холостых, женатых; утренняя и послеобеденная скука чиновников; скука от сознания смертности и так далее.

Читая, сообразил, что до сих пор неведомо для себя страдал восемнадцатью разрушительными видами скуки, а с прочтением прибавился девятнадцатый. Исследованному явлению автор напроорочил незаурядную будущность: с прогрессом человечества, утверждал он, будет прогрессировать также и скука.

Я, понятно, заинтересовался, занимается ли кто-либо ныне, когда прогресс набирает вторую космическую скорость, целенаправленным изучением скуки. В чем состоит прогресс скукологии?

По этому вопросу у нас с Д. С. и состоялся небольшой симпозиум у него дома.

— Я вас слушаю... Очень интересно... — вяло пробормотал Д. С., нашаривая что-то на продуктовой полке.

— Устраним прежде всего односторонность подхода, — начал я в мягко-парадоксальном стиле Бертра-на Рассела. — «Все жанры хороши, кроме скучного» — никак не могу согласиться с этим демагогическим афо-ризмом. Кое-какие скучные жанры я, например, под-держиваю и категорически одобряю. Мало ли кому что покажется скучным по недостатку образования. Мне вот, скажем, представляются скучноватыми папу-асские языки, а ведь на самом же деле интересно не-обычайно. Далее, хорошо известно, что наряду с дру-гими состояниями внутренней неудовлетворенности, такими, как, например, хандра, — о чем вы, коллега, в свое время упомянули, — скука является мощным сти-мулятором жизнедеятельности. Эйнштейн мечтал о должности смотрителя маяка... Болдинская осень...

— А мой подход предельно прост. Вам скучно? Скука — днагност! — перебил Д. С., внезапно войдя в рифмотранс. — Безмыслие, мещанство, пьянь и всякая другая дрянь, безлюбие, бездарный секс и добродетельная ложь, тупая, как вот этот нож, — все, все эти мутные речки, поштучно, вливаются в тупиковое «скуч-но»! Скука — боль Духа!

Выйдя из транса, Д. С. обратил внимание на юри-дический аспект. Скука, отметил он, не преследуется законом. Есть вещи, которые запрещено отрицать, осуждать, хвалить, вспоминать, делать-не-делать, но нет таких, от которых запрещено скучать.

В то же время, продолжал он, скука есть самое изысканное наказание как для скукоиндуктора (источ-ника скуки), так и для скукоперцепиента (объекта скуковоздействия). Разумеется, не всегда можно пока-зывать, что тебе скучно, не всегда это вежливо, но всегда можно показать скукиш в кармане. Скука — приговор окончательный и обжалованию не подлежит. У детей, во всяком случае, дело обстоит именно так. Это очень хорошо, что сейчас нам скучно, — добавил он, окончательно успокаиваясь.

И в самом деле, разговор стал скучнеть. Пришлось признать, что скука есть не что иное, как гипнотичес-кое состояние. Очаровывает, парализует, риск не про-снуться... Я подчеркнул, что в основе лежат объектив-ные условия.

— Вот-вот! — Д. С. вдруг очнулся. — Скука не имеет объективной основы. Скуки в природе нет! Ску-ка — бред! Нет оснований быть скучным человеком!

— А откуда же происходят скучные люди?

- Оттуда же, откуда и скука.
- Вы только что сказали, что скуки в природе нет.
- В природе нет, но есть в другом месте.
- ?..
- Скука сидит в животе у непонимания.
- В животе?!

(Продолжение следует.)

ВЕЛИКАН С ЛОЖКОЙ

УВАЖАЕМЫЙ В. Л.

Я прабабушка. У моего внука есть девочка Ирочка, 5 лет. Очень плохо кушает. Мать ее переживает, плачет, а иногда сердится и поступает так: дает хлебушка в ручку девочке, берет ложку, набирает супу: «Кусай! Жуй! Глотай!» Но Ирочка не жует и не глотает. Мама сует ложку с супом насильно в рот. У Ирочки раздутые щечки, мама кричит, Ирочка смотрит на меня, взглядом просит защиты от мамы.

Я, прабабушка, говорю: «Не хочет — не надо, проголодается — попросит сама». Мама обижается: «Не суйтесь не в свое дело». Ирочка плачет.

Я, прабабушка, говорю: «А мы, было время, плакали, что есть нечего. Получали хлеба по сто граммов на сутки, по крошке щипали, сосали, как конфету, черный, ржаной». Мама Ирочки говорит: «И что хорошего из вас получилось?»

Кто из нас прав? Или обе неправы?

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мы прочитали отрывок из книги т. В. Л. Леви «Нестандартный ребенок» и с большинством его рассуждений согласны, так как и ранее действовали в основном так же.

Но вот глава «Как не надо кормить ребенка» вызвала целый ряд споров и требует, на наш взгляд, дополнительных разъяснений. Отец нашего восьмилетнего внука требует от нас точного выполнения всех пунктов этой главы. А мы (мать, бабушка и я — дедушка) во многом с ними не согласны.

Начну с пункта 1 — «Не принуждать».

Со времен нашего детства, во времена наших детей и по сегодняшний день мы повседневно слышим в беседах с врачами и воспитателями по

радио, читаем в литературе и твердо усвоили, что режим для ребенка — основная заповедь его воспитания, это самое главное для его здоровья. Во всех пионерских лагерях, во всех санаториях и других учреждениях требуют строго соблюдать режим питания и ни в коем случае не отклоняться от него. Наступило время завтрака, обеда, ужина — изволь идти, никто желания или нежелания ребенка не спрашивает. Из пункта же 1 следует, что не хочешь — не ешь, а когда захочешь — иди ешь. Так понял этот пункт отец нашего ребенка.

Из своей практики мы знаем, что если ко времени принятия пищи ребенок занят интересной игрой, он не ощущает голода, а если и хочется ему кушать, то ведь в данный момент ему больше хочется играть...

(Значит, не так уж голоден? — В. Л.)

Как же быть? Пусть играет? Но ведь так бывает почти каждый день. Значит, сегодня он будет обедать в 14 часов, завтра — в 15, а то и в 16? А когда же ужинать?

Вот пришел ребенок из школы, вскоре должен быть обед (у него ведь распорядок дня), так, чего же его спрашивать? Настало время — иди кушать. Если же все обедают, а он занят другим, то кто же его кормить будет?

...Теперь в отношении меню. Мы считаем, что ребенок должен есть все, что приготовлено, а не капризничать: «Этого я не хочу, дайте то, что я хочу, или я вообще есть не буду». Если пустить ребенка на самотек, то он скоро заболеет желудком.

С уважением семейство М.

Уважаемые бабушка, дедушка и мама!

Вы, конечно, вправе соглашаться или не соглашаться с какими угодно пунктами. Но хотелось бы, чтобы мы с вами согласились в одном: расписать жизнь и воспитание ребенка по пунктам легко на бумаге, но сложно в жизни.

Вы ничего не написали об индивидуальности вашего ребенка, кроме того, что почти каждый день ему больше хочется играть, чем обедать. А это, надо заметить, характерно для очень многих сытых детей. И этому можно радоваться — это значит, что ребенок ваш упорно желает оставаться здоровым.

Очень хорошо, что вы стараетесь выполнять советы специалистов и следите за режимом ребенка. Хуже, что по этим вопросам у вас в семье «целый ряд споров».

Не получается ли, что ваше обожаемое дитя становится свидетелем ежедневного ломания копий по поводу его желудка? Не пустили ли вы ЭТО на самотек? Гораздо опаснее, чем раз-другой в неделю недо-есть обед или пропустить ужин.

Станете ли вы сами есть, не спрашивая себя о своем желании или нежелании, без аппетита, давясь от отвращения, только ради соблюдения распорядка?

Всегда ли будете преодолевать разыгравшийся аппетит только потому, что до обеда осталось, допустим, еще восемь минут?..

Мины в глотку. Твердо высказанное убеждение приходится повторять: **НЕЛЬЗЯ ПРИНУЖДАТЬ К ЕДЕ.** З а с т а в л я т ь есть — противоестественно. Ни одно живое существо в Природе не ест по принуждению и не принуждает к еде детенышей.

Но **МОЖНО**, а часто и **НУЖНО** принуждать **НЕ** есть. В том или ином случае — болезнь, аллергия, необходимость режима и дисциплины, иногда даже и в наказание — **НЕ ЕСТЬ.** (Сегодня, например, по случаю особо выдающихся успехов в поведении обойтись без мороженого.)

Принуждение в еде — только с частицей **НЕ!**

Что такое аппетит — чувство голода?

Не только сигнал **ПОТРЕБНОСТИ** организма в еде. Еще и сигнал **ГОТОВНОСТИ** принять пищу, переработать, усвоить. Делеша желудка: «Готов выделить ферментные соки! Уже выделяю!..» Послание ото всех клеток тела: «Предыдущая пища усвоена, израсходована. Готовы к принятию новой. Нуждаемся!..» Приказ мозга: «Всем-всем-всем и себе самому включительно! Настало время уделить внимание вопросам питания!»

А что такое еда без аппетита?

Насилие над организмом: наполнение его пищей, которую он **НЕ ГОТОВ** усвоить.

Принуждая ребенка есть против воли, тогда и то, что считаем необходимым **МЫ**, а не его организм, рискуем просто-напросто отравить его. Слишком сильно сказано?.. Острые отравления всем известны: проявляются бурно. А хронические могут иметь вид

безотчетных недомоганий, непонятных простуд, головных болей, немотивированной конфликтности, капризности, возбудимости или вялости...

Войдем в положение человека, ежедневно много лет подряд принимающего пищу не потому, что это нужно ЕМУ, а потому, что это нужно кому-то другому. («Ну, за маму... За папу... За дедушку... За того мальчика...») Как он впоследствии сможет отличать истинные, СВОИ желания от чьих-то посторонних, навязанных — потребности от псевдопотребностей, — когда все сбивается и путается на корню?

«Почему он стал пить?» «Почему курит, ведь это так отвратительно?!»

Почему? Поищите одну из главнейших причин в раннем детстве, когда он стал есть, несмотря на то что это ему было отвратительно.

«Почему ничем не интересуется, ничего не желает знать, делать, ни к чему не стремится?..»

А знакомо ли вам слово «пресыщение»? Знаете ли, как оно всесторонне?..

Запомним: ребенок, систематически принуждаемый к еде, неизбежно вырабатывает ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ — негативизм — И НЕ ТОЛЬКО К ПИЩЕ.

«Эти взрослые только и делают, что заставляют есть... Только и делают, что заставляют...»

Детство — время бессознательных обобщений. Отрицательное отношение к еде легко переходит в отрицательное отношение к людям, в негативизм ко всему и вся. Представим себе хоть на минуту, что весь мир стал Заставляющим, Навязывающим, Принуждающим... Ежедневная необходимость сопротивляться... Сдаваться, притворяться сдающимся...

«Насчет кормления у нас вообще проблемы не было, — пишет читательница Н. З-ва из Хабаровска, счастливая мама двоих выросших здоровых, жизнерадостных дочек. — Как бы и кто меня ни убеждал кормить детей по часам, я кормила только тогда, когда они действительно захотят есть. И не надо было кушать за маму, за папу, не надо было прыгать вокруг них козликом и рассказывать сказки для улучшения пищеварения. Я рассуждала так: если бы рядом со мной сидел великан и совал мне в рот ложку, когда я не хочу есть, что бы я сделала? Я бы выплюнула все, бросила в него ложку и убежала!»

Благонамеренные принудители! Имейте в виду: своим каждодневным насилием вы подавляете у ребенка способность наслаждаться жизнью, радоваться — святое право каждого существа. Вы убиваете способность ко всякой радости. Вы закладываете мины и под телесное здоровье, и под душевное.

Еще о режиме и неких НО. Да, режим — это хорошо. Да, мы за режим!

Но... И режим режиму рознь, и человек человеку — в своей способности к режиму.

«Ритмики» и «дизритмики» часто выявляют себя уже с младенчества. С одним никаких проблем, по часам само собой — сам, как часы. С другим круглые сутки наперекосяк.

«Болен... Ненормален?!».

Нет, мама и папа, нет, бабушка и дедушка. Совсем не обязательно болен. Может быть, даже наоборот: здоровей многих прочих. А просто он вот такой, такая его природа. Трудно, конечно. Приспосабливать надо? Надо. Но...

Взвесьте спокойно: что приносит больше ущерба: самотек или непрерывная война с самотеком?

Фанатиков расписания хочется иногда спросить грубо: а зачинали и рожали вас по расписанию?

«Можно ли позволять ребенку в любое время, когда ему захочется, хватать колбаску, яблочко, бутерброд, конфету, печенье?»

Ответ первый. Нет, лучше не позволять. Непорядок: перебивает аппетит, нарушает режим, дойдет и до распушенности. Наконец, накладно.

Ответ второй. Да, иногда, изредка можно. И даже нужно. Вопрос лишь — когда именно.

Вдруг в самое неподходящее время сильнейшее желание есть, волчий голод. Почему вдруг, откуда? Десятки возможных причин: сильный расход энергии, перебегался или недоел раньше, спад нервного возбуждения, перемена атмосферных условий, вызвавшая понижение сахара в крови...

Есть дети, имеющие потребность в частой аритмичной еде. Есть стремящиеся по непонятным причинам (вполне сыт!) постоянно что-то жевать, грызть, мусолить, сосать (включая, увы, и собственные пальцы). Не очень приятно, что и говорить. А причины?..

У некоторых признак неустойчивости обмена, временного недостатка неких веществ. У других — свидетельство невротичности или депрессивности, способ спасения от внутреннего дискомфорта. (Не заметили ли вы, что ребенок ваш особо стремится жевать-грызть-сосать в периоды конфликтов, неудач и тревог? Не подозреваете ли, что ему кажется, будто он недостаточно любим?..)

Ну, а у третьих... Вариант нормы. Так называемый травоядный тип, более других родственный жвачным и грызунам.

В тысячный раз доводим до сведения, что человек всегда был и останется живым существом. Не ребенок для режима, а режим для ребенка.

Не мешать выздоравливать. Нет вопроса, когда по тем или иным причинам (аллергии, расстройства пищеварения и т. д.) должны быть **ИСКЛЮЧЕНЫ** из питания те или иные продукты, тем более если опыт уже показал, что они для ребенка опасны. Запрет, твердое **НЕ**.

Сложнее — когда есть по врачебным предписаниям **НУЖНО**, а ребенок **НЕ ХОЧЕТ** — или вообще, или предписанное. Частая ситуация.

«Смотрите, какой худой, слабенький — и ничего не ест, не впихнешь!..» «Доктор рекомендует лимоны, а ее от одного вида лимона рвет». «Малокровие, а не ест мяса».

Больной отказывается от лекарства. Как быть?..

Разница между «твердым» и «мягким» родителем в таких случаях выявляется с кинематографической четкостью. «Твердый» идет напролом: применяет силу, посулы, угрозы, обман, что угодно — надо, значит, надо, и все! «Мягкий» разводит руками, проливает слезы...

«Ну а как же, а как все-таки быть?.. Решите же наконец и предпишите!»

Однозначно не решишь, не предпишешь. Однозначность опасна. Отказ от еды при болезни может быть и проявлением глупости организма (нарушения саморегуляции), и проявлением мудрости.

Ребенок, конечно, не понимает своей пользы! А понимают ли взрослые?..

Всегда ли правильно работает в болезни инстинкт? Не знаем. Всегда ли верно авторитетное мнение? Сомневаемся.

Рискуем — и настаивая, и уступая.

Но все-таки в большинстве таких случаев гораздо *меньший риск* уступать сопротивлению ребенка, особенно если оно проявляется такими резкими симптомами, как тошнота. И Природа ошибается, но реже, чем доктора. Мы исходим из своих принципов и научных данных, а природа ребенка — из своей сути, из опыта многих тысяч поколений и многих миллионов лет эволюции. Отказ от еды в болезни — не просто признак неблагополучия, но и первейшая самозащитная мера — внутреннее очищение. Сейчас плохо ест, чтобы хорошо есть потом. А когда? Природа подскажет. Худеет, чтобы поправиться. А когда? Терпение.

ВНИМАНИЕ! ПРИ НАРАСТАНИИ НЕДОМОГАНИЯ, ПРИ ПОВЫШЕННОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ, ПРИ СИЛЬНОЙ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, ПРИ БОЛЯХ В ЖИВОТЕ, ТОШНОТЕ, РВОТЕ, ПОНОСЕ — НИКОГДА НЕ НАСТАИВАТЬ НА ЕДЕ! ДАЖЕ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ — ОПАСНО!

Как же быть с детским садом? Таких писем не одно и не два.

«У меня двое детей,— пишет работница К-ва из Челябинска,— и насильно никого из них я не кормила. Но вот моя младшая пошла в детский садик, в подготовительную группу. Каждое утро начинается со слез и скандала: «Не пойду в садик, меня там силой заставляют есть, когда не хочу, и пить кофе и какао!» (Она их не любит.) Я устала уже каждое утро ее уговаривать. Попросила няню не кормить дочь, если она не хочет, а она в ответ: «Глядя на нее, другие не едят».

Как же быть? Может быть, я не права?»

Уважаемая мама, вы абсолютно правы. И трижды права прабабушка, с письма которой мы начали.

Заявляем со всей ответственностью, что насильственное кормление в яслях и детских садах наносит детям массовый вред. Нужны срочные специальные распоряжения, строго запрещающие кормить детей принудительно.

Нет ни у кого права насилия над организмом и психикой человека, даже если он подает неудобный пример.

Москва, журнал «Семья и школа», психологу дяде Володе Леви.

Здравствуйте, дядя Володя! Прочитала Вашу статью, что нельзя насильно кормить детей. Но меня по-прежнему бабушка и мама заставляют есть силком, а я не могу и не хочу. Тогда они угрожают наказанием, бьют и истязают пищей. Как мне быть?

Помогите, дядя Володя, убедите их, ведь я стала толстушкой, и мальчишки смеются надо мной.

Катя.

9 лет, учусь в третьем классе (отличница).

Здравствуй, Катя!

Постараюсь помочь, может, и это письмо уже поможет. Но воспитание взрослых — задачка не из простых, как видишь!..

Я успел узнать много разных детей и родителей, очень разных. И скажу вот какую правду: все родители, все бабушки и мамы желают своим детям только самого хорошего. Но многие просто не знают, что делать, как жить, чтобы было хорошо. И делают ошибки. Даже когда человек много знает, все равно ошибается. Но если только человек поймет свою ошибку, он ее, конечно, постарается не повторять. Особенно если любит того, кого по ошибке обидел...

Не расстраивайся оттого, что, как ты пишешь, «стала толстушкой». Если ты немножко или даже немножко толще, чем другие или чем тебе самой хотелось бы, не беда. Я, например, был в детстве одно время толстый и очень расстраивался, казалось, все только и смотрят, какой я, и смеются. (По глупости я еще тогда боялся смеха.) А на самом деле на меня и внимания-то почти не обращали. Раз только какой-то умник сказал: «У, жирный», — и все. Но этого было достаточно, чтобы испортилось настроение надолго. Я думал тогда, что похудеть — это главное в жизни, вот до чего додумался. А потом стал усиленно заниматься зарядкой, бегал, катался на коньках, играл в мяч, танцевал и нечаянно похудел. Теперь я даже хотел бы потолстеть, но не получается.

Еще, Катя, расскажу тебе как мальчишка один наш секрет.

Знаешь, почему мы смеемся над девчонками?

По двум причинам. Первая: по глупости. Некоторые из нас умнеют чересчур медленно.

А вторая: от страха. Боимся, что девчонки будут над нами смеяться, вот и стараемся... В общем, тоже глупость.

А кто худой, кто толстый — это для нас, мальчишек, ей-богу, не важно. Главное, чтобы девочка была добрая и умная, пускай и стеснительная. И чтобы не была занята только собой.

То, что ты отличница, хорошо. А я тебе желаю еще быть счастливой.

Когда-нибудь это подсчитается... Огромное количество физических и духовных сил детства уходит на сопротивление убийству этих сил.

«Какая там закалка!.. Вон какой слабенький: промок — простудился, глотнул холодной воды — ангина, искупался — воспаление легких!.. Нет уж, отложим-ка эту закалку до лучших времен, а пока полечимся».

Только вот почему-то лучшие времена все не наступают, все откладываются до гробовой доски.

Поймем наконец: закалка — не панацея и не гарантия от болезней, но средство сопротивления. От смерти не спасает ни детей, ни взрослых. Но делает жизнь достойной жизни.

Статистика: дети тревожных родителей болеют в среднем в четыре раза чаще, чем дети беспечных.

Вопрос: что же причина, а что следствие?.. Не потому ли и тревожны родители, что ребенок болен?

Зависимость двусторонняя, но характер родителей более значим. Очень уж часто достаточно бывает на время расстаться с «генератором стресса» (обычно, увы, мамой или бабушкой), чтобы по непонятным причинам вдруг перестать болеть, и вернуться, чтобы начать болеть снова, под бдительнейшим наблюдением.

Каждый день мы заставляем ребенка сидеть в душном помещении, почти не шевелясь и работая при том головой; каждый день со слепой настойчивостью насилуем его внимание, убиваем восприимчивость и мешаем развиваться способности к самоконтролю; каждый день требуем то, что сами же отнимаем! Сорок пять минут неподвижности в классной духоте! А пятью сорок пять, шестью сорок пять — сколько будет?..

Самые жизнеспособные худо-бедно умудряются вырывать свое за счет ли бешеной активности в допущенное время, за счет ли прогулов... Ничего, как-то

держатся. А недобирающие — рыхлеют, толстеют, худеют, бледнеют... Пассивные делают апатичными, активные — неусидчивыми, раздражительными, склонные к меланхолии впадают в тоску, склонные к веселью — в дурашливость...

Даже такие, казалось бы, специфические расстройства, как заикание и навязчивые действия, процентов на пятьдесят, если не больше, связаны с воздушно-двигательным голоданием.

Но самое страшное, что ребенок, принуждаемый к духоте и малоподвижности, медленно или скоро отучается и по-настоящему двигаться, и нормально дышать: его дыхание делается поверхностным, его мышцы и нервы начинают киснуть и забывать, для чего они предназначены, превращаются в паразитов, живущих за счет желудка.

Огромный ущерб развитию, залог будущих гипертоний и склерозов, сокращение жизни, худосочие духа.

Этот прогульщик — полуспортсмен сегодня еще сопротивляется, но и ему уроки бессмысленного самоотравления не пройдут даром. Природа обманчиво терпелива. Далеко не всегда она протестует против насилия сразу, открытым текстом. Гораздо чаще отсроченно, как бы по другому поводу...

Симпозиум по скукологии (продолжение).

— Так вот, — Д. С. уселся поудобнее, — извините... Александр Дюма сказал после ужина в каком-то салончике: «Если бы там не было меня, я бы сдох со скуки». По-видимому, у него неплохо работали лобные доли мозга, как вы считаете?

— М-м...

— Это я к тому, что один из признаков нарушения лобной функции — утрата способности испытывать скуку. Есть гении, веселящие целый мир и умирающие от скуки в буквальном смысле. А лобный больной — патологически скучный человек, не чувствующий скуки. Счастливеец!..

— Позвольте, позвольте. Не могу согласиться. Огромный процент человечества...

— Минутку, я не закончил. Лобные доли, говорю я, являются главным центром ОЩУЩЕНИЯ скуки, а также и главным органом борьбы с нею. Неощущение скуки достигается двумя противоположными способами. Либо самоотключение лобных центров — вся-

кого рода балдеж. Либо, наоборот, их повышенная активность — всякого рода творчество.

— Балдеж творческий?

— Можно и так. Теперь представим себя в положении человеческого детеныша, природная психогенетическая программа которого состоит в скорейшем и интенсивнейшем развитии этих самых лобных долей.

— Но...

— Подождите, я только начал. Я говорю: ДОЛЖНА состоять, я убежден, что так и задумано. Именно потому, что такая программа в нормальных человеческих детенышей вложена, они так невыносимы к скуке и так яростно с нею борются. Лобные доли жаждут работы, чтобы развиваться. А когда не получают работы или когда с ней не справляются — тотчас же рождают внутри себя эту вот боль, называемую скукой, производят судорожные всплески, а далее тем или иным способом отключаются. Вот откуда эти внезапные приступы нелепого буйства или тупой ступор...

— Без-лобное поведение?

— Все поведение учащихся, вся история педагогики, хотел я сказать, — это история борьбы лобных долей за свое существование. По моим подсчетам, девяносто процентов бодрствования времени ребенка уходит на сопротивление скуке. Разумеется, с вариациями...

— А у взрослых?

— Еще не подсчитал. Но уже сделал вывод, что скучные взрослые — это дети, отравившиеся взрослотиной.

— Симптоматика?..

— Широчайший спектр отупения. Тоска, ищущая себе причины. Создание искусственных напряжений, от выяснения отношений на пустом месте до построения бредовых систем. Азартные игры и наркотики всяческие. Расцвет пошлости до извращений включительно. Вандализм, жестокость, садизм, самоубийства...

— Все это описывали старинные исследователи скуки ученической, экспедиционной, корабельной, армейской, тюремной...

— В семейной примерно то же. Попробуем теперь уяснить общие знаменатели. Скука всех бесчисленных видов предполагает некое замкнутое сообщество...

— Знаменитая провинциальная скука?..

— ...Да, или замкнутое пространство, замкнутое время.

— Коварнейшая скука путешественников, описанная еще, кажется, Плинием Старшим...

— ...Да, и скука туристов, засоряющих планету. Короче говоря, замкнутость жизни. Не обязательно внешняя, но обязательно внутренняя. В любых условиях, хоть в раю, такая вот обреченность, такая обязанность — жить, такая кошмарная необходимость. Жить, когда нет настоящей борьбы за жизнь. Когда нет истинного познания. Когда нет любви, когда нет творчества...

— Нет, короче, полноты жизни.

— И главное, осмысленности, дающей полноту и жизни самой стиснутой и суровой. Когда нет веры, соединяющей жизнь отдельную с жизнью общей, хотя бы через посредство еще только одной другой жизни, совсем маленькой, хотя бы через собачку. Вот на этот отрыв, на отторжение души от духовного тела мира она и отвечает болью...

— Похоже, мы с вами рисуем довольно заурядную картинку из жизни ребенка.

— Слава богу, сами они стараются рисовать картинки другие. Благодарение природе, дети еще играют.

— А мы им помогаем.

— Вот-вот. Одна из дьявольских услуг — организованный досуг. Скука рождается, когда умирает игра. С раннего возраста, с помощью доброго дяденьки Телевизора торопимся сделать детей пассивными потребителями интересенького, одновременно заставляя есть кашу под названием «надо». Потребляй, потребляй, глотай, для тебя все это произвели интересные дяди и тети. А потом удивляемся, почему же не развивается самостоятельность, интересы, фантазия и откуда такая избыточность эгоизма. «Надо — пил, надо — ел, сам себе я надоед», — как сказал один мой знакомый старичок.

— Сколько ему лет?

— Семь с половиной.

— Солидный возраст, почти пенсионный. А чем болеет?

— Чем надо, тем и болеет. Мечтает заболеть чем не надо. И знаете, что еще мне сказал? «Я, — сказал он, — живу очень разнообразно. Это очень скучно».

— Что имел в виду?

— У него много разных занятий — музыкой, языками, спортом, ручным трудом и прочая. Много вся-

ческих игр и игрушек, книжек, одежек — в общем, целый «Детский мир».

— От разнообразия, помнится, скучали владельцы восточных гаремов и китайские императоры. Ну а что вы посоветовали?..

— Врачебный секрет. Когда он ушел, я еще раз сказал себе, что развлекать детей — дело вредное.

— Однако ж сплошь и рядом мы видим, что дети, предоставленные себе, маются от скуки и организуют такую энтропию, что только держись... Созидательных игр, как правило, не получается. А получается...

— Тарарам и бедлам, совершенно верно. Вzbешенная пустота. Но ведь это и неестественно, когда дети предоставлены только себе. Детство творчески питается Большим Миром, а Большой Мир — детством. Скука со всеми ужасами рождается, когда между детьми и Большим Миром возводятся перегородки. Так называемая учеба. Так называемые учебники. Так называемые уроки. Так называемые детские площадки.

— Но ведь все это как раз для того, чтобы они не скучали, учились быть взрослыми.

— Совершенно верно. А получается в основном насильственное удержание в роли детей. Вот и приходится учиться быть взрослыми по-своему. Посмотрите на компашки нынешних пуберов. Уже лет с тринадцати что они делают, собравшись вместе?

— Сидят балдеют.

— Подавляя в себе детство со страшной взрослой силой. Отчего и остаются так долго дорогостоящими инфантилами. Дети, разучившиеся играть.

— Как же быть?

— Что мы можем требовать от сегодняшнего родителя, учителя, воспитателя, от себя самих, понимая, что в каждом из нас томится ребенок, покалеченный скукой? И более того, зная, что ребенок этот находится на службе у Скуки?.. Вдруг взять да и запрыгать на одной ножке?..

ЖИЗНЬ И ПРАЗДНИК **(Перевод с детского)**

— Мама! Папа! Давайте

ОБЪЯВИМ ВОЙНУ СКУКЕ у себя дома!

Пусть будет разок-другой недоступно белье и недомыта посуда, пусть пол не всегда будет зеркально

чистым и отметка не всегда лучшей, пусть и то не совсем так, и то не вовсе эдак, пускай даже и все не так!.. Но пусть каждый день будет у нас хоть самый маленький праздник. Наш общий праздник!

Не подарки нужны мне, и не мороженое, и не фигли-мигли с картинками — нужен ТЫ, папа, нужна ТЫ, мама. Душа в чистом виде! С о-б-ы-т-и-е!

Так, так!.. В поход — да, обязательно! И кукольный театр — да! И рыбок!.. Сначала придется насчет аквариумов?.. Заметано, я буду у вас заврыб, мне и рыбу в руки, идет?.. И собаку!.. Интересная мысль?.. Надо только найти самую подходящую... Гулять выводить придется, прививки всякне... Собака — это, конечно, еще целый я — зато радости!.. А еще давайте накупим масок и будем устраивать маскарад!

И еще: вместе превращать «НАДО» в «ХОЧЕТСЯ»! Интереснейшая игра!

Вот возьмем хоть эту скучную дурацкую задачку про эту самую канаву... Как там? После того как землекопы, копавшие канаву, вырыли 11 м канавы, осталось на 9 м больше канавы, чем уже вырыли канавы в прошлый раз, когда надо было вырыть по плану на 5 м больше канавы, чем вырыли в предыдущий. Сколько всего метров канавы надо было вырыть землекопам за два дня копки канавы? Канавы, канавы, канавы моя... Пропади она пропадом, эта канавы. А задачку мы все равно решим! Знаете как? Заменим землекопов на футболистов (хоккеистов, мороженщиков, мушкетеров, артистов балета...). Не сколько канавы, а сколько голов за два матча — побеждать, в финал выходить! А может, взять да и разыграть на нашем настольном хоккее — идея?..

А я сам знаете какую задачу придумал?

На уроке скуководения плохой ученик Ваня зевнул 16 раз, а отличница Маша в два раза больше. Учитель зевнул в три раза больше, чем Ваня и Маша, вместе взятые, но он зевал, отворачиваясь к доске, никто этого не видел. Сколько же раз зевнул учитель?

А угадайте, в какую игру можно превратить уборку, готовку, стирку, хождение в магазин и все прочее?..

В домашнюю лотерею!!! Досталось — делай, изволь. Но и приз получай, приз-сюрприз!

Давайте устроим дома:

театр (кукольный, масочный, пантомимический, драматический, комический, всевозможный),

художественную мастерскую,
музыкальный клуб,
технический клуб,
литературный клуб (обмениваемся новинками, пишем стихи, рассказы, выпускаем свой журнал...),
живой уголок (птицы, звери, насекомые...),
общество коллекционеров (марки, спичечные коробки, фотографии артистов, значки, книги, идеи...),
авто-мото-VELO-фото,
самодетельную спортивную секцию,
туристическое содружество,
шахматный клуб, столярную артель, школу сказочников — все что угодно и все вместе взятое!!!

Пожалуйста, поймите, поверьте: игра для меня — это жизнь! Это самое важное на свете, это очень серьезно, это почти все!..

Почему игра так мне нужна, почему так развивает? Потому что для меня это единственный способ освободиться от роли ребенка, оставаясь ребенком.

Так же, как и для вас, взрослых, единственный способ стать снова детьми, оставаясь взрослыми.

Я — кто хочу и делаю что хочу! Строю и разрушаю, учу и воспитываю, наказываю и награждаю, люблю и сражаюсь, рождаю и убиваю! Я живу, я творю!

Играем в футбол, в хоккей, в шахматы, в бадминтон? Помогаем шить платье для куклы, рассказываем сказки, бегаем в салочки, плаваем, строим дом, ходим вместе в лес, в зоопарк, в театр, в кино? Все это хорошо, очень хорошо!.. Только МАЛО!!!

В подвижных, спортивных и деловых играх мы, конечно, сближаемся, но все же еще далеко не на равных, каждый из нас остается собою, и только. То и дело учите, указываете, помогаете, покрикиваете, поглядываете на часы... И в голову не приходит н а э т о в р е м я совсем перестать быть родителями!

Что ты скажешь, мама, если я предложу тебе
стать: а я буду:

моей младшей сестрой
Снегурочкой
Малышом
Золушкой
Багирой
Дюймовочкой
Каштанкой

твоим старшим братом
Дедом Морозом
Карлсоном
Принцем
Маугли
опять Принцем
Др-р-рессировщиком...

Моя стихия, моя главная жизнь—игры ролевые, с перевоплощением, с С А М О забвением!..

А ты, папа, не желаешь ли
стать:

а я буду:

новорожденным младенцем
коровой
Людоедом, превратившимся
в мышку
двоечником
Винни-Пухом
другом индейцев
Бекки Тэчер

возить тебя в колясочке и
пить из бутылочки
пастухом
Котом в сапогах
директором
Кристофером Робинном
вождем индейцев
Томом Соьером

Согласны? Прекрасно! Теперь поглядим, как это у вас получится...

Э, нет! Не то, НЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Жалко смотреть на вас, взрослых, позволяющих себе поиграть с нами по выходным. Почему вы не выпускаете себя из взрослости? Чего вы боитесь?.. Вместо настоящей жизни в игре, всерьез, как только и можно играть, всего лишь снисходите, делаете одолжение да еще притворяетесь. У некоторых так и написано на лице: вот, глядите, как я дурачусь с вами, такой солидный большой дядя, такая заслуженная тетя, как же с вами забавно, как мне не ай-яй...

Имейте смелость отдаться игре целиком, и з н у т р и, и вернутся к вам мир и душа.

Игра — дверь из Действительности в Возможность. Всегда открыта в обе стороны!..

Ни праздность, ни рабский долг не создали ничего хорошего в этом мире. Все прекрасное рождено в дружестве Труда и Досуга. Давайте же искать способы наполнять праздником каждый будничный миг, каждое зернышко бытия превращать в СО-БЫ-ТИЕ. НАШИ УСИЛИЯ НЕ ПРОПАДУТ, ОНИ СКАЖУТСЯ И В СЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЯХ.

Некогда?.. Дел невпроворот, стирка, готовка, в магазин, голова болит, чинить чайник, диссертация на подходе?.. Страшно?.. Ну а вдруг просто выскочить, повозиться минут пять?! Устроить жмурки, кошки-мышки, возню-беготню!.. В прятки?! В чепуху?! Войну косинусов и синусов, парад тангенсов и котангенсов, с неожиданным покушением?!

Вспомните, разве сами вы не мечтали о ТАКИХ РОДИТЕЛЯХ? Сколько было надежд, сколько терпе-

ливого ожидания, что когда-нибудь наконец откроется этот праздник!.. А потом, не дождавшись... Этот горький осадок, это тайное сожаление, что детство не состоялось...

Мама и папа!.. Вы родили страдание, родили риск, родили смертного — все всерьез. Я послан вам не ради вашего ублажения и не ради моего ублажения вами, не ради какого бы то ни было ублажения. Но и не ради страдания, нет и не ради труда и только труда — ради праздника тоже, ради игры и прелести каждого мига.

Я вас зову!

ЕСЛИ БЫ СНОВА ДЕТСТВО

Анкета. *Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы сколь угодно подробно. (Можно только себе.)*

Если бы вам предложили опять стать ребенком, пережить детство, согласились бы вы или нет? Почему?

Какие-то моменты да, какие-то нет? Если не секрет, почему?

Если бы вам дали сказочную возможность выбрать себе детство и вместе с ним целый мир заново, включая и родителей, что бы вы выбрали? Чего (кого) бы себе пожелали?

Если бы вам пришлось снова стать тем ребенком, каким вы были, жить опять в том же мире, но притом была бы возможность воспользоваться вашим взрослым опытом, знаниями, — то каких знаний, какого опыта вы пожелали себе, ребенку?

ОБРАЗ ДОМА

«Дом был для меня адом, доктор. Скандалы и обвинения, запреты, недоверие, слезка... Постоянное насилие над волей, связанность... Равнодушные, одиночество, скука... Дом сломал меня, доктор...»

«Дом был для меня раем, и за это я заплатил. К реальной жизни оказался неприспособленным — сплошные разочарования. Тоска по несбыточному, поиск невозможного, в конце концов атрофия воли...»

Не произвожу вычисления, насколько детство этих людей действительно отклонялось, в плюс или в ми-

нус, от некого среднего. Пытаюсь постичь лишь, как получилось так.

Относительным раем дом может стать, допустим, из-за незначительного физического недостатка, над которым посмеиваются на улице и в школе, а дома сочувственно не замечают; или по причине чудесной возможности закрыть за собой дверь отдельной комнаты и поваляться всласть на кровати; тебя не трогают, с тобой разговаривают, только когда тебе этого хочется; с тобой вдоволь играют, тебя безнасильно кормят, заботятся — вот и прекрасно! Так и быть должно? Да. И вот еще один маленький нюанс, сдвиг на пылинку: допустим, тебя не одернули, когда ты в первый раз положил ноги на стол, а потом так уж повелось — и вот дом превращается в место, где тебя холят и лелеют, где ничего не требуется, где все дозволено...

Ничего подобного! Дом — это место, где тебя заставляют, проверяют, ругают, наказывают, где тебя не понимают и обвиняют, где от тебя требуют, бесконечно требуют и более ничего...

Тоже сдвиг, на пылинку, — и заслонилося все. От дисциплины до абсурда — один шаг, как от свободы до хамства.

Дом-«ад» — выпускной класс невротиков с комплексами неполноценности, неустойчивых и неискренних, неуживчивых и завистливых, с неизбывным чувством вины и неизбывными обвинениями в адрес ближних и дальних.

Дом-«рай» — плодилище эгоцентриков, самовлюбленных, неудовлетворенных разочарованных.

Необозримая палитра сочетаний того и другого.

Нет! Ни адом, ни раем не должен быть дом для ребенка — но местом, где можно жить. (Только не единственным!) Местом, где жить хочется, но не в той степени, чтобы стремиться им ограничиваться. Откуда можно уверенно выйти и куда радостно возвращаться. Где представлено все — в соотношении с жизнью, — где если и нет гармонии, то остается надежда...

Семь лет то ли приснилась, то ли придумалась такая маленькая сказка. Жил хороший человек. У него был волшебный фонарик. Когда он зажигал этот фонарик, то становилось видно, какие все хорошие, и как всем больно и страшно, и как можно жить, **ЧТОБЫ ВСЕМ БЫЛО ХОРОШО**. И ходил этот человек и

светил повсюду фонариком... Но нашелся другой, который не хотел, чтобы было хорошо, и прятался от фонарика, чтобы никто не увидел, что и он может быть хорошим... И однажды, когда хороший уснул, украл у него фонарик — хотел разбить. Но не тут-то было: фонарик волшебный, не разбивается, в воде не тонет, в огне не горит... Закопал в землю.

До сих пор ищем...

КИНДЕРВУНДЫ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР,
моему сыну 6 с половиной лет. Ходит в детский сад. Как будто развитой мальчик, но есть некоторые отклонения.

Родился восьмимесячным, искусственник. С полугода я начала делать с ним зарядку, рекомендованную в одной из книг (о плавании для детей грудного возраста еще не знала).

В два года Антон пошел в ясли, очень трудно привыкал, но постепенно втянулся. С трех лет начала учить его буквам. В четыре с удовольствием купался в море, плавал на круге и абсолютно не боялся воды, даже на глубоких местах.

Осенью мы с мужем решили отдать его в бассейн-лягушатник для 4—6-летних детей. Стал ходить туда и вдруг начал бояться воды, началось сильное моргание глазами. Окулист сказал, что это подействовала на глаза слишком хлорированная вода, прописал капли, но это не помогло. Невропатолог сказал: на нервной почве.

Когда Антону было пять лет, я и еще несколько мам объединили своих ребят в группу и раз в неделю проводили с ними занятия по методике Маликова: рисование, чтение, игра в кубики, иногда музыкальные игры.

Все дети, в том числе и Антон, ходили на эти занятия с удовольствием. Но при рисовании выяснилось, что у него плохо действуют ручки, не мог даже правильно держать карандаш, он у него выпадал. Он вообще плохо физически развит. В детском саду не получают упражнения по физкультуре.

Муж сделал дома небольшой спортивный комплекс; когда Антон стал на нем заниматься, появилось заметное улучшение, но ему мешает

трусливость: боится любого нового упражнения, боится влезать повыше. Пыталась уговорить не бояться, иногда даже заставляла его, но это не помогало...

Хотела отдать в спортивную гимнастику. Повели его и тех ребят, с которыми он занимался. Тех мальчиков тренер взял, а Антона нет. Говорит, что он не реагирует на приказания, смотрит в сторону, думает о своем, отвлекается.

То же самое говорят мне и в детском саду: то «заторможенный», то «расторможенный».

Итак, со спортом не получилось и сосредоточенности нет.

Для общего развития и для умения сосредоточиться берем уроки игры на пианино. Антон сказал однажды по этому поводу: «Мама, я хочу учиться, а не заниматься». Очень редко играет с охотой, но все же бросать не хочет.

Вожу в студию рисования при бюро добрых услуг. Там есть и взрослые, рисуют на мольбертах, это и заинтересовало Антона. Рисует он там с удовольствием и уже правильно держит карандаш, твердо проводит линии, неплохо раскрашивает.

Кроме того, занимается еще и с логопедом, неважно говорит...

Вожу в театры, в музеи, ходит с удовольствием. Любит, когда читаю ему рассказы и сказки.

Очень любознательный, особенно интересуется техникой. Развита фантазия. Недавно шли с ним по улице мимо плаката, возле плаката сидит собака, смотрит на плакат, лает. Антон: «Мама, смотри, собака читает плакат». Я: «Собаки не умеют читать». Антон: «Знаю, знаю, она просто играет в человека». Увидел через некоторое время другой плакат и залаял на него.

А теперь основное, что тревожит меня.

Антон почти не общается с детьми. Я прочла, что если ребенок до шести лет не играет с другими детьми, то это не считается отклонением, но если после шести лет — это отклонение. Когда бы я ни пришла в детский сад, он почти всегда один бегает по площадке, изредка играет с девочками. Со взрослыми очень общительный, задает тысячи вопросов, а среди сверстников как мокрая курица. Не может ни говорить с ними, ни

играть, они просто не реагируют на него, иногда смеются, а иной раз гонят, притесняют.

Пробовала приглашать детей домой. Поначалу приходили, потом перестали.

Что делать, как вырваться из этого?!

Со мной играет в любые игры: и в жмурки, и в догонялки, и в летчиков, и в геологов, проявляет при этом и находчивость, и сообразительность, а в кругу сверстников не приживается, просто боится их.

На следующий год должен пойти в школу, и я со страхом думаю, как это будет...

Ходила с ним несколько раз к психоневрологам, врачи выписывали на некоторое время лекарства, которые делали его спокойнее, но ни одного конкретного совета не получила. Иногда говорили: «Нужно воспитывать. Все зависит от вас». Но это общие фразы, а вот если бы знать, как все осуществлять...

(1)

Перечитываю Ваше послание и сравниваю Вашего Антошку еще с одним, тезкой. Ему, правда, скоро уже 16, верзнула, бас и усы. Но очень много общего, тот же тип, те же проблемы. При хорошем интеллекте долго длилось относительное двигательное отставание, были и нарушения речи, и тики, и боязливость, и хронический минус в общительности...

И в садике, и в школе пришлось трудненько — травмили, на ягненка волчонок всегда найдется. Доходило и до отчаяния.

Постепенно ему удалось сбалансироваться самому, «по сумме очков» сейчас достаточно благополучен, развивает себя на всю катушку. Образовался и небольшой круг друзей.

Я ничего для него не делал, просто удалось убедить родителей набраться терпения и не влезать ни в какую односторонность. Побольше смеяться, вместе и поврозь, и обращать внимание, его и свое, сперва на плюсы этой жизни, а после на минусы, не заслоняя одно другим. Вот и все.

Исходные проблемы и нынче при нем, на ином уровне. Думаю и сейчас, как помогать ему выбираться из скорлупки, в которую он залез, наверное, еще до рождения. Но прислушиваюсь и к голосу, подсказывающему, что скорлупка эта тоже зачем-то нужна.

Знать, как все осуществлять, нельзя, и, я думаю, хорошо, что нельзя. Вы, мне кажется, делаете для сына почти все возможное. Вы живете вместе с ним. Единственное мое Вам пожелание — остерегаться жить за него.

УВАЖАЕМЫЙ ДОКТОР,

как помочь больному сыну, 10 лет? Четвертый месяц как ему в больнице поставили шизофрению. Дома был месяц — между двумя пребываниями в больнице — и не смог адаптироваться даже на поддерживающей терапии. Для него я не умею быть психотерапевтом, не знаю, как ему конкретно помочь. Витюша был очень спокоен и радостен при общении с любимым отцом, но отец умер меньше года назад. А у меня не получается что-то внушить, изменить его установки и очень сниженную самооценку.

Я теряю единственного сына. Понимаю, что делать что-то можно и надо, но все мои попытки кончаются неудачами. Пыталась, чтобы в доме были его ребята — он их сторонился и уставал. Возила его в бассейн с веселой ребячьей компанией — он возвращался всегда с головной болью, угнетенный. Устраивала его в санатории — он оттуда убегал. Проводить диеты, голодания, водные процедуры, прогулки, игры, гимнастику вообще было невозможно, так как на все был один ответ: не хочу, не буду.

Его «не хочу жить» не дает жить и мне, не дает сил, чтобы ему помочь, перед глазами у меня картины, как я его теряю.

Пока его интеллект сохранен. Мальчик далеко не глупый.

Главный вопрос на сегодня: надо ли держать в больнице так долго (хотят оставить учиться на весь год в стационаре). У мальчика, по словам врачей, форма приступообразная, негативистическая депрессия. Врачи говорят, больница нужна, а не врачи говорят, что больница — это гибель...

Что делать, как жить?

(!)

Сына Вы не потеряете, если только сами будете в это твердо верить.

Шизофрению очень точно называли «мусорной корзиной для непонятных симптомов». То, что мы называем **болезнью**, есть только внешность непонимаемой нами жизни. Продолжение жизни другими средствами.

Выйти из-под гипноза диагноза, каким бы он ни был. Не болезнь, а **ЖИЗНЬ** сына Вам нужно стараться понять, и не чтобы «победить» ее, а чтобы принять и помочь стать полнее.

Поверьте, не общие слова. Если укрепитесь в этом подходе, уменьшится тревожность, а с нею вместе уйдут многие ошибки. Сын почувствует это, и состояние его улучшится уже этим одним. Наполовину, по крайней мере, он — живое Ваше отражение, текст Вашего подтекста.

Убрать панику. Загнать подальше, насколько хватит душевных сил, и бесполезное, а точнее сказать, *вредное сочувствие* — слепое сопереживание, поддерживающее замкнутый круг мрачности и тревоги. Больно вместе с ним, да, но скверная услуга — удваивать боль возвратом. Главная каждодневная работа с собой, прежде всего с собой. Не уставайте внушать себе — как бы ни было — что все будет хорошо, что все **УЖЕ** идет к лучшему. Этим без капли самообмана Вы будете то же самое внушать и ему. Это главное Ваше лечебное действие — самое великое из возможных, и кому, кроме Вас?..

Так постепенно создастся другой климат в Вашем взаимном мире и нарастет защита от вторжений мрака, дух укрепится.

По сравнению с этим вопросы: больница или дом, лекарства или что-то другое — второстепенны. Все конкретно на данный момент.

Терпение и оптимизм вопреки всему. Время даст и хорошую погоду. Откажитесь от притязаний на «как все», «нормально»: у сына своя норма, свое жизненное предписание, которое важно Вам если не понять, то почувствовать.

Я видел всякое, видел страшное. Но не верю в необратимый распад еще не установившейся, развивающейся психики. Преждевременный приговор не просто глупость, но преступление. Детская психика очень легко дезорганизуется от тысяч причин, давая самые тяжкие картины, но и поразительно восстанавливается — сотни раз наблюдал, ваньки-встаньки!.. Только явная органика (необратимые изменения ткани мозга) делает прогноз пессимистичным, и то с большой долей не-

определенности, с неизвестными резервами компенсаций.

Если выбор: коллектив, пускай даже больничный, невеселый, но с понимающими врачами и добрым персоналом (что, увы, далеко не всегда бывает), или домашняя изоляция, теплый четырехстенный тупик — то коллектив, даже если ребенку временно труднее, а Вам тревожней. Но это только общее соображение, а решать придется самим. В больнице и где угодно первое дело — научиться принимать свое положение, а потом уж и находить выходы из него...

У детей в запасе всегда много солнца.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР*,

не зная к кому обратиться за ДОБРЫМИ советами здесь у себя в городе, я решила обратиться к Вам. Не думайте, что я не знаю к кому идти на прием, я знаю и ходила, но...

Очень хочется узнать есть ли нет отклонения в психике у моей 11-летней дочери. И если да, то чем можно ей помочь, как ее лечить, как себя с ней вести, чтобы психоз у ней исчез. Опишу Вам ее поступки, волнующие меня и кажущиеся мне не нормальными.

Самое главное у дочери отсутствует самоконтроль. При скоплении людей сильно возбуждается. Не может заниматься своим делом, не обращающая внимания на окружающих ее людей, будь то уроки по самоподготовке или другие дела. Постоянно отвлекается, смотрит что делается рядом, заводит разговоры, одним словом, везде «сует свой нос». Вот например: приходишь за ней в школу, ждешь 20, 30 минут, а то и больше, а одеть-то ей только шапку, пальто и сапоги. В комнате, где она собирается, подружки и вместо того чтобы быстро собраться, не заставляют маму ждать, дочь на них смотрит, слушает их разговоры. И если ее не подгонять, так прособирается она может и час, и 2 часа.

Беспокоят работы по русскому языку, до сих пор пропускает буквы или слоги в словах или неправильно их пишет. И не потому, что не знает слово, что оно новое, не знакомое. Например:

* Это письмо приводится без орфографической правки.—
В. Л.

слово «упражнение» пишется с первого класса по два раза в день и в нем она может пропустить букву или написать не ту букву. При самопроверке бывает не может ошибку увидеть. Или даже так: написанный только что текст, после проверки переписывает и опять ошибки даже в небольшом тексте.

При просмотре художественных фильмов сидеть, смотреть спокойно не может. В радостных событиях вскакивает, прыгает, всех целует, в страшных тоже вскакивает, подбегает к кому-нибудь и прячется.

Может быть примеров привела мало, но если Вы захотите разобраться с моим случаем, Вы пришлите мне вопросы и тогда легче будет написать побольше.

Теперь напишу почему я не могу сводить дочь к врачу в своем городе. Когда дочь была в классе во 2-м, к врачу сводила ее бабушка с моего согласия. Как она информировала врача я не знаю, но когда на следующий прием с дочерью пришла я... Не знаю даже как описать прием, одним словом плохой был прием. Дочь учится в интернате, а врач велела дочери ходить в обычную школу, чтобы быть больше дома в спокойной обстановке. Не выяснив есть или нет у меня такая возможность. А возможности у нас такой нет. Однокомнатная квартира, живем в четвером. В доме один кухонный стол, больше столов нет. С бабушкой, с моей матерью, у нас тоже разногласие в этом. Она хочет, чтоб внучка ходила в дневную школу, зная мои условия, надеясь на то, что внучка может будет жить у нее. (Мать живет одна.)

Была у городского психоневропатолога, тоже не получила никаких хороших советов и консультаций больная или нет у меня дочь. (Есть же люди, которым не везет на хороших людей, я видно, в их числе.) Вот посудите сами правильно или нет вела себя врач. Я не знаю как должен проверять и обследовать врач пациента, но наша врач просмотрев тетради дочери в двойках и дневник в замечаниях, стала выяснять кто я такая, какое у меня образование, кем я работаю. И прямо при мне созвонилась с психоневропатологом по нашему месту жительства, выяснила с

той кто да что мы за люди, включая бабушку. В свою очередь обсказав той какие у меня к местному врачу притенции, что я о ней думаю. И все! И выпроводила меня из кабинета, сказав, если я не желаю своему ребенку здоровья, то они ничем помочь не могут. Справок — здоров или нет ребенок не даем!

Сейчас дочь кончает уже 4 класс, а поведение не меняется с тех пор, как мы начали замечать за дочерью странности (по нашему мнению) в поведении (с 1 класса). После тех приемов у психоневропатологов я не стала к ним больше ходить. Надеялась, что с возрастом, когда дочь станет старше, может все у нее пройдет. Дочь посерьезнеет, станет усидчивее, спокойнее, будет сосредотачивать свое внимание на одном деле. Но увыл.. Годы идут, а поведение не улучшается.

Долго думала, просить у Вас совета и помощи или нет. Все-таки решилась, светится в далеке маленький огонек надежды.

(!)

И мне тоже придется Вас разочаровать.

Психоза, который Вы ищете у Вашей дочери, не было, нет и, несмотря на все Ваши усилия, не будет.

Все, что Вы считаете ее «странностями» и «ненормальными поступками», — совершенно естественные проявления ее возраста и живого, подвижного характера. Плюс реакции на Ваше отношение. Ошибки в письме бывают даже у высокообразованных взрослых, они могут быть следствием утомления, рассеянности, педагогических недочетов или, реже, так называемой орфографической слепоты, недостатка трудноисправимого, но не смертельного и ни о каком нарушении психики не свидетельствующего.

Если же Вы желаете превратить дочь в хорошо себя ведущий, удобный и грамотно пишущий автомат, то не надейтесь, не будет и этого. Ведь вот не получилось же и с Вами: в письме Вашем полтора десятка грамматических ошибок.

Два совета напоследок: 1) подумайте, почему Вам «не везет на хороших людей». Так ли это на самом деле или Вы хороших людей просто не видите (бывает и такая болезнь: слепота на хороших людей); 2) ответьте себе честно, любите ли Вы своего ребенка?

Комментарий к психологической симптоматике.
Описание матери вряд ли достаточно объективно; но очевидно, речь идет о ребенке общительном, эмоциональном, возбудимом. Раструженность (в таком состоянии девочку видит мать) может быть проявлением нервного напряжения. «Подбегает к кому-нибудь и прячется»... Ребенок, доверяющий матери, не будет прятаться ни за кого, кроме мамы. Мы не знаем, хорошо ли девочке в интернате, но очевидно, что, собираясь домой, она не торопится. Любящая мать, получив совет врача взять ребенка из интерната, поспешит это сделать, даже если дома нет никакого стола. Отказ врачей признать у девочки психическое заболевание — мать не обрадовал. «Болезнь» в таких случаях — очень удобная форма психологического самоотделения от ребенка при усилении над ним контроля, вернее, произвола. Характерный штрих: эта мать ни разу не называет имя ребенка. Случай довольно редкий.

(1)

(Из ответа на письмо другой матери)

Хотел бы прибавить Вам уверенности и помочь от- решиться от двух стандартов, мешающих жить.

Стандарт «Болезнь». Да, странное, трудное существо. Да, неуправляемый, непредсказуемый, непри- способленный. Да, страдает и причиняет страдание...

Назвать это болезнью — чего же проще.

В определенном проценте среди обычных людей рождаются левши. Они не хуже и не лучше. Они дру- гие. И им приходится жить по-другому: с преоблада- нием не правой, а левой стороны — жить ПО-СВОЕ- МУ. Когда их принуждают жить «по-правому» — «правильно» — они страдают. У них не получается.

Наоборотность — не только в употреблении рук и ног. Она бывает и в реакции на лекарства, и в распо- ложении сердца, и в чувствах, и в восприятии, и в мышлении — по всем сферам, на всех уровнях. Быва- ют и психологические левши. Многие из таких являют собой золотой фонд человечества — оригинальнейшие дарования. Многие даже повышено приспособлены. Встречаются и такие, совместимость с которыми в «правой» жизни практически невозможна...

А некоторым ставят диагноз, поставленный Ваше- му ребенку.

Посмотрите на него так — и многие непонятные симптомы поймутся уже не как болезнь, а как поиск

способа жить. С одной стороны — жить «правильно». С другой стороны — жить ПО-СВОЕМУ. Сохранить здоровье. СВОЕ здоровье.

Почти вся жизнь нераспознанного психологического левши превращается в сопротивление «правильному».

Борьба неравная, практически в одиночку. Борьба против себя. Борьба трудная и потому еще, что сам борющийся от стандартов «правильности» далеко не свободен. Он впитал их — и сплошь и рядом оказывается потрясенным своим несоответствием: не понимает себя, не знает, чего от себя хотеть. Когда его авторитетно определяют как *только больного* — он вынужден этому верить, поддается внушению. А если нет, то его, естественно, считают совсем больным. Связи с «правильным» миром оскудевают...

Этот замкнутый круг может быть разорван, если хотя бы один из «правильных» возьмет на себя труд вживания. Если поможет «неправильному» всего прежде принять себя, удостовериться в праве на жизнь. А затем выходу на СВОЙ путь, обретению СВОИХ связей с миром. СВОЕГО смысла жизни.

Это, собственно, и есть настоящая психиатрия.

И это как раз то, что можете — и уже делаете — Вы для своего ребенка. Но многое еще сбивает Вас с толку...

Стандарт «Образование». Не могу поверить, что Вы настолько наивны, чтобы полагать, что счастье или даже просто заработок определяются какими-то бумажками.

Да черт с ними. Самое главное — учиться у жизни, у своей прежде всех.

Чем бы ни занимался — лишь бы по-своему. Лишь бы СВОЙ путь.

Право на поиск.

Если ТАК настроитесь — Вам уже не будет столь страшна реальность повседневных конфликтов. Нет, не благодущие и не потоки уступок. Но непрерывность вживания и поиск решений, всегда конкретных. Вы будете стараться не мешать ему жить В СВОЕМ МИРЕ. Вы спокойно, с сознанием справедливости обозначите сферы, где он обязан не мешать и ВАМ жить ПО-СВОЕМУ. Вам будет легче поддерживать себя — и для него, и не только.

Дети всегда в чем-нибудь да левши.

Странный, чудной, не от мира сего.

Непонимаемый и непонимающий, неприняемый и непринимаящий. Пребывающий в себе, неконтактный. В каждой детсадовской группе таких трое, четверо...

Из них один через год-другой сделается как все или более того. Своеобразие спрячется, пойдет в гены, чтобы расцвести гениальностью или вспыхнуть безумием — через поколение или дальше...

Другой тоже как-то приспособится, отчасти приспособится и к нему. Чудак, что же поделаешь. Могут и полюбить: странный, зато забавный, сдвинутый, зато честный. Опорой приспособления может послужить и какая-то одаренность, часто им свойственная (феноменальная память, способности к математике, к языкам, художественные, технические, рукодельные).

Третьему придется стать посетителем психоневрологических учреждений.

Инопланетянин. Требуем нескончаемого терпения и безграничной проникновенности.

Не питайте иллюзий и не отчаивайтесь. Не считайте, что только «не повезло». Иная болезнь лучше иного здоровья, и никто никогда не исчерпывается болезнью. Закрытый для людей может быть, как никто другой, открыт истине.

Один странный мальчик написал «Божественную комедию», другой создал теорию относительности; сотни их обогатили культуру шедеврами, прозрениями, откровениями, которыми живет человечество; миллионы других, безвестных, не создали ничего, но без них мир утратил бы свою тайну... Не все должны быть как все.

Плохо ли ребенку от его странностей или от того, что мы не умеем понять их значение? Что нас беспокоит: ЕГО счастье или его несоответствие НАШЕМУ представлению о здоровье и счастье?

УВАЖАЕМЫЙ ДОКТОР,

моему сыну летом исполнится 16 лет. Впервые мы обратились к психиатру примерно 5 лет назад (...) Нам сразу посоветовали поддерживать постоянную связь с психотерапевтом. Но, к сожалению, мне не удалось найти детского психотерапевта, с которым бы у сына установился контакт, он не открывался и на повторные визиты идти отказывался. Потом вообще оказался без врачебного наблюдения. Лекарства то принимал,

то не принимал, без видимой разницы. Поведение ухудшалось, постоянные конфликты и в школе, и дома стали уже почти нормой...

К сожалению, мы с мужем избрали неверную, слишком жесткую политику, и это привело к полному отчуждению и взаимонепониманию. Сын озлобился и замкнулся. Особенно тяжелые отношения сложились с отцом — неприкрытая ненависть, сочетающаяся со страхом, желание отомстить за притеснения.

После окончания 8-го класса поступил в строительный техникум, так как понимал, что это единственный путь избавления от родительского контроля. Нам пришлось оставить его с бабушками-дедушками. Конечно, учебу не потянул, сразу стало трудно и поэтому неинтересно. Начал пропускать занятия, появились какие-то сомнительные компании, интерес к «красивой жизни» и добыче денег легким путем. Принимал алкоголь и, вероятно, какие-то таблетки. Кажется, пробовал и колоться. Не знаю, как часто это происходило, сведения не от него. Ни о каких своих делах не рассказывает, на любые вопросы отвечает грубостью, лжет или вообще не отвечает. Заявил как-то, что целью своей жизни сделал борьбу с родителями...

Подробности о его личной жизни мне рассказывают некоторые из его друзей, перед которыми он хвалится своими подвигами. Любит общаться с ребятами старше себя, среди сверстников ищет себе подобных, в среде которых может быть лидером. Вообще-то парень неглупый, смелый, мужественный, но очень ленивый, в чем-то еще ребенок, а в чем-то уже взрослый, прагматичный, циничный мужик, иногда добрый и порядочный, а иногда злобный и лживый. К счастью, не лишен чувства юмора, на этой почве периодически удается контактировать. Увлекается современной музыкой, ярый поклонник «тяжелого рока» и еще чего-то в этом роде. Других увлечений, увы, мы не сумели ему привить, а у него самого терпения ни на что не хватало.

Общается с дочкой наших друзей, отношения чисто дружеские, даже братские, и делится с ней откровенно. Девочке 16 лет, умница, жале-

ет меня и хочет как-то помочь. Сговор у нас тайный, он ни о чем не догадывается пока...

Очень хочется верить, что еще не все потеряно, очень хочу уберечь мальчика от большой беды... Сейчас, посоветовавшись с врачом, я сняла ему все лекарства, но я прекрасно понимаю, что работать над собой самостоятельно он не может, ему нужен постоянный педагогический и врачебный контроль.

Врачи диагностируют у него психопатию, «пограничное состояние» и, конечно же, педагогическую запущенность. О болезни сам он говорить не любит, но понял, что этим можно спекулировать: «Я ведь дурак и псих, какой с меня спрос».

Случай у нас трудный, мы в панике: как теперь на него влиять, как воздействовать, как за него бороться? Как добиться дружбы или хотя бы устойчивого контакта?

(I)

Вы сможете сделать многое, если вдвоем с мужем преодолеете свою одностороннюю установку на «борьбу». Многое поняли, но все-таки еще не решаетесь ПРИНЯТЬ сына. И... раздуваете пламя, которое хотите погасить.

Наркомания?.. Опасность чувствуется. Но тем более без паники. Выслеживаниями, уличениями, насильственными мерами добьемся только худшего. Все трезво иметь в виду, но не держать на унижительном положении подозреваемого. Не требовать откровенности. Располагать к ней.

Для этого важнее всего знать и внушать СЕБЕ, что ему, несмотря ни на что, ХОЧЕТСЯ быть с Вами искренним. Поверьте в эту тайную, скрытую от него и от Вас главную правду ваших отношений. Поверьте пламенно — вспыхнет в нем...

Откажитесь, пока не поздно, от несбыточных идей «воздействия» — ничего, кроме углубления отчуждения, не добьетесь этим.

Не воздействовать, а вживаться в доверие. Постепенное, терпеливое сближение — АВАНСОМ уважения, одобрения. Приходится рисковать, да. Но наградой этих усилий может стать дружба. Только нельзя ее добиваться.

Понимаете?..

Шевелюра цвета дорожной пыли в нескольких местах как бы поедена молью.

Глаза потухшие, с искусственным блеском, нежно-румяные щеки, бледные изнутри. Лживость при откровенности, удивление при нелюбопытстве...

Как случилось, что в свои двадцать он оказался в компании наркоманов?

Долго шел по разряду удобных — послушный, ласковый, в меру веселый, в меру спортивный, учился прилично. Родители были достаточно бдительными, достаточно убедительными; ответственные должности, соответственная обеспеченность. И эта дистанция, эта грань, за которую не переходила взаимная осведомленность, казалась такой естественной.

Они, например, не знали, что в спецшколе — и школа что надо! — у него некоторое время было прозвище странное: Полторы. Обычная возня на перемене — и продрались штаны на довольно заметном месте. На уроке вызвали отвечать — общий смех.

Учительница:

— Лапочкин, что это такое? Целых две дыры на брюках продрал!

— Где?.. Не две...

— А сколько же, по-твоему?

— Полторы.

— Полторы дыры не бывает, Лапочкин!

«У меня с тех пор в голове они навсегда остались, эти полторы дыры. Все забыли, а я не мог. Друга в школе ни одного не было — приятелей-то полно, а вот друга...»

Есть такие натуры: хворост — вспыхивает легко, горит ярко, но не оставляет углей.

Заводной, общительный, отличный рассказчик, почти всегда улыбающийся, считался всеми «своим», был популярен как гитарист; несколько девочек признались ему в любви; с одной началось нечто серьезное, но потускнело, как только...

«Когда понял, что всем им нужен не я, а что-то от меня, самолюбие кончилось».

Еще в четырнадцать ему стало неинтересно жить. Спротивлялся как мог: читал, собирал диски, усиленно общался, занимался гитарой, по лыжам шел на разряд. Но все это не заполняло...

ПОСЛЕДНЯЯ ПУСТОТА — от нее уходишь, к ней и приходишь.

Последняя — стережет под кожей...

В 16 сошелся с двумя типчиками постарше, уже познавшими.

Так почти моментально появились долги и зависимость от безразличных людей и безразличных вещей.

Жизнь, и без того давно разделенная на жизнь для родителей и жизнь для себя, раскололась на неопределенное множество эпизодов, кусков, лоскутов — от кайфа до кайфа.

Хворост выгорал все быстрее... Вскоре осталась одна тупиковая забота — любым способом снимать жуть безнаркотического состояния. Бытие стало бегством в небытие.

При всем том как-то механически поступил в институт.

Родители сперва обратили внимание только на расширенные зрачки и несколько невнятную речь — устает, переутомляется... Отправили в горнолыжный лагерь — вернулся через неделю, возбужденный и злой, исчез на три дня «на дачу к приятелю». Мать нашла в кармане таблетки...

На что опереться?

Душа собирается не за сеанс, не за курс лечения.

Мы дали ребенку жизнь, но не дали ему пробиться к постижению смысла жизни. Не знали, как это делается.

Теперь постаревший ребенок далек от нас, как антигалактика; теперь, даже подчиняясь и подыгрывая заученными словами, он не ждет от нас ничего, кроме тех же заученных, манекенных слов. Когда слова произносятся искренне, он их не слышит, у него аллергия к словам. Надежда лишь на поступки.

Он сорвался в последнюю пустоту, потому что при всей чрезмерности нашей опеки мы были к нему болезненно невнимательны, преступно нелюбопытны;

потому что испугались начать свою жизнь из его жизни, из океана всечувствия. Вместо этого старались влихнуть в его душу кашу своего полуопыта, своих полуценностей, и вот получаем все это обратно. Надеялись, что он оценит тайное благородство наших компромиссов, а он швыряет их нам в лицо. Построй-

ли для него дом, пустили, как зверя в клетку, и не пришли, когда звал. А теперь не пускает.

Найти смысл жизни никто ни за кого не может, как никто ни за кого не может дышать.

А мы пытались держать его на искусственном дыхании, притом без должной квалификации. Пытались подменить жизнь подготовкой к жизни. На вопросы его, в чем же смысл, вопросы без слов, но тем более отчаянные, отвечали своей жизнью...

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР.

Пишу Вам, потому что больше не могу терпеть, из отчаяния пишу, не знаю, как дальше жить.

Сегодня снова я не пошла в школу (и это уже не в первый раз). Сижу, а на душе так плохо, все равно через день или два придется идти, а там одноклассники, учителя. (Учусь я в 9-м классе.) «Почему же ты не идешь в школу, — спросите, — что случилось?»

А ничего. Даже писать стыдно. Не знаю, поймете ли Вы меня, ведь все это с виду пустяки, но для меня не так... Я плохо учусь, хоть и стараюсь, даже учителя жалеют, ставят тройки за четверть, хотя у меня одни двойки, и это из года в год. Сколько лет ни старайся, ничего не получается, переводят из класса в класс за старательность, а сколько огорчений...

Как все-таки жизнь несправедлива! Есть у нас в классе одна девочка. Красивая, стройная, учится хорошо, дома все в порядке, у матери и отца под крылышком. И такая беспечность! Учебка дается от природной способности, никакого труда. А я должна, как раб божий, сидеть за книгами день и ночь, потому что до меня не дойдет ничего сразу, да еще вдобавок за это все равно двойку получаешь. Ведь она не лучше меня, все делает для себя, только для себя. За что же одним людям живется на свете легче, чем другим? У одних есть все, а у тебя ничего: ни способности к учебе, ни человеческого вида (я сама себе противна), ни жизни порядочной (в семье у нас пьет отчим). Живем мы на частной квартире всей семьей, скоро приедут хозяева, и нам надо уходить. Моим родителям уже по 36 лет (мне 16), а над головой нет крыши своей, дома нет

ничего, даже телевизора, а в школе все только и говорят о кино. Кушать не хватает, хотя мать зарабатывает на бетонном заводе по 140 рублей, она не может вести хозяйство экономно. Одеваться тоже не на что, а ведь я в 9-м классе, да притом некрасивая, ношу очки и еще много, много других недостатков, о волосах и говорить не хочется...

Мы не живем, а существуем! И не хочу я учиться и жить, потому что жизнь ко мне отнеслась жестоко. Завтра меня спросят, почему я не пришла, что мне говорить? Какое мне дело до этих всех пустяков, когда мне жить не хочется. А я должна что-то зубрить, общество требует: делай то, что и другие, и я должна мучиться.

Что меня ждет впереди? Я уже почти все предвижу. Если и смогу с грехом кончить 10 классов, выдадут мне записочку, что, мол, проучилась, и что же дальше? На физическую работу меня не возьмут, потому что я с очками, а к умственной не способна, не способна вообще ни к чему. Сидеть на шее у бедных родителей? А ведь я у них не одна... Вот. Я, короче говоря, уже сбилась с пути.

Представьте, пожалуйста, себе эту картину в душе шестнадцатилетнего человека.

(Имя, адрес).

Приписка: «А завтра все пойдет по-старому. Ведь исповедь облегчает душу».

(1)

Не думай, что собираюсь утешать. В определении жизни ты права. Хочу только спросить: как, по-твоему, лотерея тоже жестока и несправедлива?

Часто об этом задумываюсь. И вот как у меня выходит: и да, и нет. Если вытягиваешь одни невыигрышные билеты — несправедлива, жестока. Мне, кстати сказать, в лотереях не везло никогда. Однажды достался билет выигрышной серии, только номер на единичку не совпал — обидно до смеха!

В этот момент я и понял, что жизнь тоже во многом лотерея, и что те, которым везет, так же не виноваты в своем везении, как я в невезении. Никаких «за что» — ни за что.

Эта догадка наконец-то избавила меня от унизи-

тельной зависти. А потом, представляешь ли, научился даже радоваться, что на свете есть более везучие, чем я. Духу прибавляет: мне не летать, зато птице!..

Что кого ждет впереди, никогда не известно. В то, что ты ни к чему не способна, я не верю уже потому, что ты оказалась способной написать мне такое искреннее письмо. Если это не умственная работа, то что же?

Более того, работа души.

Та девочка, которой все легко дается, действительно не лучше тебя. У тебя перед ней есть и неоценимое преимущество — познание суровых сторон жизни, опыт страдания и самопреодоления, драгоценнейший опыт. По мерилу человеческого достоинства трудовая тройка и даже двойка стоят несравненно больше, чем дармовая пятерка. Согласна?

Если согласишься, дело только за тем, чтобы ты сама верила, что ты не хуже.

Тогда обязательно придет и к тебе ТВОЙ успех, придет ТВОЯ красота, на других не похожая. И придет ТВОЕ счастье.

Ты еще не знаешь СВОИХ способностей.

Способность учиться — это только способность учиться, она еще не означает ни способности думать, ни способности любить, ни способности жить.

А эти способности самые главные, и я знаю очень многих, бывших самыми тупыми учениками, у которых эти ГЛАВНЫЕ способности потом блистательно развернулись.

Не зачисляй себя в неудачники, это ошибка.

* * *

«Любит и зверь свое дитя». Есть и у человека инстинкт родительства и кровные чувства. Но у человека свои дети оказываются по духу чужими, а чужие своими так часто, что это наводит на мысль о какой-то закономерности. Самое близкое кровное родство несколько не обеспечивает ни общности интересов, ни сходства характеров, ни взаимопонимания, ни сердечной привязанности, зато и неродственность всему этому не помеха. Близкая душа может не найтись в своем доме, но встретиться за тридевять земель или в другой эпохе...

«Возлюби ближнего, как самого себя» — не всегда удается. Зато есть стремление возлюбить дальнего...

А дело, наверное, в том простом факте, что ближних не выбирают.

Родителей не выбирают. И детей тоже — рожают, какими получатся, лотерейно.

Предков не выбирают, потомков не выбирают. А любовь — сложный факт — любовь избирательна. Духовное родство физическому не подчиняется. Да, Природа располагает нас любить и невыбранных родителей, данных судьбой, и детей, рожденных вслепую. Но сама же Природа ставит все под вопрос.

В том ли смысл жизни человеческой, чтобы продолжаться и только? Передать гены?..

С гарантией: уже через два-три поколения эти частицы неуследимо рассеются, смешавшись с чьими-то неизвестными, растворятся в чужом.

Потомки наши будут говорить на неузнаваемом языке. Смогут ли представить себе, что мы жили на свете?..

Все живое — родня, но родство не в генах, а в душе. Родство кровное — лишь один из поводов для любви, самый сомнительный.

ДОРОГОЙ ДОКТОР,

4 года назад я усыновила Женю — от родителей-алкоголиков. Сейчас ему 9 лет.

Никто не верил, что ребенок этот научится говорить и пойдет в обычную массовую школу.

Районный психоневролог, недовольно ворча, направила нас в диспансер. Жене поставили диагноз «олигофрения». Первый год этот ребенок молчал! Друзья и доброжелатели советовали отдать его обратно... Куда? Пьянчуге, который, выйдя из тюрьмы, лишен родительских прав? Или матери, бросившей сына в полугодовалом возрасте? В детдом, где он среди заброшенных детей был худшим?! Да ведь его и не я оттуда взяла. Нашлась еще одна «мать», которая не смогла с ним справиться. Судить не хочу, может, она честна: не справилась, отдала бабушке с дедушкой, которые пьют, как и отец. А только никому мой Женька не нужен... Понимаете?..

И вот что я Вам скажу, дорогой доктор:

1) не верю в наследственность, верю в воспитание;

2) не верю, что не справлюсь, должна справиться;

3) не верю, что человек неисправим, тем более ребенок;

4) самое главное—Женька мне нужен, очень нужен! — в нем есть хорошее, мой долг — вытянуть его...

Сделала кое-что, похвастаюсь. Добилась, чтобы к школе готовили и учили говорить в логопедическом саду. Первая победа — стал говорить, лучше с каждым годом (учим стихи для памяти). Вторая — вытянули в нормальную школу! Сейчас ходит во 2-й класс. Добрый парнишка, трудолюбивый — и пуговицу пришьет сам, и штанишки стирает, и на кухне мне любит помогать. Очень любит меня, ну а уж его не любить, по-моему, невозможно...

При всем том у него до сих пор нарушения речи и памяти, приступы молчания, когда он не может вымолвить ни слова. Вижу, хочет сказать, морщит лоб, крутит руки, выдавливает из себя нечленораздельные звуки, глаза бегают растерянно. (Алкоголик-дед бил его по голове...)

Очень пугливый: первое время вздрагивал и бросался от каждого шороха. Совершенно не переносит крика: если на него кричать, как парализованный делается. Иногда я делаю недопустимое — этот страх «вышибаю» другим страхом, говорю, что сейчас, если не заговорит, я его щелкну по лбу линейкой... Он — как очнувшись — вдруг начинает говорить, весь вспотеет... Я понимаю: нельзя, но...

Даю картофелину, разрезаю ее на две равные половины. Изучаем битый час это понятие: половина.

Держит в руке половинку картошки.

— Женья, сколько у тебя в руке картошек?

Молчание.

— Женья, ты вопрос понял?

Кивает и молчит.

— Ну так сколько же картофелин у тебя в руке?

Молчание...

— Женька, ты что, оглох?!

— Нет.

— Так отвечай на вопрос! (Начинаю сердиться, мой тон его словно пробуждает от летаргии.)

Подымает голову и чуть слышно:

— Пять...

— Чего пять?! — выпучивая глаза. И тут Женька без зазрения совести ляпает:

— Метров!..

Я сажусь на стул и мрачно гляжу на сына. Мне хочется треснуть его по затылку. Но я беру складной прибор для измерения, вытягиваю длинную ленту с сантиметрами-метрами и начинаю заново трехлетней давности объяснение — что такое «метр» и «пять метров»... Женька помогает мне измерить комнату. Вроде уясняет, что картошка не может быть «пять метров»... Возвращаемся к «половине», к «целому» и к «полторы»...

Он воспринимает лишь то, что дает ему встряску, сильную ассоциацию. Слово «половина» учил целый год и не запомнил, нет! С отчаяния налила в стакан воды: вот это целый стакан! Ты видишь?

— Вижу.

— А это другой, здесь половина. Понял?

— Понял.

— А вместе будет полтора. Понятно?

Кивает. «Полтора» написала ему на ладошке.

— Ну, хорошо. Покажи мне целый стакан.

Показывает правильно.

— А теперь — половину.

Стоит в нерешительности.

— Женя, половину. Понимаешь?

— Нет.

— Ты что, не видишь? Перед тобой стоят оба стакана. В каком же из них половина?!

Молчит.

Всердцах я хватаю стакан.

— Видишь, вот это половина! — и выливаю ему в штаны.

Ревет. Штаны снимаем и развешиваем сушить. Зато запомнил, представьте себе!

— Сколько я вылила тебе в штаны?

Без запинки:

— Половину!

Показывала Женю многим врачам, психологам. Никто нам ничего хорошего не прогнозировал, а теперь удивляются и пожимают плечами: «Как так?..»

Хочу у Вас спросить: действительно ли он оли-

гофрен? Как дальше, на что рассчитывать? Есть ли у меня ошибки, какие? Очень многое недосказала. Прилагаю фотографию...

(!)

...Олигофрен ли?

Олигофрен — малоумный.

А малоумие — понятие растяжимое. Сколько ума нужно для жизни, никому не известно.

Не пережимайте. Ощутил немножко такую опасность — в Вашей страстности, в стремлении к преодолению «сопротивления материала», к результатам — любой ценой...

Любой? Нет, говорите Вы, не любой.

Вот в том-то и дело, что эту цену с той, другой стороны (да и со своей) измерять очень трудно. Счета приходят врасплох. Эти самые результаты так нас увлекают, так разжигают, что мы забываем, для чего они и, главное, для КОГО.

Не замечаем, как воспитание превращается в средство нашего самоутверждения, а воспитанник — в объект капиталовложения, от которого ждем отдачи. Так самый божеский альтруизм оборачивается самым дьявольским эгоизмом. Вы и сами видели на других примерах, куда может завести буйство педагогического энтузиазма...

То, чего Вы уже добились, само по себе фантастично. САМОЕ ГЛАВНОЕ сын Ваш уже получил — Вашу любовь. И себя самого, принятого, любимого. Пусть же это не заслоняется частностями, даже такими важными, как нормальная речь, усвоение понятий, доступных другим...

Не верите в иаследственность?.. Правильно, верить в нее не надо. Но трезво иметь в виду.

Вы взяли на себя этот крест по воле своей души, но позвольте же своему уму ее обмануть.

Основные проблемы в ближайшем будущем: общение и уверенность. При всем том малом, что имеем, и многом, что останется недостижимым, — нахождение СВОИХ интересов, СВОЕГО дела.

Спокойное наблюдение. Не «тянуть», а дать выжить. Рисовать, строить, мастерить, собирать? Общаться с животными, с растениями?..

Не засекайтесь на умственном развитии в узкопривычном смысле. Душевное несравненно важнее. И это развитие Вы даете ему сейчас.

Опасайтесь только чрезмерной плотности отношений, однолинейной связи. Понимаете меня?.. Сейчас Вы у него — одно-единственное любящее и родное существо, больше никого. И мать, и отец, и друг, и бог — все в одном лице. Сейчас это необходимо — но...

Из таких вот сверхплотных отношений и вырастают взаимные невроты; эта зависимость и рождает напряженность, тревогу, чрезмерную требовательность, а случись что — страшную пустоту.

И у Вас и у него. при всей единственности ваших отношений должны возрастать ЕЩЕ привязанности, ДРУГИЕ нити, связующие с жизнью.

Пусть ему будут нужны, кроме Вас, другие существа, а Вы направьте, насколько сможете, на дорожки к ним. Так и делаете?.. Ваш дом открыт, ходите в гости? Включаетесь в чужие проблемы, делаете их своими? Ему уже хочется кому-то помогать, кроме Вас, делать что-то приятное?..

Если так, есть надежда, что не останется одиноким.

(2) ДОРОГОЙ ДОКТОР,

Женька у меня не один, как Вы подумали. Детей у меня трое. Старший служит в армии. А дочка тоже досталась случайно: в больнице, где я работала. Умерла ее бабушка, еще дядька был пьяница, она к нему не пошла. Ей было 11 лет...

Сейчас 18, работает, готовится в МГУ на искусствоведческий. От меня отделилась — хочет самостоятельности, я не мешаю. Советоваться и болеть приходит ко мне.

Я до сих пор жалею, что не взяла еще и двух Женькиных братьев, по виду нормальных... А Женьку увидела (подтолкнули хмурого) — сразу как холодной водой облили: поняла, с кем судьбу связываю. Отступать было поздно: он знал, что я мать. Если б я ушла, не простила бы себе никогда малодушия и предательства...

А теперь и подавно не отступлю.

Все Ваши замечания попали в точку. Подсудно я и сама чувствовала: пережимаю, чересчур концентрирую программу занятий, часто несдержанна...

Опишу и некоторые черты моего сына, которые вызывают опасения.

Самое страшное — воровство. С таким явлением, навязчивым, как болезнь, прежде не сталкивалась. Норовит унести все, что «плохо лежит»: и в детсаду, и в школе, и дома... Лазит по карманам! Что делать? Самое смешное, что порой тащит ерунду, которую дома бросает или прячет и забывает о ней. Какие-нибудь сломанные детали игрушек, шарики от кроватей, подшипников, какие-то стеклянные шарики. Деньги — в основном мелочь — насыплет в коробочку, спрячет, однажды заставила выплюнуть изо рта... В школе — карандаши, кисти, краски, перетаскал все магниты у учительницы. У меня впечатление, что руки его нарочно приделаны для хватания и прятания тайком... Ругала, ставила в угол, однажды ремня отдал... Обещал, что больше не будет, а через три дня...

Молчание — раньше произвольное, а теперь за него как за стену прячется, хитрит. Притворяется глупеньким, непонимающим, забывшим... А теперь уже нет этих провалов памяти, я вижу, что помнит и даже понимает! Просто не хочет говорить. Упрям. Если бы мне сдвинуть этот камень-бурун. Какая бы река рванулась с гор его сознания!..

Инертность мысли — другая беда. Слаба фантазия. Другому ребенку все интересно, а этот ни о чем не спрашивает. Зададут ему пересказ текста — он уныло, слово в слово, его повторяет, не понимая новых слов, не спрашивая, что они значат. Он же умудряется запомнить почти целиком наизусть страницу незнакомого текста. Правда, на завтра все вылетит из головы как сквозь сито. Купишь игрушку — радуется, заведет и смотрит, как она кружит по комнате. Минут 20 сидит, наблюдая. А потом выключит, соберет аккуратно в коробочку, обратно, вместе с инструкцией, положит на полку и все. Ему не нужны игрушки как таковые. Пыль с них стирает!..

Что он любит? Телевизор. Если разрешишь — будет смотреть с утра до вечера все передачи подряд.

Скажешь — сделает. Напишешь записку — сделает. А сам... будет сидеть на диване целый час, а если телевизор, то хоть 15 часов подряд.

Мальчишки его используют как дурачка:

«Принеси конфет, тогда будем с тобой играть». Игрушки свои раздает. Придут в гости — сразу на кухню и в холодильник: «А что у тебя есть? А это что такое? Я возьму!.. И я возьму!» Однажды пустил девочку 10 лет. Прихожу — дома тарарам: все раскидано, мои бумаги по всей комнате, машинка печатная сломана, холодильник открыт, на полу варенье... Девочка была не одна, с двумя мальчиками помладше. Пришлось с нею поговорить...

Как Вы думаете, наладится у него с контактами? Что для этого нужно?

Приходят ребята, иногда показываю всем диафильмы, читаю, а Женька крутит, ему нравится крутить.

Знаете, что еще полюбил? Конструкторы. Недавно купила без всякой надежды (раньше они ему не нравились) и вдруг вижу: занялся. Да так, что сам 11 моделей собрал!.. Было чему удивиться. Может, созрел, а?.. Учила в шашки, в шахматы — никак. Но в шашки чуть-чуть начинает думать... Я все же не оставляю мечту его научить, хоть Вы и пишете: «Не перегружай». Такая большая голова (больше моей) и так мало думает!..

Он уже не такой угрюмый бирюк, уже шутит, передразнивает, смеется взахлеб. Очень хорошо говорит по телефону. Вечером, когда меня нет, всех изумляет: «Здравствуйте. Кто говорит? Извините, ее нет дома».

Сегодня вымыл пол в кухне, вчера разморозил холодильник. Я его за это хвалю, и он сияет: «Я здесь хозяин! Я твой помощник!»

Переписывает сказку (из книжки), а я проверяю, работаем над ошибками... Школу не любит, терпит ради меня. Очень самолюбив...

(3) ОПЯТЬ ПОДАЮ ВЕСТОЧКУ...

Когда я рассказываю моим семейным (а я «бессемейная») друзьям, что мой Женька любит помогать по дому, что я в наказание отлучаю его от чистки картофеля, друзья удивляются: «Как это удалось?» А я объясняю, что просто не мешаю моему ребенку делать все самому.

Я главного, наверное, не сообщила Вам, что с

самого детства сочиняю сказки, выдумываю чудеса и рисую их, и вырезаю из бумаги. Выставка у меня была, и не одна... Женька в этом «колдовстве» участвует, и многие (в шутку или всерьез?) считают меня колдуньей.

А сейчас работаю над большой сказкой, и пришла интересная мысль читать ее в Женькином классе. Если б Вы знали, как они слушают!.. Там сплошные приключения и страсти-мордасти, мечтаю опубликовать...

Ребята к нам повалили гурьбой. Стараюсь, чтобы Женьке помогали в учебе. Такие чудные, любопытные, замечательные, просто зависть берет. И они мне помогают сказку писать. А мой по сравнению с ними «киндервунд», то есть вундеркинд в обратную сторону... и это так больно, а за что, непонятно. Но надо жить, несмотря ни на что...

(1)

Вашим грустным каламбуром в конце письма, может быть, ненамеренно сказалась точная правда. Если «киндервунд» перевести с немецкого, то буквально получается «детская рана» или «раненый детством»... Вот такой перевертыш.

...Это я пишу не в утешение Вам и не в похвалу, а только в благодарность.

* * *

Родитель! С тебя лепится первообраз мира.

Глубина отпечатка, оставляемого тобой в душе, никакому сравнению не поддается — сильнее этого только сама Природа.

Ты навсегда, до конца, в утверждении и отрицании... Иной, непохожий, отвергающий тебя всем существом — всю жизнь будет тебя искать, ждать и любить, находить и не узнавать. Всю жизнь прижиматься и убегать, улыбаться и плакать, стыдиться, бредить... С тобой умирая, не будет знать, как тебя много в нем...

Мир ребенка строится из кусочков твоего утра. Но ты не узнаешь, ты не видишь.

Этот мир хрупок. Пытается подражать твоему, но как сон, рассыпается. В нем другое пространство, другое время.

Ты не узнаешь, ты негодуешь... Ты хочешь думать, что ребенок живет с тобой, а он, оказывается, живет только рядом. Неблагодарный, не знает цены ни деньгам, ни времени, ни здоровью, а потеряв игрушку или пятиминутное развлечение, приходит в отчаяние. Глупый маленький эгоцентрик не знает и не желает знать, что почему и как оно все дается, не хочет думать, не понимает твоей любви и страданий, мешает тебе управлять им ради его же блага, безумный слепец, сопротивляющийся поводырю!..

Все так и есть: твоё чадо — маленькая модель человечества. И ты был таким же — и остаешься. И ты тоже несешь в себе отпечатки...

Целый полк психоаналитиков не распутает причинный клубок одного-единственного скандала из-за невымытой чашки. Каждая ссора, каждый удар по самолюбию, каждая ложь — след на всю жизнь. Конфликты неразрешенные, скрытые, подавленные — тем более. Забытые, вытесненные из сознания, они потом вылезают, как крысы, из всевозможных щелей, могут принимать вид болезни, переносятся и в любовь...

Если ссоры и недоверие составляют атмосферу ваших отношений, ребенок понесет их с собою дальше, как мешок с отравляющими веществами. Закончит то-то, станет тем-то, добьется того-сего — но если ценой потери жизнерадостности? В угоду ограниченности, духовной ущербности?..

Забота о настоящем, забота о будущем — как соединить, как соразмерить?.. Подготовка к взрослости — не за счет детства. Счастье — не за счет остальной жизни, имеющей те же права на счастье.

Хочешь добра ребенку, только добра? Заботлив, предусмотрителен, требователен, иначе нельзя? Спроси себя, где кончается ЕМУ ЭТО НУЖНО и начинается Я ЭТОГО ХОЧУ?

Не забыл ли, что ребенок — не твоё продолжение?

Не забыл ли, что это живая душа, которую ты не знаешь, тайна вселенская? Что это и есть твоё НАСТОЯЩЕЕ продолжение?..

НОКТЮРН СЫНУ [Из дневника Д. С.]

...Мы остались с тобой вдвоем, мой мальчик, ты спишь, а я думаю, как научиться быть взрослым. Ты

так уверен, что я умею, всегда умел... А я не имею
права тебя разуверять, до поры до времени...

Темно. Душно. Раскидываешься, бормочешь...

Не плачь, не просыпайся... Я слежу
за полночью, я знаю расписание.
Ты спи, а я тихонько расскажу
тебе про нас с тобой...

Слушай... Не просыпайся, слушай...

Луна личинкой по небу ползет.
Когда она устанет и окуклится,
песчинками зажжется небосвод,
и душистый город темнотой обуглится...

Не вспыхнет ни фонарик, ни свеча,
лишь тишины беззвучное рыдание.
И древние старухи, бормоча,
пойдут во сне на первое свидание.

И выйдет на дорогу исполни.
И вздрогнет город, темнотой оседланный...
Он отряхнет кору песков и глин
и двинется вперед походкой медленной.

И будет шаг бесшумен и тяжел,
и равномерно почвы колыханье,
и будет город каждым этажом
и каждой грудью знать его дыхание...

Слушай, мой мальчик...

Вот что спасет:

строить Понимающий Мир.

Начиная с себя.

Навык первый и главный: понимание непонимания.

Первое, мучительное, счастливое НЕ ПОНИ-
МАЮ — главное, вечное!..

Не знает свет, не понимает радуга,
как можно обходиться без лица
и для чего ночному стражу надобно
ощупывать уснувшие сердца...

Строить Понимающий Мир — здесь, сегодня, сей-
час, в своих обстоятельствах, в своем непонимающем
окружении — это страшно трудно, мой мальчик, это
немыслимо сложно — не на бумаге, а в жизни...

Как я обрадовался, наконец-то открыв, что не по-
нимаю себя. Как ужаснулся — увы, не вовремя, — что
не понимал ни своих родителей, ни друзей и возлюб-
ленных, ни твою маму... Как и ты, слишком торопился
быть понятым...

Но я узнал, мне было откровенно,
тот исполни в дозоре неспроста:
он гасит сны, он стережет забвение,
чтоб ты не угадал, что ночь пуста.

Непонимающий Мир огромен, страшен, наивен. Он жив, и ты часть его. Если сумеешь взрастить в себе хотя бы пылинку Понимания, хотя бы намек...

Ты уже не однажды испытал это счастье, припомни...

Пускай и неразделенное, Понимание не пропадает. Тайным узором навечно вплетается в ткань живого...

Ты слышишь?.. Мы живем с тобой, чтобы что-то понять. Это невероятно важно, в этом великий смысл, даже если понимание наше ничего не меняет. Жизнь — надежда понять.

...Ты спишь, мой маленький, а я вспоминаю, как горько плакал от двух горьких открытий. Первое — смертность. «Неужели Я ТОЖЕ?.. Мама, как?! И ТЫ ТОЖЕ?..»

Прошло. Принято. (Приговор-неизвестно-за-что-будет-приведен-в-исполнение - неизвестно-когда - подождем-посмотрим-авось-амнистия.)

Второе — бескрылость. Еще горше. Как всем детям, мне снилось, до сих пор иногда снится, что я летаю — с упоительной естественностью, как бывает, только когда просыпаясь в сон, а на самом деле всего лишь живешь, и украдкой об этом знаешь, и ждешь случая...

Когда-нибудь ты босиком побегаешь
по облакам, как наш бумажный змей,
но ты еще не знаешь, ты не ведаешь,
какая сила в слабости твоей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Взрослым третьего тысячелетия. Предисловие ко второму изданию	3
1. Записки на рецептурных бланках	4
2. Испорченный телефон	21
3. Кот в мешке	40
4. Аванс	63
5. Леонардо Подбитый Глаз	99
6. Посол рыбьей державы, или Опьянение трезвостью . .	141
7. Откуда я взялся	175
8. Понимающий мир	207

Научно-художественное издание

Владимир Львович Леви

НЕСТАНДАРТНЫЙ РЕБЕНОК

Издание 3-е

Главный отраслевой редактор *В. П. Демьянов*

Редактор *С. П. Столпник*

Мл. редактор *Н. П. Терехина*

Художник *Э. К. Ипполитова*

Худож. редактор *М. А. Бабичева*

Техн. редактор *И. Е. Белкина*

Корректор *С. П. Ткаченко*

ИБ № 10022

Сдано в набор 03.02.88. Подписано к печати 26.10.88. А—13847.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44

Усл. кр.-отт. 13,76. Уч.-изд. л. 13,57. Тираж 250 000 экз. (1-й завод 1—150 000). Заказ 8—334. Цена 90 коп.

Издательство «Знание», 101835. ГСП, Москва, Центр,
проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 897721.

Киевская книжная фабрика, 252054, Киев-54, ул. Воровского, 24.